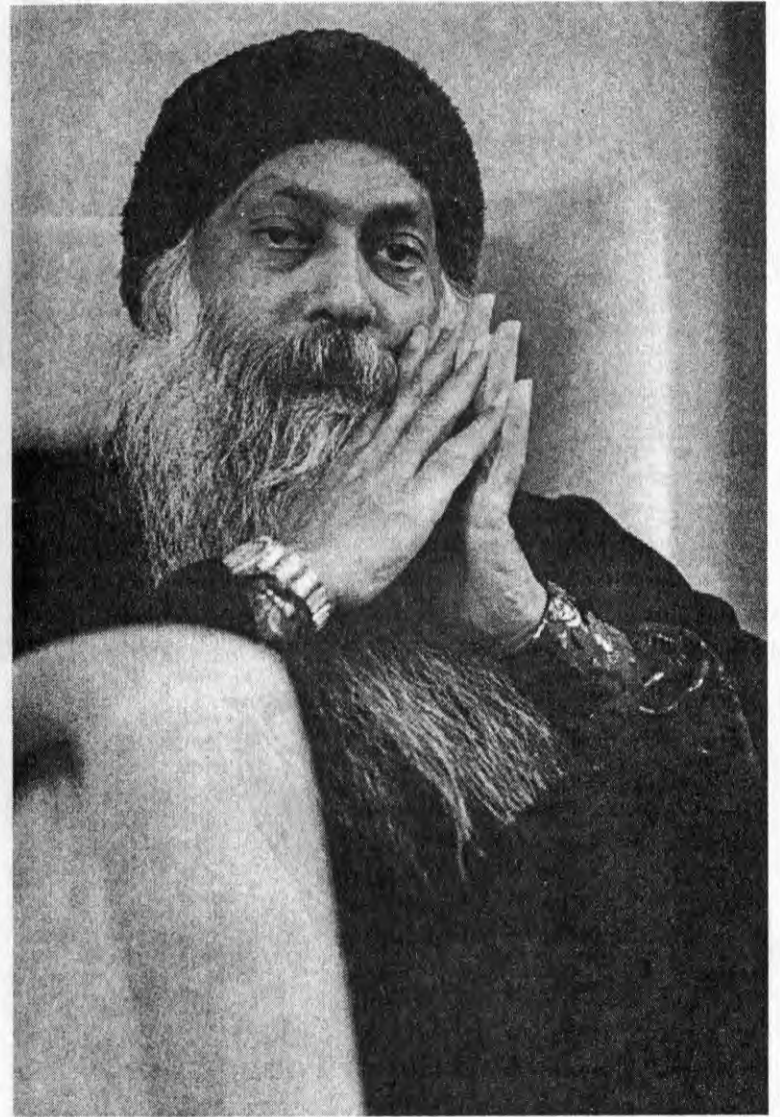

ОШО

Дхаммапада - вечная реальность

The Dhammapada

The Way Of The Buddha

Series 4

**Osho International Foundation
1979**

Дхаммапада

Путь Будды

Мом 4

**Москва
1998**

ББК 84,5 Ид
096

Ошо
096 Дхаммапада: Путь Будды. Том 4. Москва, ИПА
“Три Л” 1998. 320 с.

ISBN 5-7135-0046-32.

Ошо, известный также как Багван Шри Раджниш - просветленный Мастер нашего времени. “Ошо” означает “подобный океану”, “Благословенный”.

Эта книга содержит четвертый том серии бесед, посвященных “Дхаммападе”. Через двадцать пять столетий Гаутама Будда снова обретает плоть и кровь в Аудитории Гаутамы Будды в ашраме Ошо: он говорит с современными ищущими о жизни, любви, смерти, проблемах, с которыми сталкивается медитирующий в современном мире и... об истинном счастье.

© The Dhammapada.

© Osho International Foundation, 1979.

© Московский медитационный центр Ошо “Нирвана”,
перевод 1998 г.

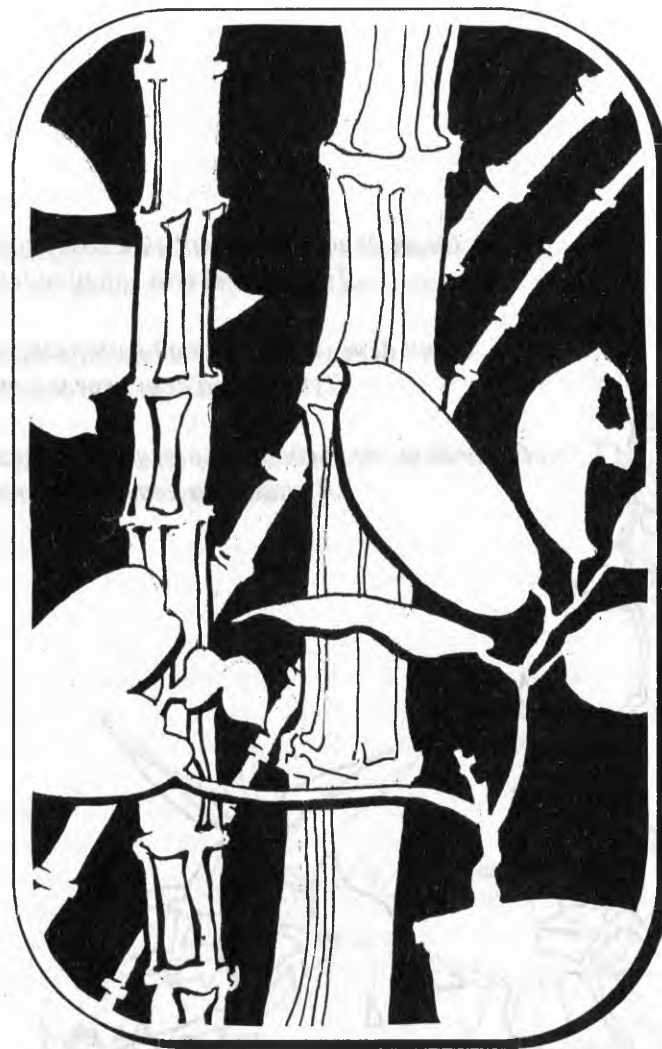
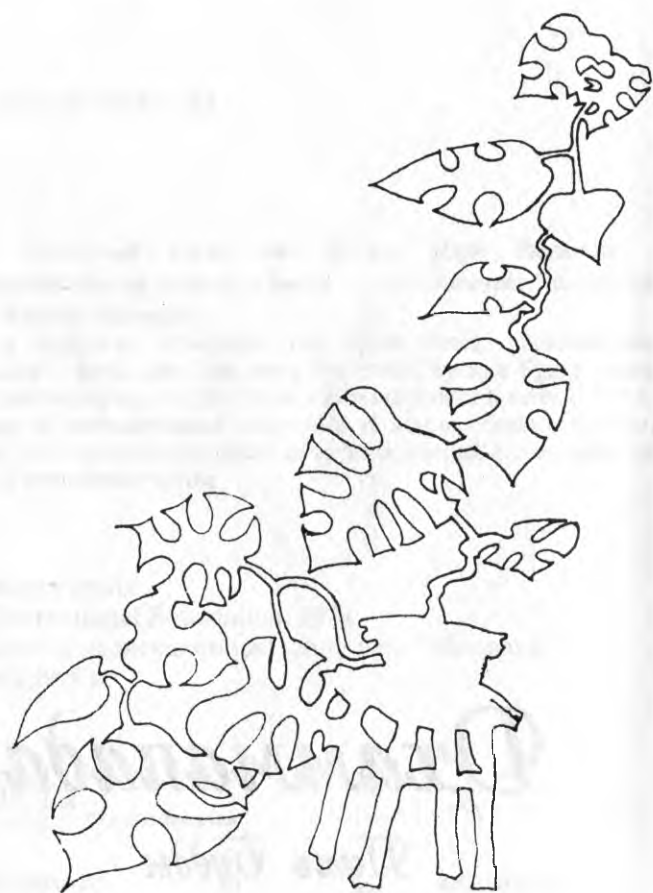
04030300 — 022
7П6(03) — 96 без объявления

ISBN 5-71-35-0046-32

ББК 84,5 Ид

Дхаммапада

Путь Будды

Глава 1
Лучше Ста Лет...

*Один день, проведенный в созерцании,
Лучше ста лет заблуждения.*

*Один день, проведенный в отражении,
Лучше ста лет невежества.*

*Один день, проведенный в решительности,
Лучше ста лет праздности.*

*Лучше прожить один день, удивляясь тому,
Как все вещи рождаются и умирают.*

*Лучше прожить час с видением,
Чем всю жизнь без пути.*

*Лучше прожить в мгновении одно мгновение
Пути за пределами пути.*

Гаутама Будда поднял наиважнейший вопрос для всех тех, кто способен на исследование истины, жизни, существования. Вот наиважнейший из всех вопросов: Что такое истинное счастье? Есть ли возможность его достичь? Возможно ли вообще истинное счастье, или все оно мгновенно? Является ли жизнь лишь только сном, или в ней есть и нечто существенное? Действительно ли жизнь начинается рождением и заканчивается смертью, или есть нечто, превосходящее рождение и смерть? Потому что без вечного нет возможности истинного счастья. В мгновенном счастье будет оставаться плавучим: в одно мгновение оно есть, в другое мгновение его больше нет, и ты снова остался во тьме и великом страдании.

Именно это происходит в обычной жизни, в жизни непробужденного. В ней есть мгновения блаженства и мгновения страдания; они перемешаны между собой, как винегрет. Ты не можешь удержать те мгновения блаженства, которые к тебе приходят. Они приходят и уходят по собственной прихоти; ты им не хозяин. Ты не можешь избежать мгновений страдания; они столь же настойчивы. Они приходят и уходят по собственной прихоти; ты просто жертва. И между ними двумя — счастьем и несчастьем — тебя разрывает на части. Ты никогда не остаешься в покое.

Это состояние, в котором тебя разрывают на части всевозможные двойственности... Двойственность счастья и несчастья наиболее фундаментальна и наиболее симптоматична, но существует еще тысяча и одна двойственность: двойственность ненависти и любви, двойственность жизни и смерти, дня и ночи, лета и зимы, молодости и старости, и так далее, и тому подобное. Но фундаментальной двойственностью, двойственностью, которая представляет все остальные двойственности, является счастье и несчастье. Они разрывают тебя на части, тянут тебя в разные стороны, в полярно противоположные стороны. Ты не можешь чувствовать себя хорошо; ты болен.

Согласно буддам, человек это болезнь. Абсолютна ли эта болезнь — или она может быть превзойдена?

Таким образом, вот основной и фундаментальный вопрос: Что такое истинное счастье? Несомненно, счастье, которое мы знаем, не истинно; оно принадлежит миру снов и всегда оборачивается своей противоположностью. То, что в одно мгновение выглядит как счастье, в следующее мгновение превращается в несчастье.

То, что счастье превращается в несчастье, просто говорит о том, что они не отделены — возможно, это две стороны одной монеты. И, если у тебя есть одна сторона монеты, за ней всегда скрывается другая, ожидая возможности, чтобы себя утвердить — и ты это знаешь. Когда ты счастлив, где-то глубоко внутри бродит опасение, что это не продлится долго, что рано или поздно счастье уйдет, что надвигается ночь, что в любой момент тебя может окружить тьма, что этот свет это только игра воображения — он не может тебе помочь, он не может переправить тебя на другой берег.

Твое счастье это в действительности не счастье, а лишь скрытое несчастье. Твоя любовь это не любовь, а лишь маска для ненависти. Твое сострадание это не что иное, как гнев — возделанный, изощренный, образованный, окультуренный, цивилизованный — но не более чем гнев. Твоя восприимчивость это не восприимчивость, а лишь умственное упражнение, применение определенного отношения и подхода.

Помните: все человечество воспитывалось на идее о том, что можно практиковать добродетель, что можно практиковать добро, что человек может научиться быть счастливым, что человек может суметь быть счастливым, что в твоей власти создать определенный характер, который приносит счастье. И все это неправильно, совершенно неправильно.

Первое, что нужно понять о счастье — его нельзя практиковать. Его можно только впустить, потому что это не то, что ты можешь создавать. Что бы ты ни создал, все

это будет оставаться чем-то меньшим, чем ты, еще более крошечным, чем ты. То, что ты создаешь, не может быть больше тебя. Картина не может быть больше, чем сам художник, стихотворение не может быть больше, чем сам поэт. Твоя песня неизбежно будет чем-то меньшим, чем ты.

Если ты практикуешь счастье, в нем всегда будет очень много тебя со всеми твоими глупостями, со всеми твоими путешествиями эго, со всем твоим невежеством, со всем хаосом твоего ума. При помощи этого хаотического ума ты не можешь создать космос, ты не можешь создать благодать. Благодать всегда нисходит из запредельного; она должна быть принимаема как дар, в полном доверии, в полной самоотдаче. В состоянии позволения случается счастье.

Но нам говорили достигать, быть честолюбивыми. Всему нашему уму было привито стремление к достижениям. Все образование, культура, религия — все они в своей основе зиждутся на представлении о том, что человек должен быть честолюбивым; только честолюбивый человек может состояться. Этого никогда не случилось, этого никогда не случится, но невежество так глубоко, что мы продолжаем верить в эту чепуху.

Ни один честолюбивый человек никогда не был счастлив; фактически, честолюбец — несчастнейший из людей. Но мы продолжаем учить детей быть честолюбивыми: «Будь первым, обгони всех, и ты будешь счастлив!» А видели ли вы когда-нибудь, чтобы кто-нибудь был впереди всех и при этом был счастлив? Был ли счастлив Александр, когда он завоевал мир? Он был одним из несчастнейших людей, которые когда-либо жили на Земле. Видя блаженство Диогена, он позавидовал ему. Начать завидовать нищему?..

Диоген был нищим; у него не было ничего, даже чаши для подаяния. У Будды, по меньшей мере, была чаша для подаяния и три одеяния. У Диогена не было ни одежды, ни чаши. Сначала он обычно носил с собой чашу для

подаяния; должно быть, он перенял это у востока. Он в точности такой же человек, как Будда и Махавира — скорее, как Махавира. Махавира также жил без одежды и не имел чаши; чашей были его руки.

Однажды Диоген пришел к реке со своей чашей. Он испытывал жажду, было жарко, и он пришел, чтобы напиться. И когда он приближался к берегу, его обогнала собака — она подбежала к воде, прыгнула в реку, искупалась и напилась от души. В уме Диогена родилась идея: «Эта собака свободнее, чем я — ей не приходится носить с собой чашу для подаяния. И если она обходится без нее, почему не могу я? Это моя единственная собственность, и я должен за ней следить, потому что ее могут украсть. Даже ночью один или два раза я должен проверить, по-прежнему ли она со мной».

Он швырнул чашу в реку, поклонился собаке и поблагодарил ее за то, что она принесла ему великое послание Бога.

Этот человек, у которого не было ничего, вызвал зависть в уме Александра. Как, должно быть, тот был несчастен! Он признался Диогену:

— Если бы Бог снова дал мне рождение, я попросил бы его: «В этот раз, пожалуйста, не делай меня Александром — сделай меня Диогеном».

Диоген расхохотался и позвал собаку, — потому что теперь они стали друзьями, они стали жить рядом, — он позвал собаку и сказал:

— Только послушай, какую чепуху он несет! В следующей жизни он хочет быть Диогеном! Почему в следующей? Зачем откладывать? Кто знает, что будет в следующей жизни? Неизвестен даже следующий день, неизвестно даже следующее мгновение — что говорить о следующей жизни! Если ты действительно хочешь быть Диогеном, ты можешь быть им в это самое мгновение, здесь-и-сейчас.

Выбрось свои одежды в реку! Забудь о завоевании мира! Это сущая глупость, и ты об этом знаешь.

Ты признался, что ты несчастен, ты согласился, что Диоген находится в гораздо лучшем, более счастливом состоянии. Почему бы не быть Диогеном прямо сейчас? Ложись рядом со мной на берег реки, у которой я загораю! На этом берегу достаточно места для нас обоих.

Конечно, Александр не смог принять приглашения.

— Спасибо за приглашение. Прямо сейчас я не могу этого сделать, но в следующей жизни...

Диоген спросил его:

— Куда ты идешь? И что ты будешь делать, даже если ты завоеешь мир?

— Тогда я отдохну, — ответил Александр.

— Это кажется полным абсурдом — потому что я отдыхаю уже сейчас!

Если Александр не счастлив, если Адольф Гитлер не счастлив, если Рокфеллеры и Карнеги не счастливы, если не счастливы люди, у которых есть все деньги мира, если не счастливы люди, у которых есть вся власть мира, если они не счастливы...

Видели ли вы фотографии Джимми Картера? Вся эта улыбка теперь исчезла; этих зубов больше не видно. У него была действительно красивая улыбка, но куда она делась? Должно быть, тогда он был гораздо более счастлив, чем сейчас. С каждым днем его лицо становится печальнее и печальнее; на нем проступает все больше тревоги, боли.

Сегодня утром я просматривал последний «Тайм». Кажется, его лицо стало настолько старше за эти два года, как будто прошло двадцать лет. Должно быть, он страдает от кошмарных снов. Где все эти надежды — что он будет счастлив, когда станет президентом?

Просто понаблюдайте за людьми, которые преуспели в мире, и вы отбросите идею об успехе. Ничто более не неудачно, чем успех. Хотя вам и говорили, что ничто более не успешно, чем успех, я говорю вам, что ничто более не неудачно, чем успех. Счастье не имеет ничего общего с успехом, счастье не имеет ничего общего с амбициями, счастье не имеет ничего общего с деньгами, властью, престижем. Это совершенно другое измерение.

Счастье связано с вашим сознанием, не с характером. Позвольте мне напомнить вам об этом. Характер это снова нечто привитое. Вы можете стать святым, и все же не быть счастливым, потому что ваша святость это не что иное, как намеренная практика. И именно так люди становятся святыми, католиками, джайнами, индуистами. Как они становятся святыми? Они контролируют каждый миллиметр своей жизни, каждую деталь — когда вставать, что есть, чего не есть, когда ложиться спать...

Эти люди иногда даже приходят сюда и спрашивают, почему я не даю своим саньясином определенной дисциплины. Я даю им сознание, а не характер. Я совершенно не верю в характер. Я верю в сознание. Если человек становится более сознательным, естественно преобразуется и его характер. Но это преобразование совершенно другого рода: оно не организовано умом — оно естественно, спонтанно. А когда ваш характер естественен и спонтанен, у него появляется собственная красота; иначе, вы продолжаете изменять его... вы можете отбросить гнев, но куда вы его отбросите? Вы отбросите его в свое собственное бессознательное. Вы можете изменить одну сторону своей жизни, но, что бы вы ни отбросили вовнутрь, оно начнет выражать себя с другой стороны. Это неизбежно. Вы можете перегородить поток камнем; он будет течь в другую сторону — вы не можете его уничтожить. Гнев остается в вас, потому что вы несознательны, жадность остается в вас, потому что вы несознательны, собственничество и ревность остаются в вас, потому что вы несознательны.

Поэтому я не заинтересован в том, чтобы изменить ваш гнев; с таким же успехом можно подстригать листья на дереве, надеясь, что однажды дерево исчезнет. Этого не случится; напротив, чем больше вы стрижете листья, тем гуще будет крона.

Поэтому ваши так называемые святые это самые порочные в мире люди, притворщики, лицемеры. Да, если вы видите их снаружи, они кажутся очень святыми — слишком святыми, засахаренными, слишком сладкими, тошнотворно сладкими. Все что вы можете, это подойти, засвидетельствовать им свое почтение и сбежать. Вы не сможете прожить со своими святыми и двадцати четырех часов — вы умрете от скуки! Чем более вы к ним приближаетесь, тем более вы будете смущены, озадачены, сбиты с толку, потому что вы начнете видеть, что они совершили насилие над гневом в каком-то одном месте: он вошел в другую сторону их жизни.

Обычные люди иногда злятся, и их гнев очень неустойчив, очень мгновенен. Затем они снова смеются, они снова дружелюбны; они не могут носить с собой раны слишком долго. Но ваши так называемые святые — их гнев становится почти постоянным; они просто злы вообще, ни на что в частности. Они до такой степени подавили гнев, что теперь они просто злы, они в состоянии бешенства. Это проступает в их глазах, в их носах, в их лицах, в самом их образе жизни...

Китаец Лу-Тин всегда обедал в греческом ресторане Пападопулоса, который славился своим замечательным жареным рисом. Каждый вечер он заходил и заказывал «жаленый лис».

Это всегда заставляло Пападопулоса падать от смеха. Иногда он даже звал двух или трех друзей послушать, как Лу-Тин заказывает свой «жаленый лис».

В конце концов гордость китайца была так задета, что он взял специальный урок дикции, чтобы научиться правильно произносить «жареный рис».

В следующий раз он пришел в ресторан и сказал небрежно:

— Жареный рис, пожалуйста.

Пападопулос не смог поверить своим ушам:

— Что-что?

— Ты плекласно слышал, челтов глек!

Это не изменит многого — был «жаленый лис», стал «челтов глек»! Вы закрываете одну дверь, но тотчас же открывается другая. Это не путь трансформации.

Изменить характер легко; настоящая работа состоит в изменении вашего сознания, в том, чтобы стать сознательным — более сознательным, более интенсивно и страстно сознательным. Когда вы сознательны, гнев невозможен, жадность невозможна, ревность невозможна, амбиции невозможны. Когда весь гнев, жадность, амбиции, ревность, собственничество, похоть исчезают, высвобождается энергия, которая была ими занята. Эта энергия становится вашим блаженством. Теперь оно не приходит извне; теперь оно случается внутри вашего существа, в святой святых вашего существа.

И когда эта энергия доступна, вы становитесь воспринимаящим полем, вы становитесь магнитным полем. Вы привлекаете запредельное — можете назвать его «Богом». Будда никогда не называл его «Богом», он называет это «запредельным»; это имя, которое он дал Богу. Когда вы становитесь магнитным полем, когда собирается и накапливается та энергия, которая раньше бесполезно тратилась вами в бессознательном, когда вы становитесь озером энергии, вы начинаете привлекать звезды, вы начинаете привлекать запредельное, вы начинаете привлекать самого Бога.

А эта встреча вашего сознания с запредельным — это точка блаженства, истинного счастья. Оно ничего не знает о несчастье, это чистое счастье. Оно ничего не знает о смерти, это чистая жизнь. Оно ничего не знает о мраке, это чистый свет, и цель в том, чтобы познать его. Гаутама Будда отправился на его поиски, и однажды, через шесть лет борьбы, он его достиг.

Можете его достичь и вы, но позвольте мне напомнить: говоря, что вы можете его достичь, я не стараюсь создать в вас желание достичь. Я просто констатирую факт: если вы станете резервуаром огромной энергии, не отвлеченной никакими вещами мира, это произойдет. Это скорее случается, чем делается. И лучше называть это блаженством, чем счастьем, потому что слово счастье дает вам ощущение, что это нечто похожее на то, что вы понимаете под счастьем. То, что вы считаете счастьем, это не более чем относительное состояние.

Бенсон отправился в магазин Кранца, чтобы купить себе костюм. Он нашел подходящий фасон, снял с вешалки пиджак и примерил его.

К нему подошел Кранц.

— Добрый день, сэр. Он прекрасно смотрится на вас.

— Возможно, он прекрасно смотрится, — сказал Бенсон, — но он ужасно мал. Жмет в плечах.

— Наденьте штаны, — сказал Кранц. — Они такие узкие, что вы забудете о плечах!

Однажды я встретил Муллу Насреддина, который шел по дороге в отчаянии, чуть не плача. Я спросил его:

— Что случилось? Почему ты такой несчастный?

— Мои туфли очень жмут — мне нужно на два размера больше — и это чертовски больно.

— Насреддин, — сказал я, — почему ты не купишь другие?

— Я не могу этого сделать.

— Но почему? У тебя есть деньги.

— У меня есть деньги, но это упирается не только в деньги. Целый день я страдаю от этих туфель, и когда вечером я прихожу домой, я сбрасываю эти туфли и падаю на кровать... это такое облегчение, как будто я оказался в раю! И это единственная радость в моей жизни! Я не могу купить себе другие туфли — за все двадцать четыре часа это единственное мгновение радости. Если я выброшу эти туфли, и это мгновение исчезнет. Тогда ничего не останется.

То, что вы называете счастьем, это вопрос относительности. То, что называют счастьем будды, это нечто абсолютное.

Англичанин, француз и русский пытались дать определение счастью.

— Истинное счастье, — сказал англичанин, — это когда ты усталый возвращаешься домой с работы и находишь, что тебя ожидают джин и тоник.

— В вас, англичанах, нет никакой романтики, — возразил француз. — Истинное счастье это когда ты едешь в командировку, знакомишься с хорошенькой девушкой, которая развлекает тебя, и затем без сожалений с ней расстаешься.

— Вы оба ошибаетесь, — заключил русский. — Настоящее счастье это когда ты спишь дома в постели в четыре часа ночи, в дверь стучат люди в штатском и говорят тебе: «Игорь Зхвковский, вы арестованы», и ты можешь ответить: «Игорь Зхвковский живет этажом ниже».

Ваше счастье это относительное явление. То, что называет счастьем Будда, это нечто абсолютное, не имеющее отношения ни к кому другому. Это не счастье в сравнении с кем-то другим; оно просто ваше, внутреннее. И это происходит: запредельное нисходит на вас, океан

падает в каплю. И, когда океан падает в каплю, капля исчезает, ее границы исчезают. Она становится безграничной, как сам океан; она становится океанической.

Блаженство это океаническое состояние... когда вы исчезаете как эго, ограниченное, маленькое, и становитесь громадным, гигантским, громадным и гигантским как сама вселенная.

Сутры:

*Один день, проведенный в созерцании,
Лучше ста лет заблуждения.*

С точки зрения Будды все, что бы вы ни делали, есть заблуждение. Почему? Даже если вы выполняете какой-то религиозный ритуал, это заблуждение. Даже если вы делаете нечто, что вы считаете службой обществу, это заблуждение. На самом деле, слуги общества приносят миру наибольший вред. Если бы слуги общества исчезли из мира, в этом мире было бы гораздо приятнее жить. Социальные реформаторы, политические революционеры, религиозные миссионеры — вот настоящие вредители. Они не позволяют вам спокойно жить, они продолжают втягивать вас в одну глупость за другой. Конечно, они находят вам занятие — в этом их привлекательность.

Вы боитесь оставаться незанятыми, потому что без какого-либо занятия вам придется столкнуться с самим собой, и этого вы хотите избежать, потому что вы подавили в себе столько уродств, что заглянуть в себя это все равно что заглянуть в ад. Вы не хотите смотреть вовнутрь. Вы постоянно убегаете от себя, и любой способ бегства хорош.

Кто-то говорит: «Стань слугой общества. Пусть служение станет твоим девизом!», и вы отвечаете: «Хорошо, теперь я буду служить людям». Хотят ли они, чтобы им служили или нет, это неважно. Даже если они не хотят, чтобы им служили, вы будете служить им вопреки. Хотят

ли они вашей истины или нет, это неважно. Ее нужно дать, ее нужно запихнуть им в глотку!

Именно это делалось религиозными людьми: под дулом пистолета людей обращали из одной религии в другую — вопреки их воле! Они не хотят в рай, по крайней мере, в ваш рай, но вы одержимы идеей отправить их в рай — ваше сострадание так велико, что вы готовы убивать и быть убитым!

Миссионер, преподающий в небольшой школе, говорил своим ученикам, что они должны взять себе за правило совершать по меньшей мере одно добродетельное действие в неделю. Один маленький мальчик спросил:

— Какие, к примеру, вещи мы должны делать?

Миссионер дал несколько образцов. Он сказал:

— Например, пожилая женщина хочет перейти дорогу, но машин слишком много — возьмите ее за руку, помогите ей перейти дорогу, — и так далее, и тому подобное.

В следующее воскресенье он спросил:

— Кто из вас сделал что-нибудь на пользу обществу?

Встали три мальчика — самые большие и сильные в классе. Они сказали:

— Мы сделали доброе дело.

Миссионер был очень доволен. Он спросил первого мальчика:

— Что сделал ты?

— Я помог пожилой женщине, очень старой, перейти дорогу.

Он похлопал мальчика по плечу и сказал:

— Ты хороший мальчик. Продолжай делать добрые дела.

Тогда он спросил второго мальчика:

— А что сделал ты?

— Я тоже помог пожилой женщине перейти дорогу.

Миссионер был немного озадачен тем, что им обоим удалось найти по старушке, но старушек много — это возможно. Он похлопал по плечу и второго мальчика, но не так сердечно. Немного подозрительно он сказал:

— Хорошо. Продолжай в том же духе.

И тогда он спросил третьего.

— Я тоже помог пожилой женщине перейти дорогу.

Это было уже слишком! Таких совпадений не бывает — чтобы три старушки хотели перейти дорогу.

— Когда, в какое время?

Это было в одно и то же время, в один день, на одной и той же улице!

— Пожалуйста, объясните, как вам удалось найти этих трех старушек?

— Их не было три — это была одна старушка, очень-очень старая. И мы все трое ей помогли.

— Это тоже хорошо, но обязательно ли делать это втроем?

— Втроем? Хотя она и была совсем старая, она подняла ужасный шум, потому что она не хотела переходить! Но у нас это получилось. Когда человеку нужно послужить обществу, он должен это сделать. Она кричала, ругалась и звала полицейского, но мы упорно старались, и нам это удалось!

С точки зрения Будды, что бы вы ни делали, это вред, потому что, что бы вы ни делали, вы делаете это несознательно. Вот его определение вреда: любое действие, совершенное несознательно. А любое действие, совершенное сознательно, есть добродетель.

Ваша жизнь это почти порочный круг: одно заблуждение ведет к другому, а другое — к третьему. Заблуждение вырастает из заблуждений — из заблуждений может вырасти только заблуждение. И вы продолжаете двигаться по кругу, вы не знаете, что еще можно делать.

Вы делаете добро — по крайней мере, думаете, что делаете добро — но этого добра никогда не происходит; иначе добро переполняло бы этот мир.

Так много людей делает добро — родители делают добро своим детям, и где эти хорошие дети? Мужья делают добро женам — и жены лезут из кожи, пытаются перевоспитать своих мужей, изменить, сделать их святыми. Но где эти мужья, где эти жены, где эти дети? Каждый старается делать добро в соответствии с собственным представлением — в то время как сам он живет в глубокой темноте.

Но эта идея — «Я делаю добро» — помогает укрепиться вашему эго, хотя вы и продолжаете двигаться по одному и тому же кругу — потому что, чтобы быть оригинальным, чтобы делать что-то новое, нужна разумность. Вы знаете лишь немногие вещи, несколько выучили трюков, и чем старше вы становитесь, тем труднее становится учиться новым трюкам.

Говорят, вы не можете научить старую собаку новым трюкам...

Краманакис иммигрировал в Нью-Йорк. Родственники помогли ему найти работу и научили его говорить по-английски «яблочный пирог и кофа», чтобы он мог сделать заказ в ресторане. На следующий день Краманакис зашел пообедать.

— Что вы хотели? — спросила официантка.

— Яблочный пирог и кофа, — сказал иммигрант.

Так как это было все, что он мог сказать, он был вынужден обедать яблочным пирогом и кофе каждый день в течение месяца. Когда он пожаловался своим родственникам, они обучили его говорить «бутелблос с ветчиной».

Вооружившись этим добавлением к своему словарному запасу, на следующий день он сказал официантке:

- Бутелблюд с ветчиной.
- Белый или ржаной?
- Яблочный пилог и кофа, — сказал грек.

Просто посмотрите на свою жизнь: «Яблочный пилог и кофа, яблочный пилог и кофа...» Вы продолжаете действовать, повторяя одно и то же, изо дня в день, из года в год. Вся ваша жизнь это очень небольшой круг: тот же гнев, та же жадность, та же борьба, те же слова, те же причины, те же мотивы. Можно ли таким путем расти? Можно ли таким образом стать сознательным? Можно ли таким образом узнать свое оригинальное лицо? Неужели вы надеетесь, что двигаясь по этому маленькому кругу, неизменно, механически, подобно роботу, вы достигнете блаженства?

Оставьте все эти надежды!

В самолете, летящем в Нью-Йорк, раввин Глюксман сидит рядом с баптистским священником. К ним подходит стюардесса и спрашивает:

- Нельзя ли предложить вам коктейль?
- Я возьму виски с содовой.
- А вы, Преподобный?
- Дочь моя, — ответил священник, — если я позволю алкоголю коснуться моих губ, я с таким же успехом могу совершить и прелюбодеяние!
- Мисс, — говорит раввин Глюксман, — если есть такой выбор, я беру то же, что и он.

Мало того, что вы движетесь по небольшому кругу, вы повторяете, вы подражаете другим людям и их глупостям. Вы постоянно повторяете, вы постоянно оглядываетесь на то, кто и что делает. Вы не живете изнутри; вы подражатели. Весь ваш интерес во впечатлении: как показать, что вы лучше других, как показать, что вы бо-

гаче других, как показать, что вы умнее других. На самом деле, только неразумный человек сравнивает себя с другими. Действительно разумный человек никогда не сравнивает, потому что каждая индивидуальность уникальна, и никакое сравнение не возможно.

Миссис Циммер наняла дизайнера интерьеров, чтобы преоформить свой дом.

— Итак, — говорит дизайнер, — что бы вы хотели? Современный стиль?

— Я? Современный стиль? Никогда!

— А как насчет французского?

— Французского? На кой черт мне французский дом?

— Возможно, итальянский провинциальный?

— Боже правый!

— Хорошо, Мадам, какой период вы хотите?

— Какой период? Я хочу, чтобы мои друзья зашли, посмотрели и выпали в осадок, и точка*!

Люди живут только тем, чтобы произвести впечатление. Они должны быть действительно очень бедными внутри, потому что только люди, страдающие комплексом неполноценности, стараются произвести впечатление на других. Действительно полноценный человек никогда не сравнивает себя ни с кем другим. Он знает, что он несравним; и не только это — он также знает, что и другие столь же несравнимы. Он не выше и не ниже.

Эта великая революция возможна лишь благодаря одному небольшому секретному ключу: стать более бдительным. Чем более вы бдительны, тем меньше вы повторяетесь. Чем более вы бдительны, тем больше вы находите новых образов действия, новых стилей жизни. Чем

* Англ. *period*: период; точка.

более вы бдительны, тем более вы творчески, а только творческие люди знают, что такое счастье. Что вы творите, неважно — просто будьте творческими. Это может быть поэзия, это может быть музыка, это может быть скульптура, это может быть все что угодно, только это должно быть процессом творчества, который приводит вас к точке, в которой вы встречаете Бога.

Все религии мира называют Бога творцом. Если он действительно творец, единственным путем встретить его будет в такой же степени стать творцом. Конечно, вы не можете быть таким же творцом, как Бог, но вы можете быть меньшим творцом и творить по-своему. Когда творит поэт, когда творит художник, в эти мгновения творчества они едины с Богом. В эти мгновения они знают, что такое Бог. Но поэты, скульпторы и художники переживают эти высоты лишь на мгновения, лишь на мгновения они познают это изобилие.

Мистик, будда, мастер живет на этих высотах двадцать четыре часа в сутки, потому что его творчество тонко; его творчества не видно, его творчество невидимо. Он создает сознание. Сначала он создает сознание в самом себе, затем он начинает создавать сознание в других.

Именно так встречаются мастер и ученик, именно так создается поле будды. Именно так тысячи искателей окружают будду... потому что он создает нечто такое, что может быть увидено или почувствовано лишь теми, в кого проник будда, всколыхнул что-то застывшее в их сердцах и привел их в движение. Будда создает сознание сначала в самом себе, и затем в тех, кто готов и доступен, кто находится в состоянии доверия и самоотдачи.

Один день, проведенный в созерцании, лучше ста лет заблуждения. «Созерцание» это не правильное слово; но перевод восточного прозрения на западные языки это всегда проблема. Созерцание означает сосредоточенное размышление об одном объекте. Это не то, что имеет в виду Будда, используя слово *дхиана*. Дхиана означает состояние не-ума, состояние не-мысли; это полная

противоположность созерцанию. Созерцание не может быть адекватным переводом. Но я могу понять эту проблему, это затруднение переводчиков — других слов нет. Дхиана это одно из тех слов, которые нельзя перевести.

То, что китайские переводчики оставили это слово без изменений, очень разумно. В Китае дхиана стала *ч'ань*; они не стали это переводить. Это слово приняло несколько другую форму, потому что дхиана это санскритское слово. Будда использовал не санскрит, а местный язык, бихар, пали. В пали дхиана звучит как *джхан*; в китайском она превращается в *ч'ань*, не подвергаясь переводу, потому что китайские переводчики поняли, что это слово не может быть переведено; его лучше описать, чем перевести. И то же произошло в Японии: когда это слово достигло Японии, *ч'ань* превратилось в *дзен*; сначала дхиана, затем *ч'ань*, затем *дзен* — но оно не было переведено.

Лучше всего было бы, если бы западные языки также оставили некоторые слова неперевоенными, потому что у вас нет никаких эквивалентов, а те слова, которые у вас есть, имеют собственную смысловую нагрузку.

Дхиана это не созерцание; созерцание это чистойшая форма мышления. Дхиана выходит за пределы мысли, даже чистойшей мысли, приходя в состояние, когда все мысли исчезают. Вы предельно сознательны, но у вашего сознания нет содержания.

Будда говорит: *Один день, проведенный в созерцании, лучше ста лет заблуждения.* Лишь одного дня достаточно; если человек может оставаться в дхиане двадцать четыре часа, этого достаточно — он станет буддой. Но оставаться в дхиане двадцать четыре часа безмерно трудно.

Махавира сказал: Если человек может оставаться в этом состоянии сорок восемь минут — и мои подсчеты полностью совпадают — если человек может постоянно

оставаться в состоянии не-ума сорок восемь минут, этого достаточно, чтобы стать просветленным.

Но обыкновенный ум не может оставаться бдительным даже несколько секунд, не говоря о минутах! Попробуйте: просто сидите молча, положив рядом часы, и вы будете удивлены тем, что даже секунды не проходит без какой-либо мысли. Лишь иногда на доли секунды мыслей нет. Но в то мгновение, когда вы видите, что мыслей нет, вы говорите: «Ага!» — и все кончено. Вы говорите: «Мыслей нет!», и ум снова играет с вами трюк, он снова входит с черного хода. И если вы молча слушаете, вы услышите, что ум смеется — он провел вас! Не-мысль это по-прежнему мысль, мысль о не-мышлении это по-прежнему мысль.

*Один день, проведенный в размышлении,
Лучше ста лет невежества,*

Под «невежеством» Будда не подразумевает отсутствие знаний. Поскольку знающий человек не является целью, невежество должно быть понято в новом смысле — в смысле Будды, с его цветом, с его ароматом. Мы называем человека невежественным, потому что он необразован: он не умеет читать, он не умеет писать, он не знает даже азбуки, он совершенно не информирован, он очень примитивен. Мы называем его невежественным. А того, кто имеет степени D.S., M.S., Ph.D.... вы знаете, что это значит? B.S. значит *bullshit*, M.S. значит *more of the same*, Ph.D. значит *piled high and deep**. Мы называем этого человека человеком знания. Это люди, которые наполняют наши университеты. И если вы действительно хотите посмотреть на их лица, сходите на какое-нибудь мероприятие. Тогда вы увидите всех этих шутов при полном

* англ. *bullshit*: навоз, ерунда;

more of the same: больше того же самого;

piled high and deep: заваленный вдоль и поперек.

параде: в черных мантиях, в странных шапках. Эти люди считаются знающими.

Когда Будда говорит о невежестве, он просто имеет в виду человека, который не знает самого себя. Дело не в том, чтобы стать более или менее информированным, образованным или необразованным. Кабир не невежествен, хотя и необразован. Кабир сказал: *Мази кагад чхуйо нахин* — я никогда не касался бумаги и чернил. Именно таким он был: он никогда не касался бумаги и чернил, он не умел читать и писать.

Когда кто-то спросил Кабира: «Ты не умеешь читать — разве ты не читал Веды, Упанишады, Гиту и все великие писания?», он рассмеялся и сказал: «*Ликха-ликхи ки хэй нэхин* — истина не имеет ничего общего с писаниями, потому что она никогда не была записана и не может быть записана. Она нигде не записана! Она невыразима, так какой смысл читать писания? Сами писания говорят: Я слышал, она не может быть выражена. Тогда какой смысл?»

Но Кабир не невежествен. Будда признает Кабира буддой. Кабир действительно будда, как и Фарид, как и Раидас, как и Мухаммед, как и Христос. Христос абсолютно необразован; Мухаммед абсолютно необразован, неинформирован.

Тогда невежество имеет совершенно другой смысл: не отсутствие так называемого знания, а отсутствие знания себя. Не знать себя есть невежество. Тогда ты можешь знать все: ты можешь стать ходячей Британской Энциклопедией, но это не поможет. Если ты знаешь себя, тогда ты — человек мудрости.

Один день, проведенный в размышлении, лучше ста лет невежества. И это размышление* нужно понимать буквально. Снова в английском слово «размышление» имеет значение раздумья, мышления. Будда имеет в виду буквально отражение — как луна отражается в озере, как

* англ. *reflection*: размышление; отражение.

твое лицо отражается в зеркале. Будь так же молчалив, без всяких волн, без малейшей ряби; позволь своему сознанию стать озером, совершенно молчаливым, безмятежным, чтобы все небо, весь небосвод мог отразиться в тебе. Пребывая в состоянии не-ума, ты становишься зеркалом, ты начинаешь отражать то, что есть.

И именно в этом — Бог... это тотальное существование во всей его безмерной красоте и благословении. Если ты — зеркало, оно отразится в тебе, сделает тебя мудрым, сделает тебя мастером, сделает тебя пробужденным.

Но люди продолжают верить тому, что говорят другие. Верования тебе не помогут. Из-за этих верований ты никогда не задаешь вопросов сам. Твои верования ложны; это, в действительности, не вера, верование может быть только поверхностным. Ты можешь верить в Гиту, Коран или Библию, но глубоко внутри сохраняется сомнение; искоренить сомнение нелегко.

Сомнение искореняется, лишь когда знаешь *ты*. Как можно его искоренить, если знает Иисус? *Возможно*, он знает, но кто знает, прав он или нет, кто знает, не обманывается ли он, кто знает, не обманывает ли он других? Какая может быть гарантия? Как доказать, что Будда прав? Нет никаких доказательств, кроме того, что Будда говорит: «Я достиг». Но это снова хождение по кругу, потому что сам вопрос в том, как проверить, прав ли Будда. У нас есть только одно доказательство: Будда говорит: «Я достиг». Но как проверить, что то, что он говорит, правда?

Глубоко внутри сохраняется сомнение; твоё верование это только прикрытие. В тебе есть зловонная рана, из которой сочится гной, и ты прикрываешь ее розами — но глубоко внутри, под розами, накапливается гной. Розы не смогут преобразовать его. Они могут на несколько мгновений спрятать его, их аромат может скрыть от других зловоние раны, но надолго ли?.. Рано или поздно и они начнут вонять! Скорее твой гной преобразует розы,

чем розы — гной. И именно это происходит: верование никогда не трансформирует твоих сомнений, но сомнения трансформируют само твоё верование.

В конце концов молодой раввин решил, что он во что бы то ни стало должен переговорить с самым богатым членом своей конгрегации, который засыпал во время службы.

— Почему, — спросил раввин, — вы обязательно засыпаете, когда я говорю проповедь?

— Позвольте мне объяснить, — ответил миллионер. — Разве я засыпал бы, если бы я вам не доверял?

Именно это происходит с миллионами людей: они заснули из-за своего доверия; нет необходимости бодрствовать. Будда знает — зачем бодрствовать тебе? Христос знает — достаточно быть христианином, нет необходимости быть Христом.

Но я говорю тебе: пока ты не Христос, ничего не произойдет. Своим христианством ты просто обманываешь себя и других, ты тратишь впустую драгоценное время, потому что в то же самое время ты мог бы стать самим Христом. Не продолжайте довольствоваться тем, чтобы быть христианами, индуистами, джайнами или буддистами. Станьте Буддой, станьте Христом, станьте Мухаммедом, станьте Махавирой! Не что меньшее не поможет, не что меньшее не станет освобождением.

А это возможно через отражение. Если вы становитесь не-умом, целое, которое вас окружает, будет отражаться в вас. И когда узнаете *вы*, лишь тогда вы узнаете, и это знание растворит все сомнения. Когда все сомнения ушли из вашего сердца, когда вся тьма исчезла, и вы полны света, лишь тогда жизнь прожита, жизнь познана. Это блаженство. Запредельное достигает вас, и вы достигаете запредельного. Теперь Бог в вас, а вы — в Боге.

*Один день целеустремленности
Лучше ста лет праздности.*

И снова перевод создает возможность непонимания. Под «целеустремленностью» Будда не подразумевает того, что обычно подразумевается в английском. Он имеет в виду решительность, а не целеустремленность. Целеустремленность дает вам чувство воли, силы воли. Целеустремленность дает вам идею об умственном решении. Решительность это совершенно другое явление: оно принадлежит сердцу. Не вы решаете умом, но сердце чувствует некую преданность — это любовное приключение.

В любви вы не ставите цели. Вы не говорите своей женщине: «Я намерен тебя любить». Или говорите? Если вы скажете какой-нибудь женщине: «Я собрал все силы; я создал в себе великое намерение тебя любить», вы больше никогда ее не увидите... потому что преднамеренная любовь означает ложную любовь. В любви есть решительность, преданность, вовлеченность, но не намерение. В ней не участвует воля; фактически, даже если вы решите ей противиться, вы не сможете. Это сумасшедшая, сумасшедшая вещь.

Такова и религия: дело не в намерении, дело в том, чтобы влюбиться в поразительную красоту существования... Влюбиться в этот таинственный мир.

*Лучше прожить один день, удивляясь тому,
Как все вещи рождаются и умирают.*

Если вы можете удивляться, вы влюбитесь. Каждый ребенок рождается с удивлением... и рано или поздно мы уничтожаем его удивление. К тому времени, когда ребенку исполнилось четыре года, мы уже убили, растерзали его удивление. И вот метод убийства: мы набиваем ребенка информацией.

Д. Х. Лоуренс, один из великих людей прозрения, живших в этом веке, гулял в саду с маленьким ребенком. И, как обычно спрашивают дети, ребенок спросил: «Скажи мне одну вещь — почему деревья зеленые?»

Такие вопросы могут задавать только дети или мистики, дети или будды. Что это за вопрос? Вы никогда его не зададите, потому что этот вопрос, почему деревья зеленые, будет выглядеть так глупо. И, фактически, вы уже знаете, почему они зеленые; вы знаете — это из-за хлорофилла.

Д. Х. Лоуренс знал о хлорофилле. Он мог легко сказать об этом ребенку, дети так доверчивы... Если вы скажете: «Потому-то и потому-то», они скажут: «Хорошо». На самом деле они не очень заботятся об ответе; к тому моменту, когда вы отвечаете, их уже интересует другой вопрос. Их интригует что-то другое — бабочка, цветок, плывущее по небу облако. Они уже оставили этот вопрос позади.

Когда ребенок задает вопросы, он задает их не для того, чтобы получить ответы, помните. Когда ребенок задает вопросы, он просто вслух разговаривает сам с собой, думает вслух, удивляется вслух, вот и все. Когда он говорит: «Почему деревья зеленые?», он не говорит это про себя, он думает вслух. На самом деле, это не вопрос. Он озадачен это тайной, он удивляется, почему деревья зеленые, но он не хочет никакого ответа, он не ждет никакого ответа; это чистое удивление, он заинтригован.

Д. Х. Лоуренс великий поэт, великий романист — почти на грани того, чтобы быть мистиком. Он был в Индии, он был на Востоке, он мог бы стать буддой. По поводу двух людей я чувствую большую уверенность, что они могли бы стать буддами на Востоке: это Фридрих Ницше и Х. Д. Лоуренс. Относительно этих двух людей я чувствую абсолютную уверенность. Они были на самой грани, лишь еще один шаг...

Лоуренс посмотрел на деревья, несколько секунд постоял молча с закрытыми глазами и сказал ребенку: «Деревья зеленые, потому что они зеленые». И ребенок был удовлетворен. Но Лоуренс продолжал думать: «Что за ответ я дал ребенку? — Деревья зеленые, потому что они зеленые. Это тавтология. Это нелогично!» Но это чрезвычайно важно. Лоуренс говорит, что это тайна, которая должна быть прожита, реальность, которая должна быть пережита в виде опыта, а не вопрос, ждущий ответа, не проблема, ждущая решения. Это так.

Именно это Будда говорил своим ученикам: Этот мир есть *матхата*, «таковость». Если бы вы задали ему этот же вопрос, он бы ответил: «Это так. Деревья зеленые... это так». Об это больше нельзя сказать ничего — потому что, чем больше говорится, чем более вы информированы, образованы, тем меньше у вас возможности знать. «Это так» — это не закрывает для вас двери, это просто открывает двери тайны.

Будда говорит: *Лучше прожить один день, удивляясь тому, как все вещи рождаются и умирают*. Если вы можете снова достичь своего детского удивления, вы будете моими саньясинами. Я здесь не для того, чтобы помочь вам больше знать, я здесь для того, чтобы помочь вам больше удивляться. А единственный способ больше удивляться это отбросить все свои знания. Ваши знания беспокоят удивление. Они не позволяют вам удивляться, потому что, прежде чем вы удивитесь, они немедленно снабжают вас ответом. Именно из-за научного знания человек утратил свое бесценное качество, великое качество удивления. И это величайшее сокровище, которое только есть у человека. Ни одно животное не удивляется; лишь человеку дан дар удивления.

Настоящая религия коренится в удивлении, настоящая религия помогает вам удивляться все больше и больше. И в жизни мистика приходит мгновение, когда он

становится просто удивлением. Каждая мелочь наполняет его огромным удивлением.. галька на берегу, морская раковина, далекий крик кукушки, что угодно... смеющийся ребенок, женщина, плачущая слезами радости, что угодно... просто порыв ветра в кронах сосен, звуки бегущей воды, что угодно... и он полон удивления. Бог приходит к нему как удивление, Бог приходит к нему как тайна.

Если вы сидите рядом с мистиком, не оставайтесь с ним для того, чтобы научиться у него большому. Оставайтесь с ним, чтобы выбросить все знание. Оставайтесь с мистиком, чтобы наполниться удивлением, чтобы снова стать ребенком. Иисус говорит: Пока вы не родитесь снова, вы не сможете войти в Царство моего Бога. Он говорит снова: Пока вы не станете подобны маленьким детям, вы не сможете войти в Царство моего Бога. Он говорит о том же самом удивлении.

*Лучше прожить один час, видя
Одну жизнь за пределами пути.*

Каждая сутра имеет огромную важность! Медитируйте над каждым словом. Будда продвигается очень медленно, чтобы вы могли впитать его дух. Сначала он говорит: дхиана, состояние не-ума. Затем он говорит: зеркальное качество сознания, которое следует за дхианой. Затем он говорит: решительность — любовное приключение, ваше сердце попадает в резонанс с существованием. Затем он говорит: удивление. И теперь он говорит: видение.

Глаза, которые способны видеть, растут в удивлении — не в знании, не в изучении писаний, но в невинности. Будьте очарованы существованием!

Все наше образование зиждется на разоблачении существования. Педагог верит, что однажды мы разрушим всю тайну существования, потому что мы подберем

ответы на все вопросы. Это самое нерелигиозное верование из всех возможных — и ваше образование создает нерелигиозность. Ваше образование, даже если оно называется религиозным образованием, нерелигиозно, потому что оно разоблачает существование, оно снабжает вас ответами.

Настоящая религия отнимает все ответы, делает ваши вопросы все больше и больше, и, в конце концов, преобразует ваши вопросы в удивление, в поиск. И в удивлении, если вы можете жить в удивлении, вы обретете то прозрение, те глаза, которые способны видеть.

Это видение на востоке было названо *даршаном* — видение в невинности, взгляд в невинности. Тогда достаточно подорожника, цветущего на обочине у ограды... и вы перенесены в другой мир. Тогда вы будете танцевать в грозу, вы будете танцевать под дождем, и вы узнаете нечто от природы будды. Тогда вы будете танцевать в ночь полнолуния, и вы узнаете нечто от природы будды. Тогда вы будете танцевать рядом с кустом роз, потому что розы расцвели, и вы узнаете нечто от природы будды. Ваша жизнь станет непрерывной песней, танцем, празднованием.

Лучше прожить один час, видя одну жизнь за пределами пути. Тогда одного часа достаточно, тогда не нужно многих миллионов жизней, потому что дело не в длительности, дело не в том, сколько вы живете. Запад слишком озабочен продолжительностью жизни. Пусть люди живут дольше: сто лет, сто пятьдесят лет, двести лет, двести пятьдесят лет. И это возможно, потому что есть люди, которые живут...

В долине Кашмира есть очень небольшое племя: они очень легко доживают до ста пятидесяти. И в России есть множество людей, которым за сто пятьдесят. Нескольким людям сто восемьдесят, а одному — двести. Сейчас ученые пытаются найти: в чем секрет? Почему эти люди так долго живут? Что они едят? Что они пьют? Какой образ жизни они ведут? Почему они так долго живут? И

рано или поздно они откроют эти секреты, и человек будет жить триста лет, четыреста лет, пятьсот лет. Вам очень повезло, что они еще не открыли эти секреты! Только подумайте, что вам предстоит жить триста лет — чтобы пресытиться жизнью, достаточно семидесяти!

И помните, самоубийство еще нигде не разрешено. Самоубийство остается величайшим преступлением, если вас ловят прежде, чем вы его совершили. Конечно, если вы совершили его, все кончено; никто не может вас поймать. Они не могут наказать ваше привидение! Только подумайте: жить семьсот лет... За семьдесят лет все кончено — жизнь так бесполезна. Жить семьсот лет было бы сущей мукой, и вам не позволят умереть.

Сейчас есть много людей, подвешенных между жизнью и смертью, в основном в Америке и в Европе — особенно в Америке. Они не живы, потому что они не могут двигаться, они не могут ничего, они не могут даже думать, они не могут есть. Другие делают за них все; они просто лежат в постели под кислородной маской. У них может не быть даже собственного сердца — возможно, кровь приводит в движение искусственное сердце. Возможно, у них нет почек; их работу могут выполнять машины.

И эти люди считаются живыми! Они не живы и не мертвы — лучше что-то одно или что-то другое. В таком состоянии они остаются в промежутке. Запад очень заинтересован, ум как таковой очень заинтересован в продлении жизни. Но те, кто знает, не хотят продления жизни; они хотят сделать жизнь более интенсивной, более насыщенной, полнокровной.

Вот почему Будда говорит: *Один день, проведенный в дхиане, лучше ста лет заблуждения. Один день, проведенный в зеркальном отражении, лучше ста лет невежества. Лучше прожить один день, удивляясь тому, что все вещи рождаются и умирают. Лучше прожить один час, видя одну жизнь за пределами пути.*

Достаточно прожить одно мгновение, но всецело здесь и сейчас — погрузить всю свою энергию в здесь-и-сейчас достаточно, чтобы испытать вкус Бога, чтобы испытать вкус истины: истина, которая от пути и все же за пределами пути.

Эс дхаммо санантано — это вечный закон. Если человек может жить, удивляясь, видя, всецело в этом мгновении, он пришел домой. Случается блаженство, нисходит блаженство, и ты переполнен блаженством и благословением. Оно не создано тобой; это дар запредельного.

На сегодня достаточно.

Глава 2

Путем Трансценденции

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Может ли интеллектуальная деятельность быть
творческой?*

Ананд Савита,
Интеллект это нечто ложное, нечто фальшивое. Это суррогат интеллигентности. Интеллигентность это совершенно другое явление — настоящее.

Интеллигентность требует огромной храбрости, интеллигентность требует жизни, полной приключений. Для интеллигентности требуется, чтобы ты всегда шел в неизвестное, плыл в моря, не обозначенные на картах. Тогда интеллигентность растет и обостряется. Она растет, лишь когда она в каждое мгновение сталкивается с неизвестным. Люди боятся неизвестного, в неизвестном они не чувствуют себя в безопасности. Они не хотят выходить за пределы известного. Поэтому они создали фальшивый, искусственный суррогат интеллигентности — и называют его интеллектом.

Интеллект это лишь умственная игра; она не может быть творческой. Интеллект это воображение, но не творчество. Интеллигентность является творческой. Интеллигентность творит, потому что интеллигентность делает тебя способным соучаствовать в Боге. Бог это источник всего творчества. Ты можешь быть творческим, лишь если ты в согласии с Богом, если ты в гармонии с самим существованием, когда ты — часть божественной энергии. Сам по себе ты не можешь быть творческим; ты можешь быть творческим, лишь пропуская через себя Бога.

Когда творит поэт, он — лишь проводник, полый бамбук у губ Бога. И внезапно — полый бамбук уже не просто полый бамбук: он становится флейтой.

Пустота бамбука наполняется песней, танцем, празднованием.

Творчество означает, что ты должен исчезнуть, ты должен позволить Богу быть, ты должен уйти с дороги. Интеллект эгоистичен; интеллигентность скромна, лишена всякого эго. Это тонкое различие; поскольку оба слова происходят от одного корня, можно легко обмануться. Остерегайся, будь бдителен! Интеллект это не интеллигентность. Интеллигентность это творчество, интеллект это лишь притворство. Во имя творчества он продолжает производить мусор.

Вы можете пойти и посмотреть, какая творческая работа проводится в университетах. Пишутся тысячи работ; Ph.D., D.Phil., D.Litt. — людям присваиваются великие степени. Никто никогда не знает, что случилось с его кандидатской диссертацией; они продолжают скапливаться горами мусора в библиотеках. Никто никогда их не читает, они никого никогда не вдохновляют. Да, некоторое люди их читают; это люди того же типа, которые тоже собираются писать диссертацию. Конечно, их читают будущие Ph.D.

Но ваши университеты не создают Шекспиров, Мильтонов, Достоевских, Толстых, Рабиндранатов, Халилей Джебранов. Ваши университеты создают только мусор, совершенно бесполезный мусор. Такая интеллектуальная деятельность продолжается в университетах. Интеллигентность создает Пикассо, Ван Гога, Моцарта, Бетховена.

Интеллигентность это совершенно другое явление. Она не имеет никакого отношения к голове; она связана с сердцем. Интеллект исходит из головы; интеллигентность это состояние пробужденности сердца. Когда ваше сердце разбужено, когда ваше сердце танцует в глубокой благодарности, когда ваше сердце сонастроено с существованием, в гармонии с существованием, из этой гармонии возникает творчество.

Савита, никакое интеллектуальное творчество не возможно. Оно может порождать мусор, оно продуктивно; оно может производить, но не может

творить. В чем разница между производством и творчеством? Производство это механическая деятельность. Это могут компьютеры — и они уже делают это, и гораздо более эффективно, чем можно было бы ожидать от человека. Интеллигентность создает, она не производит.

Производство означает повторяющееся упражнение; ты продолжаешь снова и снова делать то, что уже было сделано. Творчество означает, что ты привносишь в существование что-то новое, что ты позволяешь неизвестному проникнуть в известное, прокладываешь небу дорогу на землю.

Когда приходят Бетховен, Микеланджело или Каллидаса, небеса раскрываются, и запредельное осыпает их цветами. Я ничего вам не говорю о Будде, Христе, Кришне, Махавире, Заратустре, Мухаммеде по определенной причине: потому что то, что создают *они*, так тонко, что вы не сможете его уловить. То, что создает Микеланджело, грубо, то, что создает Ван Гог, видимо. То, что создает будда, абсолютно невидимо. Чтобы это понять, нужна восприимчивость совершенно другого рода.

Чтобы понять будду, ты должен быть разумным. Не только потому, что творение будды чрезвычайно разумно — оно настолько роскошно, настолько превосходит разум, что даже чтобы понять его, ты должен быть разумным. Интеллект не поможет даже в понимании.

Творят только два вида людей: поэты и мистики. Поэты творят в грубом мире: мистики творят в тонком мире. Поэты творят во внешнем мире: картину, стихотворение, песню, музыку, танец; мистик творит во внутреннем мире. Творчество поэта объективно, творчество мистика субъективно, оно полностью принадлежит к внутреннему. Сначала ты должен понять поэта, и лишь тогда ты можешь однажды понять — или, по крайней мере, *надеяться* однажды понять — мистика. Мистик есть

величайший цветок творчества. Но ты можешь не видеть того, что делает мистик.

Будда не нарисовал ни единой картины, никогда не брал в руки кисть, не сложил ни одного стихотворения, не спел ни одной песни, и никто никогда не видел, чтобы он танцевал. Если ты смотришь на него, он просто сидит в молчании; молчание есть все его существо. Да, его окружает изящество, изящество бесконечной красоты, утонченной красоты, но ты должен быть очень уязвимым, чтобы его почувствовать. Тебе придется быть очень открытым, не спорящим. Ты не можешь быть зрителем будды; ты должен быть участником; это тайна, в которой нужно участвовать. Тогда ты увидишь, что он создает. Он создает сознание, и это чистейшее сознание, в высочайшей из всех возможных форм, есть выражение Бога.

Песня прекрасна, танец прекрасен, потому что в них присутствует нечто божественное. Но в будде присутствует весь Бог. Вот почему мы называем Будду «Бхагван», вот почему мы называем Махавиру «Бхагван» — присутствует весь Бог.

Но студенты не смогут этого увидеть. Ученики смогут что-то расшифровать, преданные смогут испытать от этого.

Интеллектуальная деятельность может сделать вас специалистами в определенных вещах, полезными, эффективными. Но интеллект это поиск наощупь в темноте; у него нет глаз, потому что он еще не медитативен. Интеллект заимствован, у него нет собственного прозрения.

Речь шла о сексе. В течение двух недель Артур успешно отвечал на все вопросы, которые ему задавали на телевизионном шоу. Теперь за ответ на следующий вопрос ему полагался приз в сто тысяч долларов. Для ответа на этот единственный вопрос ему было разрешено пригласить спе-

циалиста. Конечно, Артур выбрал всемирно известного профессора сексологии из Франции.

Вопрос был такой: «Если бы вы были королем в течение первых пятидесяти лет Ассирийской империи, какие три части тела невесты вы должны были бы поцеловать прежде всего в первую брачную ночь?»

Первые два ответа были быстрыми. Артур сказал:

— Губы и шею.

И, запнувшись на третьей части вопроса, Артур лихорадочно повернулся к своему специалисту. Француз только всплеснул руками и пробормотал:

— Не спрашивайте меня, *mon ami*. Я уже два раза ответил неправильно.

У специалиста, знающего человека, интеллектуала нет собственного видения. Он полагается на заимствованное знание, на традиции, на условности. Он носит у себя в голове библиотеки, но у него нет видения. Он много знает, не зная совершенно ничего.

И поскольку жизнь не остается всегда одной и той же, — она постоянно меняется, она новая от мгновения к мгновению, — специалист всегда отстает, его отклик всегда неадекватен. Он может только реагировать, потому что он не спонтанен. Он уже пришел к заключениям; он носит с собой готовые ответы — а вопросы, которые ставит жизнь, это всегда новые вопросы.

Более того, жизнь это не логичное явление. А интеллектуал живет из логики; поэтому он никогда не соответствует жизни, и жизнь никогда не соответствует ему. Конечно, жизнь не в растерянности; в растерянности сам интеллектуал. Он всегда чувствует себя чужаком — и дело не в том, что его изгнала жизнь; он сам решил оставаться в стороне от жизни. Если ты слишком цепляешься за логи-

ку, ты никогда не сможешь быть частью живого процесса, которым является существование.

Жизнь это больше чем логика: жизнь это парадокс, жизнь это тайна.

Гэннэвэй и О'Кэйси собрались стреляться на дуэли. Гэннэвэй был довольно толстый, и когда он увидел напротив своего тощего противника, он стал протестовать.

— Дебар! — сказал он своему секунданту. — Я в два раза толще его, и поэтому я должен стоять от него в два раза дальше, чем он от меня.

Абсолютно логично, но как это сделать?

— Не беспокойся, — ответил тот, — я сейчас это улажу.

Он вытащил из кармана кусок мела и провел две параллельные линии на пальто толстяка, оставив между ними немного места.

— Огонь! — сказал он, оборачиваясь к О'Кэйси, — Помните, что любое попадание за пределами этих линий не в счет!

Интеллект может прийти к определенным заключениям, но интеллект это бессознательное явление. Вы ведете себя почти как во сне.

Разум это пробуждение, и пока вы полностью не проснулись, все, что бы вы ни решили, обязательно будет так или иначе неправильно. Это заключение неизбежно, фатально неправильно, потому что это заключение выработано бессознательным умом.

Чтобы привести в действие разум, тебе нужно не больше информации, а больше медитации. Тебе нужно больше молчания и меньше мыслей. Тебе нужно стать более сердцем, чем умом. Тебе нужно начать осознавать окружающее тебя волшебство: волшебство жизни, волшебство Бога, волшебство в зеленых деревьях и красных

цветах, волшебство в глазах людей. Волшебство происходит повсюду вокруг! Все это чудеса, но по вине своего интеллекта ты остаешься замкнутым внутри самого себя, цепляясь за глупые заключения, к которым ты пришел бессознательно, или которые были даны тебе другими, столь же бессознательными, как и ты.

Савита, без сомнения разум это творчество, потому что разум приводит в действие тебя во всей твоей полноте — не только часть, маленькую часть: голову. Разум потрясает все твое существо; каждая клетка, каждый фибр твоего существа начинает танцевать и попадает в утонченную гармонию с целым.

Именно это и есть творчество: пульсация в абсолютной гармонии с целым. Именно так человек становится Буддой, Христом, Заратустрой. Это действительно творческие люди.

Нечто подобное происходит сейчас здесь. Если ты ученик, ты сможешь ощутить что-то подобное. Если ты преданный, ты сможешь пить от источника, который открылся для тебя. И тогда к тебе придет творчество, и все начнет случаться само собой. Твое сердце будет изливаться песнями радости, и все будет преображаться в твоих руках. Ты коснешься грязи, и она превратится в лотос. Ты сможешь стать алхимиком. Но это возможно лишь в глубоком пробуждении разума, глубоком пробуждении сердца.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Каждый хочет любить и быть любимым. Почему?
«Здравствуй, любовь, прощай, мудрость»*. Правда ли это?*

* англ.: *First sight of love, last sight of wisdom.*

Бал Кришна Бхарти,
Любовь это молитва, направленная к Богу. Любовь это поэзия, порождаемая чистой радостью бытия. Любовь это песня, танец, празднование: песня благодарности, танец признательности, празднование без всякой причины... празднование того, что мы постоянно осыпаны этими бесценными дарами, празднование всей этой вселенной, от пыли до божественного. Любовь это не то, что ты под ней понимаешь, отсюда этот вопрос.

Ты спрашиваешь: «Каждый хочет любить и быть любимым. Почему?»

Потому что любовь это религия в ее высочайшей форме; любовь это величайшая религия. Любовь это поиск Бога — конечно, сначала это бессознательный поиск, блуждание наощупь во тьме. Направление может быть неправильным, но намерение абсолютно верно.

Любовь это не та банальность, которую ты под ней подразумеваешь; это не просто биологическое влечение между мужчиной и женщиной — хотя это и есть, но лишь сначала, это лишь первый шаг. И даже тогда, если ты посмотришь в глубину, это на самом деле не взаимное влечение мужчины и женщины, это взаимное влечение мужской и женской энергий. Это не влечение А к Б; гораздо более глубокие силы таятся в самых обычных любовных связях.

Поэтому никто не может дать определение любви. Были испробованы тысячи определений — тщетно. Любовь остается неопределимой, обманчивой, неуловимой. Чем более ты стремишься ее постичь, тем труднее это становится, тем дальше она от тебя. Ты не можешь ее поймать, тебе не удастся узнать, что это в точности такое, ты не можешь ей управлять. Любовь остается непознаваемой. Человек хочет узнать, потому что знание дает власть. Тебе хотелось бы иметь власть над любовью, но это невозможно; любовь гораздо больше тебя. Ты не можешь владеть ею, лишь она может владеть тобой. Поэтому люди, кото-

рые хотят владеть любовью, никогда ничего о ней не узнают.

Лишь те, у кого достаточно храбрости, лишь те, в ком есть азарт, кто готов рискнуть самой своей жизнью и отдаться неизвестной энергии, способны узнать, что такое любовь.

Любовь это первый шаг к Богу — поэтому она кажется безумной тем, кто привязан к голове. Поскольку люди не понимают всего таинства любви, поскольку они пытаются понять ее умом... Она может быть понята лишь сердцем. Помни: все, что есть великого, доступно сердцу. Сердце это врата ко всем великим ценностям жизни, величайшим ценностям, а голова это лишь полезный механизм, приспособление — она хороша в мире, но совершенно бесполезна в храме. А любовь есть храм, она не принадлежит миру. Если ты переносишь любовь в мир, она низводится до уродливой сексуальности.

Именно это сделали люди: вместо того, чтобы вознести любовь к Богу, они низвели ее до уродливой, животной сексуальности.

И странность в том, что те же самые люди — политики, священники, пуритане — те же самые люди, которые так безобразно извратили любовь, против секса, они враги секса. И это те люди, которые разрушили силы безмерных возможностей!

Любовь это лотос, скрытый в грязи. Лотос рождается из грязи, но вы не осуждаете лотос лишь потому, что он рожден из грязи; вы не называете лотос грязным, вы не называете лотос нечистым. Любовь рождается из секса, и тогда из любви рождается молитва, и тогда из молитвы рождается Бог. Выше и выше парит летящий.

Но священники и пуритане низвели все это явление до сексуальности. Как только любовь превращается в секс, она становится уродливой, человек начинает чувствовать себя виноватым. И именно из-за этого чувства вины возникли эти слова, эта поговорка: Здравствуй, любовь, прощай, мудрость... Если ты спросишь меня, я немного

изменяю ее. Я скажу: Здравствуй любовь, здравствуй, мудрость.

Но все зависит от того, как ты на смотришь нее. Если ты смотришь на ее потенциал, на высочайшую возможность, которой она может достичь, тогда любовь становится лестницей. Если ты смотришь на нее лишь как на грязь, и ты совершенно слеп к будущему этой грязи, тогда, конечно, любовь становится чем-то безобразным, и в тебе возникает великое противоречие. Но противоречить любви значит противоречить Богу.

Вернувшись домой после медового месяца, Майкл позвонил на работу своему отцу.

— Рад тебя слышать, сынок. Расскажи мне, как тебе живется после свадьбы?

— Папа, я ужасно расстроен. Мне кажется, я женился на монашке.

— На монашке? — спросил удивленный отец. — Что это значит?

— Ну, понимаешь, ничего утром, ничего вечером.

— Ах, вот что! — протянул старик. — Приходи обедать в воскресенье, и я представлю тебя матери-настоятельнице.

Когда любовь низведена до сексуальности, конечно — здравствуй любовь, прощай мудрость. Но это зависит от тебя: зачем низводить ее до сексуальности? Почему бы не превратить обычный металл в золото? Почему бы не научиться алхимии любви? Именно этому я учу здесь.

А священники, которые ничего не знают о любви — они продолжают воздвигать против нее великие системы мысли.

Священник проповедовал перед притихшей и внимательной толпой крестьян.

— Вы не должны пользоваться таблетками.

Очаровательная синьорина шагнула вперед и сказала:

— Послушайте, вы не играете в игру, не вам и устанавливать правила!

Это люди, которые не играют в игру, но они устанавливают правила. Веками священники устанавливали правила. Именно духовенство всего мира осуждало великий потенциальный — и, фактически, единственный — источник энергии. Если он осужден, осуждены вы; вся ваша жизнь станет бессмысленной. Если сексуальной энергии не позволено подняться до ее естественных высот, вам предстоит прожить несчастную жизнь.

Бал Кришна Бхарти, любовь это величайший дар Бога. Научись ее искусству. Научись ее песне, ее празднованию. Это абсолютная потребность: в точности как тело не может выжить без пищи, душа не может выжить без любви. Любовь есть питание души, начало всего, что только есть великого, двери к божественному.

Третий вопрос:

Я знаю, что Бог есть любовь, но почему тогда я так боюсь его?

Судхарма,
Ты не знаешь, что Бог есть любовь. Ты слышал, что я вновь и вновь говорил, что Бог есть любовь; поэтому ты начал повторять. Повторять как попугай. Я знаю, что Бог есть любовь, поэтому бояться его невозможно. Как можно бояться любви?

Страх и любовь не могут существовать вместе; их сосуществование невозможно. Фактически, та же самая энергия, которая становится страхом, становится и любовью. Если она становится страхом, больше не остается энергии, которая могла бы стать любовью; если она становится любовью, страх исчезает. Это одна и та же энергия! Эта энергия в хаотическом состоянии называется страхом; когда же она становится космосом, когда она в глубоком созвучии, она называется любовью. Ты все еще не знаешь, что Бог есть любовь.

Ты говоришь: «Я знаю, что Бог есть любовь...»

Ты слышал, но ты не знаешь. Для тебя это лишь информация; это еще не знание, это не твой собственный подлинный опыт. И помни всегда: до тех пор, пока нечто не становится твоим подлинным переживанием, это не трансформирует тебя — в этом проблема.

Ты говоришь: «Я знаю, что Бог есть любовь, но почему тогда я так боюсь его?»

Ты вынужден бояться его, потому что ты не знаешь, что Бог есть любовь. Многие века священники говорили тебе, что Бог постоянно следит за тобой, что Бог хочет, чтобы ты делал это и не делал того, что вот десять заповедей Бога, и ты должен им следовать. И если ты им не следуешь, Бог уготовил тебе великий ад. Отец готовит адский огонь своим собственным детям? — это даже представить себе невозможно.

Священники сделали Бога таким уродливым лишь для того, чтобы подчинить себе людей, потому что людей можно подчинить только страхом. Помни это: это коммерческая тайна всех священников — индуистских, христианских, мусульманских, джайнских, буддийских. Их философии могут различаться, но коммерческая тайна одна. Вот эта тайна: всегда поддерживать в людях страх, трепет. Если люди боятся, они готовы подчиниться. Если люди боятся, они готовы быть рабами. Если люди боятся, они не могут набраться храбрости, чтобы восстать. Страх лишает их сил; страх это психологический

процесс кастрации. Так было веками: страх был величайшим оружием в руках священников, и они использовали его, не скупясь.

Сын Гольдбергов отказывался принимать школу всерьез. Он никогда не делал уроки и постоянно прогуливал занятия.

Директор предложил отправить его в Ешиву. Гольдберги так и потупили, но через несколько дней его исключили.

Так как Гольдберги знали, что католические приходские школы очень строги, они решили отправить Джейка в одну из них. Они записали его в Школу Христа-Короля для Мальчиков призвав его на прощание хорошо себя вести и делать уроки, потому что это его последний шанс, и, если его снова выгонят, его придется сдать в школу для умственно отсталых.

Проведя неделю в приходской школе, Джейк вернулся с потрясающими оценками. Чудесным образом он преобразился в старательного ученика с хорошим поведением.

— Как же это ты так внезапно изменился? — спросил Гольдберг.

— Когда я увидел этого человека, висящего на кресте в каждой комнате, я сообразил, что мне лучше больше не быть мудрым парнем.

Заставьте людей бояться, поддерживайте в них трепет. Скажите им, что Бог очень властен, очень зол, очень ревнив, и он совершенно неспособен вас простить, если вы ослушаетесь. Непокорность это величайший грех в глазах священников; поэтому были изгнаны Адам и Ева. Они не совершили большого греха. Что же они в самом деле сделали? Тут и говорить не о чем, но священники говорили об этом столетиями. И Бог так разозлился, что

не только Адам и Ева оказались выброшенными из Эдемского сада — с ними все человечество!

Вы страдаете, потому что Адам и Ева ослушались. Вы не сделали ничего плохого; вы страдаете за их грех, потому что вы их потомки. И этот грех так велик — должны быть наказаны не только люди, которые его совершили, но и многие тысячи их потомков.

А в чем, собственно, заключался этот грех? Почему вокруг него было поднято столько шума? Это было так невинно, так естественно, что я не могу себе представить, как Адам и Ева могли его избежать. Если кто-то и ответственен за это, то только сам Бог. В садах Эдема были миллионы деревьев, и среди них лишь три дерева, плоды которых Бог запретил есть Адаму и Еве — лишь три запретных дерева. И причина запрета также кажется очень уродливой. Вот эта причина: если человек ест от дерева знания, он становится подобным Богу, а Бог очень ревнив. Посмотрите на причину этого запрета. Причина в том, что если человек ест от этого дерева, дерева знания, он станет бессмертным, бессмертным как боги. Он будет знать столько же, сколько знает Бог — а это нестерпимо! Поэтому Бог сделал это дерево своей исключительной привилегией — должно быть, он ел от дерева знания — и запретил доступ Адаму и Еве.

Именно это постоянно делает каждый отец. Он курит, но запрещает курить детям: «Не курите: это плохо. Для вас это плохо!» Но поскольку отец смотрит с сигарой так хорошо, дети очарованы. Они тоже хотят быть как отец — он выглядит так мужественно, пуская кольца дыма, отдыхая в кресле и читая газету. Детям интересно. Когда отца нет дома, дети садятся в то же самое кресло, разворачивают ту же самую газету, хотя они и не умеют читать, и начинают пускать кольца. Это приносит им огромную радость, потому что это дает им огромное эго.

На самом деле, запрещать значит приглашать. Говорить детям: «Не делайте то-то и то-то» значит напрашиваться на неприятности.

Когда-то я жил в одной семье. У них была проблема: отец, известный профессор университета, был курильщиком, неисправимым курильщиком. Он боялся, что его сын начнет курить, и попросил у меня совета.

Я сказал:

— Сделайте одну вещь...

Он боялся, что, когда его единственный сын подрастет, он тоже начнет курить. Я сказал:

— Если вы слушаете меня, самое лучшее, что вы можете сделать, это дать своему сыну сигареты, предложите ему сигареты сами и скажите, чтобы он курил как можно больше.

— Что вы такое говорите! Вы сумасшедший или смеетесь надо мной?

— Тогда предоставьте это мне — у меня получится лучше.

Я предложил его сыну сигарету. Он сказал:

— Но вы же не курите.

— Не впутывай меня в это: я не очень разумный человек. Посмотри на своего отца! Если я глуп, должен ли и ты быть глупым?

Мне было очень трудно его убедить, потому что этот вопрос возникал снова и снова: «Вы говорите мне курить, но почему тогда вы сами не курите?»

— Попробуй, и тогда ты узнаешь, — сказал я.

Он попробовал, узнал — и выбросил сигарету.

— Теперь я знаю, почему вы не курите. Почему же тогда вы так настаивали? Почему вы старались меня убедить? Мне плохо, меня тошнит! — Он закашлялся, и ему на

глаза навернулись слезы — все было кончено, с этим было покончено.

И я попросил его отца никогда не говорить ребенку: «Не кури».

Запомни древнюю историю Адама и Евы. Если бы я был Богом, я подвел бы Адама и Еву к дереву и заставил бы их есть плоды до тех пор, пока их не начнет тошнить, и тогда вся история на этом бы и окончилась. Но Бог сказал им не есть плодов с этого дерева. Это было приглашением — не нужно было никакого змея.

Змея придумали священники, чтобы выгородить Бога; вся ответственность была переложена на бедного змея. Этого змея можно только пожалеть; он не имеет к этому никакого отношения, он абсолютно ни в чем не виноват. Видели ли вы когда-нибудь, чтобы змей пытался в чем-то убедить женщину? И каким образом он в этом заинтересован? Если он хотел есть сам, никто ему ничего не запрещал. Почему он должен был склонить к этому Еву? Что он выигрывает от того, что Адам и Ева становятся знающими? Нет, змей был изобретен для того, чтобы переложить на него ответственность.

Но если вы заглянете вглубь этой истории, все очень просто: ответственен Бог. Сначала он навязывает людям приказание, и само это создает в них сопротивление, непреодолимое желание послушаться. Потом это непослушание грешно, это величайший грех. И затем нужно создать ад и все возможные наказания и держать людей в страхе.

Эта история была изобретена священниками, чтобы заставить человека бояться. Священники никогда не хотели, чтобы человек становился разумным, потому что разумные люди опасны — опасны для статус-кво, для правящего порядка. Священники всегда хотели, чтобы люди оставались совершенно невежественными, неразумными. Многие века они не позволяли людям читать

писания. Во многих религиях это до сих пор не разрешено женщинам.

И этот тайный заговор продолжается до сих пор. Все писания написаны на мертвых языках; никто их не понимает, кроме священников. Священники оставались у власти веками, потому что они были единственными, кто знал. Писания были написаны на древнем санскрите, иврите, арабском, греческом, латинском — на древних языках, на которых уже никто не говорит. Подозревают даже, что есть несколько языков, на которых никогда никто и не говорил. Санскрит, например, кажется языком, который никогда не был разговорным. Он всегда был языком ученых, не обычных людей; языком пандитов, а не масс.

В Индии было два языка; один называется *пракрит*; пракрит означает «естественный», «тот, на котором говорит народ». А санскрит буквально означает «чистый», «аристократический», тот, на котором говорят только ученые, академики в университетах. Все великие писания были написаны на санскрите.

Махавира и Будда оказались первыми, кто говорил на языке народа — и брамины Индии никогда не могли им простить этого греха. Говорить на языке народа значит подвергать опасности власть священников. Если люди становятся знающими, если они знают, что написано в писаниях, они не могут быть обмануты так легко. На самом деле, Ведам можно поклоняться, только если вы их не понимаете. Если вы их понимаете, девяносто девять процентов — просто мусор. Один процент — чистое золото, несомненно, но девяносто девять процентов это чистый мусор. Но, если вы не понимаете их, золотом кажется все. В темноте вам можно дать все что угодно и сказать: «Это золото — поклоняйся ему!» И Ведам поклонялись веками.

Священники хотели, чтобы вы поклонялись писаниям, а не понимали их — потому что, если вы понимаете писания, рано или поздно вам станет ясно одно: писание

не является настоящим источником. Рано или поздно вы обязательно наткнетесь на истину: «Кришна говорит в медитативном состоянии, Христос говорит в медитативном состоянии. То, что он говорит, вторично — первично то, как он говорит. Пока я не достигну такого состояния сознания, я не смогу понять этих слов, потому что сами по себе эти слова пусты; смысл может прийти только из опыта». Писания были запрещены; это было грехом... Только браминам, священникам, высшей касте разрешалось их читать — во всем мире.

Заговор все еще продолжается. Молитвы по-прежнему читают на мертвых языках, и вы не знаете, что говорите. Как вы можете что-то чувствовать, если вы не понимаете, что говорите? Как может молитва исходить из ваших чувств, из вашего сердца? Ваша молитва становится точно как граммофонная пластинка — повторение. И вы надеетесь, что, повторяя мертвые ритуалы, вы к чему-то придете. Вы просто впустую потратите свою жизнь.

Тогда возникает великий страх: «Я не знаю, откуда я пришел, кто я, куда я иду. Тьма, крошечная тьма повсюду вокруг, и никакого света нет в жизни». Тогда вам приходится идти на поклон к священнику. Вам приходится просить наставлений.

Вот эта коммерческая тайна: держать людей в страхе. Вы можете держать людей в страхе, лишь только если они невежественны. Заставьте их вечно дрожать, и они будут всегда готовы касаться ваших ног, подчиняться вам — потому что вы олицетворяете Бога, и послушаться вас опасно, очень опасно. Они будут навечно брошены в ад.

Офицер таможни останавливает Гринберга, одетого в поношенную одежду и несущего два бумажных пакета.

— Что в этих пакетах?

— Двадцать пять тысяч долларов, которые я хочу пожертвовать Израилю.

— Не может быть, — фыркает офицер, — вы выглядите так, как будто у вас нет денег даже на еду; как вы можете пожертвовать Израилю двадцать пять тысяч долларов?

— Ну, понимаете, я работал в мужском туалете, и когда заходили мужчины, я говорил им: «Подайте на помощь Израилю, иначе я отрежу вам яйца».

— Так, понятно, значит, у вас в одной сумке двадцать пять тысяч долларов. Что в другой сумке?

— Некоторые мужчины не хотели жертвовать.

Именно это делали священники: делали вас бесхребетными, разрушали вашу храбрость, ваше уважение к себе, доверие к себе.

Судхарма, ты говоришь: «Я знаю, что Бог есть любовь, но почему же тогда я так боюсь его?» Ты все еще окружен той ерундой, которую священники вбили тебе в голову; ты полон этого мусора. На то, чтобы от него избавиться, нужно время, нужно действительно долгое время, потому что это продолжалось веками. Эта история была такой долгой и уродливой, что действительно редко можно встретить человека, который бы ускользнул.

Все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь тебе ускользнуть. Я против всего этого священнического бизнеса. Я хочу, чтобы ты был с Богом лицом к лицу, без всяких священников, без всякого духовенства. Бог принадлежит тебе, ты принадлежишь ему; не нужно никаких посредников. Функция мастера не в том, чтобы стать посредником между тобой и Богом. Как раз наоборот: функция мастера в том, чтобы удалить все, что стоит между тобой и Богом. В последний момент он устраняется; его больше нет между тобой и твоим Богом. Он остается лишь до того момента, пока не удалено все остальное. Когда все удалено, он устраняется; вот все, что делает мастер.

И в то мгновение, когда устраняется мастер, когда он больше не стоит между тобой и Богом — в это мгновение ты познаешь, что Бог есть любовь. Из вещества, которое называется любовью, состоит вселенная.

Иисус говорит: Бог есть любовь. Я говорю тебе: Любовь есть Бог. Когда Иисус говорит: Бог есть любовь, все же возможно, что Бог и что-то другое, любовь это лишь один его атрибут. Когда я говорю: Любовь есть Бог, я говорю, что любовь это его единственное качество. В Боге нет ничего, кроме любви; на самом деле, это другое имя любви. Если ты отбросишь слово «Бог», ничего не случится. Пусть любовь будет твоим Богом.

Но тебе придется избавиться от священников. Тебе придется избавиться от твоих так называемых религий, церквей, храмов, ритуалов, писаний. Тебе нужно избавиться от множества мусора. Это огромная работа, потому что тебе говорили, что он очень драгоценен. Этот мусор был навязан тебе и выдан за золото, и, поскольку тебе говорили это столько раз, ты с этим свыкся.

Людей приучают видеть определенные вещи. Если человек подвергся определенному воспитанию, он смотрит на вещи через призму этого воспитания и видит то, что ему кажется.

Одним прекрасным весенним утром индуист и мусульманин сидели под деревом и слушали пение птиц.

— Слышишь? — сказал индуист. — Все эти птицы распевают звук Ом. Я слышу его. Я практиковал Ом тридцать лет, и теперь я могу распознать его очень легко. Все эти птицы произносят один и тот же звук: беззвучный звук, древний звук индуистов, омар.

Мусульманин рассмеялся и ответил:

— Чепуха! Я тоже практиковал молитвы. Птицы не говорят «Ом», они говорят «Амин».

Мусульманские молитвы, христианские молитвы оканчиваются словом амин; христианин говорит амен, мусульманин — амин. Индуистские молитвы оканчиваются звуком Ом. Несомненно, в этом есть определенная истина, которую частично выражают все трое. Когда ум становится абсолютно молчаливым, слышен определенный звук. Индуист воспримет его как Ом, мусульманин — как амин, христианин — как амен, но никто не может сказать наверняка, что это такое. На самом деле он может быть истолкован тысячей способов — вы накладываете на него свое толкование.

Если вы спросите настоящего мистика, того, кто не индуист, не мусульманин и не христианин, он скажет:

— Сиди в молчании рядом со мной и слушай. Нет никакой необходимости токовать, потому что, что бы мы ни сказали о нем, это будет навязано нами, это будет нашей идеей, наложенной на звук. Просто сиди, сиди в молчании — я слушаю его, послушай и ты. Я знаю его, узнаешь и ты. О нем ничего не нужно говорить.

Говорят, это случилось однажды.

Великий мистик Фарид встретил Кабира — другого великого мистика. Два дня они вместе сидели в молчании. Да, иногда они смеялись, смеялись без всякой причины, иногда — обнимали и целовали друг друга, но ни одного слова не прозвучало. Около тысячи человек — их ученики — пришли, ожидая, что что-то будет сообщено; никто не хотел упускать такой великой возможности. То, что Кабир скажет Фариду, должно быть чем-то исключительным; то, что Фарид скажет Кабиру, можно услышать лишь раз в сто лет.

Но прошло два дня, и ученикам надоело ждать и стало скучно. И чем сильнее они скучали, тем больше мистики смеялись, обнимались и целовались. Пришло время прощания; Фарид должен был уйти. Кабир ушел из города,

чтобы попрощаться с ним, просто сказать «до свидания». Снова они рассмеялись, обнялись — и расстались.

Ученики Фариды последовали за Фаридом, а ученики Кабира вернулись с Кабиром в город. Когда они остались одни, ученики Фариды спросили:

— Что случилось? Ты постоянно говоришь с нами — что случилось? Ты онемел? Почему ты не говорил целых два дня, и что означает все это хихиканье?

Фарид ответил:

— Не нужно было ничего говорить, потому что слышал то же самое, что и он, я видел то же самое, что и он, — какой смысл что-то говорить ему? Это было бы абсолютной глупостью с моей стороны. Когда я вижу, что он слышит то же самое, видит то же самое, он есть то же самое, и мы сталкиваемся с одной и той же реальностью, нужно ли что-либо говорить?

— Почему же тогда вы смеялись? — спросили они.

— Мы смеялись над вами, потому что вам было так скучно! Мы смеялись над вами. Вы пришли, чтобы услышать, что мы скажем — глупцы, вы упустили великую возможность. Рядом были два мастера в полном молчании; два пруда молчаливой энергии, две двери, одновременно открывшиеся к Богу — и вы упустили. Вы хотели каких-то слов, какого-то шума. Вы могли бы сидеть в молчании, вы могли бы стать частью нашего молчания. Вы могли бы попасть с нами в резонанс. Вы не сделали этого — вам было скучно, вам надоело, вы зевали. И просто глядя на вас, мы смеялись, мы смеялись над тем, сколько дураков мы собрали вокруг себя!

Ничто не может быть сказано; когда ты знаешь, нет способа выразить это. Но, если ты хочешь выразить, самое близкое к Богу слово — любовь. Даже оно очень приблизительно, но это слово ближе всего. Слово «Бог»

стало связано с неправильными людьми, с неверными понятиями. Фактически, многие люди чувствуют обиду, если ты говоришь слово «Бог». Я не привязан к этому слову; ты можешь отбросить его.

Но помни любовь; я не говорю тебе отбросить любовь, потому что без нее ты никогда не достигнешь Бога. Без Бога ты можешь любить, и Бог обязательно придет, знаешь ты или нет, веришь ты в Бога или нет. Верование не обязательно; любовь это абсолютная потребность, необходимость. Судхарма, ты слышал, что я говорил, что Бог есть любовь. Сделай это своим опытом, и страх исчезнет. Начни избавляться от священников и столетий неправильного воспитания. Они заставили тебя бояться.

Фактически, священники — враги Бога, потому что, чем больше люди боятся Бога, тем меньше возможность того, что они когда-либо узнают Бога — потому что страх это стена, а не мост. Любовь это мост, а не стена. Конечно, страх помогает священникам жить и эксплуатировать вас, но он отделяет вас от Бога. Священники служат Дьяволу. Если и есть кто-то подобный Дьяволу, священники у него на службе; они не на службе у Бога.

Именно поэтому существует так много религий, и все же земля остается нерелигиозной, совершенно нерелигиозной; так много храмов, церквей и мечетей, и все же аромата религиозности нет. Не видно человеческих лиц, полных изящества — их глаза полны молчания, их ноги танцуют, их жизни показывают, что Бог есть. Они могут говорить, что они верят в Бога, но то, как они живут, говорит о чем-то другом, о чем-то совершенно другом. То, как они живут, показывает абсолютную нерелигиозность; нечестность, фальшь, неискренность, ненависть, гнев, жадность — ни тени молитвы, ни тени любви, ни тени сострадания, ни тени медитативности.

Судхарма, медитируй, люби — забудь священников, прогони их из своей жизни. Ты страдаешь от этих пережитков.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что такое пессимист?*

Шивананда,
Пессимист это оптимист, который разочаровался в своем оптимизме. Он так надеялся и потерпел неудачу, он так мечтал и не смог достичь ничего существенного.

Пессимист это оптимист вверх ногами; это один и тот же парень — вот что я хочу тебе объяснить. Если ты не был оптимистом, ты не можешь быть и пессимистом. Сначала ты должен стать оптимистом.

Каждого ребенка воспитывают в духе большого оптимизма. Все родители думают, что у них потрясающие дети. Спроси любую мать: она считает, что ее ребенок уникален — он лучше всех, он исключительный, несравненный. Каждая мать хвастается своим ребенком. Родители воспитывают своих детей с огромным оптимизмом — ожидая, что они будут Александрами Великими, Иисусами Христами, Гаутамами Буддами.

Но постепенно жизнь доказывает обратное. Мало-помалу ребенок начинает осознавать свою заурядность. Он начинает понимать, что все эти великие мечты, все эти великие амбиции не могут быть осуществлены. И к тому времени, когда человеку исполняется сорок, сорок два, начинается пессимизм — темный, мрачный...

Сейчас медицинской науке известно, что большинство сердечных приступов случается между сорока и сорока четырьмя годами, в эти четыре года. Большинство людей сходит с ума в эти четыре года, с сорока до сорока четырех лет. Психологи, психоаналитики знают, что это самое опасное время. Если ты не сумасшедший в сорок четыре года, это значит, что ты не сойдешь с ума. Но многие люди терпят неудачу.

Но не думай, что, если ты не сумасшедший даже в сорок четыре года... это не значит, что ты разумен. Дело может быть в том, что ты настолько туп, что до тебя все доходит очень медленно. Дело может быть в том, что ты очень нечувствителен. Дело может быть в том, что ты безрассуден, что ты не прислушиваешься к жизни, к тому, что она говорит, и продолжаешь надеяться.

Но рано или поздно человек начинает чувствовать, что жизнь ускользает из рук. Оптимизм скисает и превращается в пессимизм. Полный надежд оптимизм переворачивается вверх тормашками; приходит отчаяние. Тогда все видится в черном свете. Раньше ты считал розы, теперь ты считаешь шипы. Раньше ты говорил: «Как прекрасна эта цветущая роза, какое это чудо! Она растет среди тысячи шипов». Ты был поэтом, у тебя было эстетическое чувство; ты еще верил, что жизнь придет к осуществлению.

Но вскоре приходит день, когда розы начинают увядать, и ты начинаешь считать шипы, ты больше не можешь верить в розы. Ты начинаешь говорить: «Это невозможно! Должно быть, эта роза была сном, майей, галлюцинацией. Возможно ли это среди тысяч шипов, возможна ли роза?» Это кажется противоречием, это выглядит нелогичным, такого не может быть по природе вещей. Ты начинаешь считать ночи; раньше ты считал дни.

Оптимист говорит: «Существует два дня и между ними небольшая ночь для отдыха». Пессимист считает ночи; он говорит: «Есть две длинные ночи — кошмары, ужасные сны, мучения — и лишь небольшой день, втиснутый между ними». Жизнь остается прежней: ты можешь считать дни, ты можешь считать ночи. Если ты считаешь дни, ты оптимист, если ты считаешь ночи, ты пессимист, но на самом деле это не имеет большого значения.

Оптимист может стать пессимистом, пессимист может стать оптимистом. Они не противостоят друг другу; это две точки одного и того же спектра.

Человек должен идти за пределы того и другого, Шивананда. Саньясин должен идти за пределы того и другого — ни надежда, ни безнадежность. Не нужно считать дни, не нужно считать ночи. Будь наблюдателем! Не нужно считать розы, не нужно считать шипы. Будь наблюдателем...

Я не учу вас оптимизму. На западе это сейчас очень модно; это называется «позитивным мышлением». Это новое название для оптимизма; старое название немного вышло из моды, устарело. Теперь он называется позитивным мышлением. Я не учу вас позитивному мышлению, потому что негативное мышление идет за ним по пятам.

Я учу вас трансценденции — ни позитивной, ни негативной. Будь наблюдателем: наблюдай то и другое. Когда день, наблюдай день, а когда ночь, наблюдай ночь — но не отождествляйся с ними. Ты не день и не ночь; ты трансцендентное сознание. Перенеси свой центр тяжести в эту трансценденцию.

Истинная религия не позитивна и не негативна. Она не идет путем отрицания, она не идет путем утверждения; она идет путем трансценденции.

Одним сентябрьским утром, после Дня Труда, Левин и Остров встречаются за ленчем. Они не видели друг друга несколько месяцев.

— Я прожил совершенно невероятное лето, — сказал Левин. — Июнь был сплошным бедствием — я никогда не видел ничего подобного. Но, когда наступил июль, я понял, что июнь прошел потрясюще, потому что в июле я совсем сдал. Июль был кошмарный...

— Ради всего святого! — перебил Остров. — Как ты можешь говорить такую чепуху! Хочешь услышать про настоящий кошмар? Вчера мой единственный сын пришел домой и сказал, что он собирается жениться на другом

парне. Мой мальчик гомосексуалист! Что может быть хуже?

— Я скажу тебе, — ответил Левин. — Август.

Просто подожди! Есть люди, которые всегда ищут негативное — а если ты ищешь негативное, ты его найдешь, потому что негативное и позитивное равны в пропорциях. Если ты ищешь позитивное, ты его найдешь. Но, находя позитивное, ты не можешь уничтожить негативное; негативное идет за ним по пятам. Они всегда вместе, как отрицательный и положительный электрический заряд. Не может быть электричества с одним зарядом; требуются оба.

Жизнь требует всего: шипов и роз, дней и ночей, счастья и несчастья, рождения и смерти.

Будь свидетелем всего этого, и ты узнаешь нечто, выходящее за пределы рождения, за пределы смерти; нечто за пределами света и тьмы; нечто за пределами счастья и несчастья. Будда называет это миром, нирваной.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я никому не могу доверять. Почему?*

Саргам,
Я просто расскажу тебе историю. Медитируй на это.

Наемный работник приводит младшую дочь в семье фермера в сарай. Вернувшись, она говорит своей сестре:

— Прямо скажем, наемный работник знает несколько хороших трюков.

Сестра также оказывается в сарае, затем мать, и, в конце концов, сам фермер, который случайно услышал

замечание матери о том, что наемный работник и правда знает хорошие трюки.

Увидев входящего фермера, парень лихорадочно думает и начинает ходить на руках и выполнять прочие акробатические трюки. Понаблюдав за ним, фермер возвращается к собравшимся в доме дочерям и жене.

— Пожалуй, вы правы. Этот парень действительно знает забавные трюки.

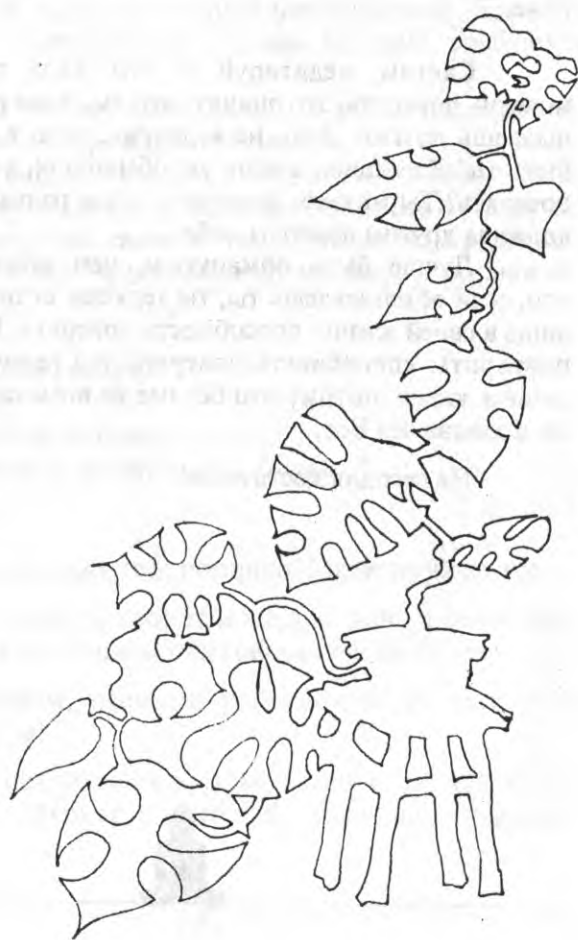
— Боже правый! — кричат жена и дочери. — Он и тебя тоже ...?

Сангам, медитируй на это. Если ты никому не можешь доверять, это значит, что ты, должно быть, обманываешь других. Дело не в других, дело в тебе. Должно быть ты обманщик, а если ты обманщик, как ты можешь доверять? Ты можешь доверять, лишь только если ты позволяешь другим доверять себе.

Лучше быть обманутым, чем обмануть, потому что, если обманываешь ты, ты теряешь величайшее сокровище в своей жизни: способность доверять. Позвольте мне повторить: способность доверять это величайшее сокровище в жизни, потому что без нее не возможна ни любовь, ни молитва, ни Бог.

На сегодня достаточно.

Глава 3
Спеши Делать Добро

*Спеши делать добро.
Если ты медлишь,
Тебя поймает ум,
Скорый на обман.*

*Отвернись от обмана —
Вновь и вновь, прежде чем на тебя
Падет страдание.*

*Направь сердце к добру —
Вновь и вновь, и тогда тебя
Наполнит радость.*

*Дурак веселится, пока его глупость
Не обернется против него.
А праведный может страдать, пока
Не расцветет его добро.*

*Не сглаживай своих поражений,
Не говори: «Что они для меня?» —
Капля за каплей,
Глупость
Наполняет кувшин дурака.*

*Не приуменьшай своих достижений,
Не говори: «Они ничтожны» —
Капля за каплей,
Добродетель
Наполняет кувшин мудреца.*

Однажды я жил в Варанаси. Ко мне пришел профессор индуистского университета. Он спросил, верю ли я в ад.

— Мне не нужно верить в ад, потому что он есть. Верование необходимо, когда вы не видите, что что-то существует. Ад так осязаем, его так много, он так бросается в глаза, что в него не нужно верить.

— Где он? — спросил он.

— Вы в нем живете! — ответил я. — Вы в нем родились, вы дышите в нем и в нем умрете — если только не приложите огромного усилия, чтобы из него выбраться.

Человек слеп к окружающему его аду, потому что он родился в нем. Он повсюду вокруг: он простирается во все стороны. Как рыба в океане, человек живет в аду. Рыба никогда не чувствует океана, пока ее не выбросит из океана случай или не поймает рыбак. Лишь покинув океан, она впервые осознает, что она была в океане все время.

Пока вы не узнаете о рае, вы никогда не осознаете, что всегда жили в аду — и не только жили, но и создавали его, помогали ему, кормили, укрепляли его. Вы его создатель, вы живете в мире, который создали сами, и не можете жить ни в каком другом мире. Единственное место жизни это то место, которое вы создаете вокруг себя. И то, что вы создаете вокруг себя, сначала должно прийти к существованию в центре вашего существа; лишь тогда оно может стать периферией.

Ад возникает в центре вашего существа и затем распространяется, становится периферией. Сначала он возникает в вас, в качестве вас, и затем становится вашими отношениями, вашим миром.

Ад не относится к географии; он принадлежит психологии. Ад это другое название болезненного ума, ума в состоянии страдания, беспорядка, ума, страдающего кошмарами, ума, живущего в основном в бессознательном.

Бессознательный ум — это и есть ад; сознательный ум выходит за пределы ада.

Не верьте старым детским басням о том, что ад находится где-то в другом месте; это очередная попытка ума отложить все на потом. Ум всегда стремится откладывать; он делает это всеми возможными методами, способами и средствами. Он говорит: «Да, ад находится глубоко под землей, далеко-далеко. Не нужно беспокоиться — он наступит лишь после смерти. Сейчас это несущественно, не нужно тратить на это время. В момент смерти ты сможешь решить, куда направиться. Если ты вспомнишь Бога, ты попадешь на небеса, если ты не вспомнишь Бога, ты попадешь в ад».

И вот вы живете, как будто ад где-то в другом месте. Он здесь и сейчас. Все здесь и сейчас — и ад, и небеса.

Будда живет на небесах. Он ходит среди вас, он сидит среди вас. Он живет на этой земле, в этом самом теле, но для него это совершенно другой опыт. Именно это тело будда, именно эта земля рай лотосов — это его опыт. Это опыт всех будд, всех пробужденных.

Но для вас это только мечта, вымысел, миф. Для вас: именно это тело ад, именно эта земля адский огонь. Вы не видите рая лотосов — у вас нет глаз, чтобы его увидеть. Эти глаза нужно создать; эти глаза не даны от рождения. Есть только потенциал; вам предстоит их вырастить, вам предстоит приложить усилие, чтобы их добиться, вам предстоит стать ими. Семя есть, но вам предстоит найти нужную почву. А основная уловка ума состоит в том, чтобы держать вас в заблуждении, чтобы говорить вам, что рай и ад где-то очень далеко.

Функция мастера в том, чтобы возвращать вас в здесь-и-сейчас снова и снова. Ум пытается ускользнуть. У ума есть две возможности избежать здесь и сейчас: либо он движется в прошлое, в воспоминания — золотое прошлое, золотой век Будды и Кришны, эти прекрасные дни — либо он движется в будущее, в какую-либо утопию о бесклассовом обществе на земле или о рае высоко за

облаками. Но он удерживает вас в стороне от настоящего момента. А настоящий момент это единственная существующая реальность; нет никакого другого момента. Это всегда настоящее.

Прошлого больше нет, будущего еще нет. Что бы ни было, это настоящее. Ум уводит вас прочь от него тысячей и одним способом. Он продолжает свои бесконечные трюки. Ум может существовать либо в прошлом, либо в будущем; ум не может существовать в настоящем. Пусть это глубоко впитается вам в сердце: ум не может существовать в настоящем. Если вы всецело в здесь и сейчас, ум исчезает, а с исчезновением ума прекращается и ад.

Исчезновение ума — это и есть рай: жить в настоящем, жить без ума. Это не значит жить в настоящем рассеянно — как раз наоборот! Жить сознательно значит жить без ума, жить без мыслей, но с большой бдительностью. Вы можете жить с большой бдительностью, лишь если все мысли отброшены, потому что энергия, занимаемая мыслями, доступна, высвобождена. Вас начинает переполнять энергия. Тогда в вас появляется огромная жизненная сила, интенсивность, страсть. Ваша жизнь не теплится едва-едва; она пылает таким пламенем, что достаточно одного-единственного мгновения. Единственное мгновение этой сознательной интенсивности длиннее самой вечности.

Эти сутры Будды просты, но чрезвычайно полезны для ищущего.

Спешите делать добро.

Ум будет вам говорить снова и снова: «Отложи. Всегда есть завтра. Зачем так торопиться? Ты можешь сделать это завтра». И завтра никогда не приходит. Человек, который откладывает доброе дело на завтра, откладывает его навсегда; он никогда не сможет его совершить. Если вы откладываете сегодня, вы развиваете привычку откла-

дывать. Сегодня вы говорите: «Завтра». Вы создаете образ жизни, стиль жизни. Завтра снова придет как сегодня, и эта привычка скажет: «Мы сделаем это завтра».

Я слышал древнюю притчу:

Человек поклонялся Богу многие годы, и однажды Бог явился ему.

Он просил только одного. Он сказал:

— Дай мне кое-что — вот почему я поклонялся тебе — что-то, что будет исполнять мои желания. Чего бы я ни попросил, должно быть немедленно исполнено.

Бог дал ему раковину, красивую морскую раковину, и сказал:

— Попроси что-нибудь у этой раковины, и тотчас же, немедленно это будет исполнено.

Он попробовал — все правда. Счастью его не было границ. Он попросил большой дворец, и он появился. Он попросил красивых женщин, и они появились, он попросил вкусной пищи, и она появилась. С этого дня он жил в роскоши.

Но однажды спокойствию пришел конец. Саньясин, бродячий монах, пришел к этому человеку. Он сказал:

— Я слышал о твоём секрете — это ничто. Я тоже поклонялся Богу, гораздо дольше чем ты, ты домовладелец, а я монах — конечно, он был милостивее ко мне. Он также дал мне большую раковину. Взгляни на эту раковину. Она в два раза больше твоей.

Это была правда. Монах сказал:

— Чего бы ты ни попросил, эта раковина дает тебе вдвойне. Если ты просишь один дворец, она дает тебе два. Она всегда дает тебе в два раза больше.

Человеческая жадность такова, что человек захотел раковину. Теперь одной раковины было уже недостаточно. Он мог бы попросить два или три раза без всяких затруднений, но жадный человек слеп — жадность всегда слепа. У него закружилась голова.

Он сказал монаху:

— Ты монах, ты отрекся от мира — дай мне свою большую раковину, а себе возьми мою маленькую. Для твоих целей этого достаточно. Я домовладелец.

И они обменялись раковинами. Рано утром, приняв ванну и совершив поклонение, этот человек попросил раковину дать ему один лакх* рупий.

— Почему один лакх? Я могу дать тебе два! — сказала раковина.

Человек был очень доволен.

— Хорошо, дай мне два лакха.

— Почему два лакха? Я дам тебе четыре.

Теперь человек был немного озадачен, обеспокоен.

— Хорошо, дай мне четыре.

— Я дам тебе восемь лакхов, — сказала раковина.

Она продолжала до бесконечности — но ничего не давала! Обещание за обещанием... чего бы он ни попросил, ему было обещано в два раза больше. Он побежал за монахом, который собирался уйти рано утром... Но он уже отправился в путь...

Это красивая притча. Именно так действует ум, раковина монаха — его уловки. Он никогда не прекращает давать вам великие обещания, но завтра, не сегодня. А

* Лакх: сто тысяч.

завтра никогда не приходит. И мало-помалу состояние надежды становится самой вашей жизнью, просто надежды и ожидания. Приходит смерть... и ни одна надежда никогда не сбывается.

Ум очень боится добрых дел. Почему он боится добрых дел? По двум причинам. Первая: добро не питательно для ума; ум получает питание, поступая плохо, причиняя зло. Например, если вы говорите нет, это укрепляет ум; если вы говорите да, это не укрепляет ум. Поэтому ум никогда не заинтересован в том, чтобы говорить да. Ум атеистичен в своей основе. Он наслаждается, говоря нет, «нет» это его власть. Отрицание это его пища; он ест отрицание. Утверждение это его смерть.

Попробуйте говорить нет, и у вас появится чувство власти. Когда бы вы ни сказали нет, когда бы вам ни удалось сказать нет, у вас появляется чувство власти. Когда бы вам ни пришлось сказать да, вы чувствуете себя униженным, как будто вы сделали это вопреки самому себе. Тотально сказать да значит полностью разрушить ум, а оставаться в тотальном нет значит оставаться в уме, в эго.

Эго это второе название ума. Эго является центром ума; не-эго является центром вашего существа. В самом ядре вашего существа нет понятия «я», но в центре ума — я, я, я... Единственный шум, непрекращающийся шум, это шум эго. Чем больше вы говорите нет, тем более вы можете почувствовать свое эго. «Нет» определяет ваше эго.

Наблюдайте — и вы увидите, что я говорю правду. Я не выдвигаю теорию; я просто утверждаю факт жизни. Наблюдайте — вопрос не в том, чтобы верить или не верить — наблюдайте, и вы будете знать. Скажите да, почувствуйте да, и внезапно — эго нет.

Величайшее добро заключается в том, чтобы сказать да существованию и жизни. Именно это и есть религия. А величайшее нет это нет, сказанное Богу, жизни, существованию; это дает вам огромную власть но эта власть — для эго.

Эго так хитро, ум так изобретателен, что даже религиозные люди бывают им обмануты. Религиозные люди постоянно говорят жизни нет. Они пытаются сказать да Богу, но ум убеждает их: «Как ты можешь сказать да Богу, пока ты не скажешь нет жизни? Скажи жизни нет!»

Именно так возникла идея отречения: «Скажи нет своему мужу, своей жене, своим детям. Скажи нет своей семье, скажи нет своему обществу, скажи нет миру. Повернись к миру спиной и убеги в Гималаи. Лишь тогда ты сможешь сказать Богу да».

Хитрый ум постоянно обманывает даже так называемых религиозных людей. Даже так называемые святые и махатмы не более чем игрушки в руках эго. Эго очень изворотливо, очень хитро; коварны его пути. Лишь если вы очень разумны, вы можете вырваться из его когтей. Вы вырываетесь с одной стороны, и оно ловит вас с другой. Вы спускаете его с парадной лестницы, и оно входит с черного хода.

Так называемый святой чувствует огромное удовлетворение, насколько это касается его эго: он святой, он праведный, Я-Святее-Чем-Ты написано у него на лице. Нигде не найти больших эгоистов, чем в монастырях. Папы и шанкарачарьи, священники, те, кто от всего отрекся — естественно, их эго чувствует себя хорошо. Они отреклись от мира — а что сделали вы? Они отвергли деньги, власть, престиж. Но все это отречение не более чем очень тонкая игра ума.

Истинно религиозный человек это тот, кто говорит да жизни, потому что жизнь принадлежит Богу, кто говорит да земле, потому что земля это часть небес, кто говорит да телу, потому что тело это единственный приют души. И это прекрасный приют, красивый дом, красивый слуга. Действительно религиозный человек умеет говорить да всему. Его да приносит трансценденцию, его да порождает отсутствие эго, его да вызывает состояние не-ума.

Посмотрите на это с другой точки зрения: если вы говорите нет, тотчас же у ума появляется работа. Если вы говорите нет, вам придется найти множество аргументов, чтобы поддержать свое нет. Нет означает аргументы, нет означает логику. Чем более вы говорите нет, тем больше вам нужно аргументов. Если вы говорите да, никаких аргументов не нужно. Да это полная остановка; нет это только начало логического процесса. Человек, который говорит нет, становится все более и более убедительным. Человек, который умеет говорить да жизни, любви, существованию, становится менее и менее убедительным.

Стать менее убедительным означает стать более гармоничным; стать более убедительным означает стать более конфликтным, насильственным. Аргумент* просто означает, что ваш ум расстроен; если аргументов нет, это означает, что ум достиг глубокой гармонии. И из этой глубокой гармонии рождается добро; из этого расстроенного состояния рождается зло. Вы поступаете плохо, потому что вы разделены. Когда бы вы ни были цельны, добро начинает течь через вас; вам не нужно его делать — оно начинает происходить.

Будда говорит: *Спешите делать добро.*

Почему «спешите» — сделай это немедленно? Ум скажет: «Завтра. Подожди. Давай это обдумаем». Обдумывание никогда не приходит ни к какому заключению, помните; обдумывание никогда не приводило ни к какому заключению. За десять тысяч лет философствования философия так и не пришла ни к какому заключению. Они не пришли ни к какой истине, они все еще в пути. Одни и те же аргументы повторяются в разных видах и формах, и философия продолжает движение в порочном круге. Философ остается в нерешительности, а оставаться в нерешительности всю жизнь значит вообще не жить.

Жизнь возможна лишь в решительности, посвящении, увлеченности; иначе вы только зритель, вы ни в чем

* англ. *argument*: аргумент; ссора

не участвуете. Как вы можете участвовать, пока вы не убедите себя логически до полного удовлетворения?

Говорят, что одна женщина сказала Эммануилу Канту, великому философу, что она будет счастлива, если он возьмет ее в жены. Для этого ей пришлось набраться храбрости, потому что Иммануил Кант не был романтическим человеком, совсем не романтическим, абсолютно не романтическим. Его жизнь не была жизнью спонтанности; он был образцом механической жизни. Всю свою жизнь он свято соблюдал определенный распорядок. В десять часов он ложился спать; десять означало ровно десять, ни минутой раньше, ни минутой позже. Его слуга... у него был только один слуга. Кто еще смог бы уживаться с таким человеком? — только слуга. Его семья бросила его; он был таким механическим, таким бременем, такой обузой для семьи. Слуга обычно говорил просто говорил ему время — не «Пора ложиться спать»; он просто входил и объявлял: «Десять часов!», вот и все. И он тут же прыгал в кровать. Если у него были гости, он даже не прощался с ними. Он отправлялся в постель, ложился под одеяло, и слуга объявлял гостям: «Пожалуйста, расходитесь. Он лег спать».

Ровно в пять часов его нужно было вытаскивать из постели. Иногда было слишком холодно, или он был слишком усталым, но распорядку нужно было следовать — даже если он болел, распорядок нужно было соблюдать. Он сказал слуге, что иногда он может проявить слабость, почувствовать искушения поспать немного больше, но слуга не должен его слушать. Его нужно было поднять на ноги, даже против его желания. Даже если он говорил: «Нет, я хочу спать», слуге приходилось поднимать его. Иногда они ссорились, ругались. Слуга должен был ударить его, чтобы заставить проснуться — это входило в его обязанности.

Должно быть, это была редкая женщина! — но сумасшедшие есть всегда и везде. Она должна была быть сумасшедшей, чтобы влюбиться в этого человека. Это была машина, а не человек. И знаете, что сделал Иммануил Кант? Он выслушал ее и сказал: «Я это обдумую». И он думал три года! — взвешивал все за и против. Он написал длинный труд о преимуществах и недостатках брака. И в конце концов он пришел к очень слабому заключению, это было почти совсем не заключение. В пользу женитьбы оказалось на один аргумент больше, и вот что это был за аргумент: женившись, ты узнаешь, что такое женитьба — хорошо это или плохо. Всего лишь это одно.

И вот он пошел к этой женщине и постучался. Дверь открыл ее отец и спросил:

— Зачем вы пришли?

— Я принял решение, — ответил Кант, — потому что в его пользу на один аргумент больше. Вообще их получилось триста: триста против и триста один за — и я решил жениться.

Отец рассмеялся.

— Поздно. Она уже вышла замуж — и не только вышла замуж, у нее уже есть и ребенок! Вы немного опоздали.

Но именно так действуют философы. Я удивлен даже тем, что ему удалось прийти к какому-то заключению за три года. Это чудо — философы никогда не приходят к заключениям. Должно быть, он пришел к этому заключению в очень нефилософский момент.

Десять тысяч лет истории доказывают достаточно: философия остается нерешительной. Философия умеет только задавать вопросы — она не знает ответов. Каждый ответ в свою очередь порождает десять новых вопросов.

Ум очень доволен, когда он может спорить, думать. Ум очень не любит приходить к заключениям,

потому что, как только вы делаете заключения, ум больше вам не нужен. Для ума заключение означает смерть. Если вы пришли к заключению о высшей истине, ум должен совершить самоубийство.

Ум очень боится говорить да, ум очень боится делать добро, потому что добро может быть совершено лишь в состоянии отсутствия эго. Добро это побочное следствие состояния не-ума. Постарайтесь это понять — и когда я говорю «постарайтесь это понять», я не говорю, что это нужно обдумать. Я просто говорю: слушайте сердцем, любящим сердцем.

Эти сутры могут быть поняты только сердцем. Они были порождены величайшим сердцем, которое когда-либо билось на этой земле, и они могут быть поняты только сердцем.

Спешите делать добро. Ум всегда спешит причинять зло. Если вы хотите разозлиться, ум никогда не говорит: «Завтра», он говорит: «Сделай это прямо сейчас». Если вы хотите сделать пожертвование, если вы хотите подать милостыню бедному, ум говорит: «Подожди! Сначала наведи справки, действительно ли он беден, или у него есть счет в банке. И посмотри... он выглядит таким здоровым, зачем ему подавать?»

Ум скуп, когда он должен чем-то поделиться; это очень трудно для ума. Он собирает и накапливает; мало-помалу он становится мусорной кучей.

Делать добро значит делиться, любить, служить, быть сострадательным. А это вещи, которых не может делать скупой ум. Но он не скажет: «Я не хочу этого делать», потому что это было бы очень недипломатично. Более дипломатично откладывать — «Завтра». Ум это бюрократ, и не просто бюрократ — это русский бюрократ.

Я слышал:

На конференции по разоружению в Женеве американский дипломат вытянул ноги под столом и нечаянно коснулся колена русской переводчицы, которая сидела как раз напротив него. Он улыбнулся, чтобы загладить свою вину.

Женщина не улыбнулась в ответ и не сказала ни слова. Она повернулась к сидящему рядом русскому дипломату и что-то спросила. Дипломат повернулся к своему начальнику и что-то прошептал. Начальник делегации встал из-за стола и пошел по направлению к переговорному центру. Встреча была приостановлена.

Через два с половиной часа заседание было продолжено. Дипломат вернулся на свое место за столом, что-то сказал своему ассистенту, который, в свою очередь, что-то прошептал переводчице. Она взглянула на американского делегата через стол и сказала:

— Ваша квартира или моя?

Прямо из Кремля! Вот как работает бюрократия, и так же работает ум. Он говорит: «Подожди, дай мне это обдумать». И он обдумывает и обдумывает без конца, а тем временем продолжает обещать: «Подожди! Ты можешь сделать это завтра».

Но заметьте: тот же самый ум, когда речь идет о том, чтобы сделать что-то плохое, никогда не говорит вам откладывать. Он говорит: «Сделай это прямо сейчас. Кто знает, что будет завтра? Этот человек оскорбил тебя — дай ему сдачи, да покрепче! Если в тебя бросили камень, брось в ответ скалу!»

Гурджиев вспоминал, что, когда умирал его дедушка, — ему тогда было только девять лет, — дедушка позвал его. Он очень любил мальчика, и он сказал ему:

— Я не могу предложить тебе многого, но я хотел бы что-нибудь дать тебе, прежде чем покину мир. Я могу дать тебе только один хороший совет, который помог мне самому; он был дан мне моим отцом, когда он умирал. Я

умираю. Ты слишком молод, и, возможно, ты не сможешь понять прямо сейчас, но запомни его, и придет день, когда ты поймешь. Когда бы ты ни нашел, что можешь последовать моему совету, следуй ему, и тебе никогда не придется страдать. Ты можешь избежать ада жизни.

Что это был за совет? Эта самая сутра — немного в других словах. Он сказал Гурджиеву:

— Запомни одно: если ты хочешь сделать что-то плохое, отложи это на завтра; если ты хочешь сделать что-то хорошее, сделай это немедленно — потому что откладывать значит не делать. Не нужно делать зла, нужно делать добро. Например, — говорил старик, — если кто-то оскорбляет тебя, и ты рассержен, взбешен, скажи ему, что ты придишь через двадцать четыре часа и тогда ответишь.

«Этот совет преобразил мою жизнь», — вспоминает Гурджиев, — «Хотя я и был слишком молод, мне было только девять лет, я попробовал это просто из любопытства. Если какой-нибудь мальчик оскорблял меня, обижал, или говорил что-то плохое, я вспоминал своего старого умирающего дедушку и говорил ему:

— Я должен обождать; я обещал это старику. Я отвечу тебе через двадцать четыре часа.

И всегда случалось так», — вспоминает Гурджиев, — «что либо я приходил к заключению, что он прав, что то, что он говорил, выглядело плохим, но это было правдой обо мне... Он говорил, что я вор, и это правда, я действительно вор. Он говорил, что неискренний, и это правда — я неискренний».

И он возвращался и говорил этому мальчику:

— Ты указал мне на то, что действительно правда. Ты показал мне грань моего существа, о которой я не знал. Ты позволил мне узнать себя лучше. Я безмерно благодарен.

Или, через двадцать четыре часа обдумывания, он приходил к заключению: «Этот человек, или этот мальчик абсолютно неправ. Это не имеет со мной ничего общего». Тогда не было смысла отвечать: он не возвращался к

этому мальчику. Если что-то совершенно неправильно, какой смысл злиться? Этот мир велик, в нем миллионы людей; вы не можете отвечать всем и каждому, иначе на это придется потратить всю жизнь. К тому же, в этом нет никакой необходимости.

Это половина истории. Если вы сможете откладывать плохое на завтра, вы сможете и делать хорошее немедленно. И вы никогда не раскаетесь в этом — потому что, если вы делаете немедленно плохое, вы раскаетесь завтра; если вы сегодня делаете хорошее, вы никогда не раскаетесь — не в чем раскаиваться. Вот простой секрет преобразования ада, в котором вы живете, в рай лотосов.

Спешите делать добро.

Если ты медлишь,

Тебя поймает ум,

Скорый на обман.

Не медлите, спешите, потому что ум очень быстр; он движется быстрее, чем что-либо другое. Он движется быстрее света! Физики говорят, что ничто не движется быстрее света, и, конечно, это кажется невозможным. Свет движется со скоростью сто восемьдесят миль в секунду — в одну секунду! Но физики еще ничего не знают об уме. У них еще нет достаточно чувствительных инструментов, чтобы измерить скорость ума.

Ум движется быстрее света. Вы должны быть очень бдительны, иначе вас обязательно куда-то занесет. Прежде чем вы об этом знаете, ум уже отправил вас куда-то очень далеко. Ум всегда готов отправиться в путь, потому что только в пути он чувствует себя живым.

Медитировать это просто значит сидеть в молчании, ничего не делая, даже не думая... и ум исчезает. Поскольку вы не в пути, ум больше не нужен. Ум это проводник в великих путешествиях. Если вы куда-то идете, ум очень доволен; если вы куда-то идете, это усиливает ум.

Но если вы никуда не идете, просто сидите в молчании, ничего не делая, ум очень расстраивается.

С медитирующими всегда случается так, что, когда ум расстраивается, он заставляет их скучать; это его стратегия. Ум говорит: «Эй! Давай куда-нибудь пойдём, давай что-нибудь сделаем! Зачем ты сидишь? Просто сидеть и ничего не делать скучно!»

Это трюк ума! На самом деле, если вы сидите в молчании и ничего не делаете, это приносит вам свежесть. Таков опыт всех пробуждённых — но не ваш. Это мой опыт. Что я делаю, когда я у себя в комнате? Сажу молча, ничего не делаю... приходит весна, и трава растёт сама по себе. На самом деле, ничего не нужно делать — трава растёт сама по себе. Жизнь продолжается сама по себе, жизнь течёт сама по себе. Вам не нужно толкать реку.

Но поначалу ум будет создавать скуку; скука это уловка ума. Ум говорит: «Смотри, если ты меня не слушаешься, тебе станет скучно. Если ты меня не слушаешься, жизнь будет совершенно бессмысленной. Если ты меня не слушаешься, тебе будет нечем наслаждаться. Пойдём, пойдём со мной, и я обещаю тебе замечательные развлечения».

Ум всегда подкупает вас развлечениями: включить радио, включить телевизор, пойти в кино или, по крайней мере, в клуб, поболтать — что-то сделать. Ум наказывает вас скукой, когда вы ничего не делаете. Скука это величайшая проблема медитирующего.

Но если вы можете сидеть, абсолютно не беспокоясь о скуке, — позволить ей быть, — если вас не беспокоит скука, через три месяца скука исчезнет. И вместо скуки придёт такая буйная радость, такая свежесть, какой вы никогда не знали раньше. И это не развлечение, потому что нет ничего: вы просто сидите в абсолютной пустоте. И из этой пустоты, из этого изобилия — новое осуществление...

Спешите делать добро. Если ты медлишь, ум, ловкий на озорство, поймаёт тебя. Ум наслаждается озорством.

Почему? — потому что для него это единственный способ выжить. Говорят, что вы не можете написать рассказ о действительно хорошем человеке, потому что тогда будет нечего писать. Написать можно только о плохом человеке. Не случайно Будда, Махавира, Иисус не упоминаются в ваших книгах по истории. История древности совсем не упоминает о них. Почему? Не о чем упоминать! Они никогда никого не убивали, они никогда никого не беспокоили; они жили так, как будто их не было. Они были такими хорошими, как будто их никогда и не было!

Одно из имен Будды — «Татхагата». Татхагата означает: приходящий как ветерок, уходящий как ветерок — пришел и ушел — не побеспокоив даже сухого листа. Молчаливый порыв ветра, приходящий без звука и исчезающий... Ни приход, ни уход не создают никакого шума, как если бы вы нарисовали линию на воде — не успели вы ее закончить, и ее уже нет. Так птицы летят в небе — не оставляя следов.

Но история полна Чингисханов, Тамерланов, Надир-шахов, Александров, Адольфов Гитлеров, Мао Цзе Дунов. Чем больше вы сделаете плохого, тем больше возможность того, что ваше имя останется в истории. Если вы действительно хотите быть частью истории, если вы хотите создавать историю, делайте зло. Политики останутся в истории, потому что они в этом величайшие специалисты.

Ум постоянно ищет случая набедокурить; он не может упустить никакой возможности. Даже если возможности нет, он попытается ее создать.

В дверь публичного дома звонят. Мадам открывает дверь и видит человека без рук и ног.

— Что вам делать в таком месте? — спрашивает она.

Калека смотрит на нее и отвечает:

— Я позвонил в звонок, не правда ли?

У него нет ни рук ни ног, но все же он готов идти в публичный дом!

Берквист спрятался в шкафу, когда неожиданно вернулся Фрэнк, муж его подружки. Вешая пальто, Фрэнк заметил его яйца среди одежды.

— Это еще что такое? — спросил он.

— Ээ... Это, ээ... рождественские колокольчики.

— Давай-ка попробуем, как они звенят, — сказал муж и стукнул по ним кулаком.

— Бим-Бом, сукин ты сын! — сказал Берквист.

Просто посмотрите, как живут люди. Понаблюдайте за собой, за другими. Станьте наблюдателем, и вы будете удивлены: каждый только ищет возможности. И возможности есть. Люди только ждут удобного случая. Если они не делают ничего плохого, это не значит, что они хорошие люди; возможно, дело лишь за случаем. Это мое собственное наблюдение.

Пока политик не у власти, он очень хороший, скромный человек, слуга общества; он всегда готов поклониться и коснуться ваших ног; он открывает школы и больницы. Как только он приходит к власти, он даже перестает вас узнавать, и вся служба обществу прекращается. Как только он приходит к власти, у него появляется возможность; теперь он будет делать то, что всегда хотел, но не мог.

В этой стране это произошло в таком кристально чистом виде, как ни в каком другом месте. До независимости, всего тридцать лет назад, все те политики, которые теперь стали таким бедствием для страны, были великими слугами общества, слугами страны, борцами за свободу. Они вели скромную, бедную жизнь, они многим пожерт-

вовали ради свободы страны. Их жизнь была образцом для подражания, идеалом; им поклонялись.

И тогда к ним пришла власть — и все изменилось за несколько секунд. Они стали жадными до власти, одержимыми властью. Их лица изменились, их маски исчезли. Теперь появилась возможность.

Лорд Актон сказал: власть развращает. Я и согласен, и не согласен. Да, на поверхности это выглядит так, что власть развращает, но если вы глубоко проанализируете это, развращает не власть — человек всегда был развращенным. Власть лишь дает возможность; власть не может развращать. Если вы развращены, власть дает вам возможность делать все то, что вы всегда хотели делать, но не могли.

Считается, что людей развращают деньги. Нет, деньги просто дают возможность. Бедные люди выглядят так хорошо; это неправда. Только позвольте им стать богатыми и посмотрите... все хорошее в них исчезает. Фактически, недавно разбогатевшие люди гораздо опаснее тех, кто родился богатым, потому что те, кто родился богатым, привычны к богатству.

Говорят, что первый министр одного короля незаконно скопил большое богатство — за спиной у короля; он стал богатейшим человеком в стране. Однажды король узнал об этом.

Он позвал первого министра и сказал:

— Ты служил мне так хорошо, что я не могу тебя наказать после всей твоей службы и преданности, но ты обманывал меня и разбогател незаконно. Я не буду тебя наказывать — пожалуйста, сдай свой пост и оставь мою страну, иди куда хочешь.

— Прежде чем я покину страну, — ответил министр, — я хочу сделать одно предложение. Сейчас у меня есть все, что мне нужно, и даже более того, и если ты назначишь

другого человека первым министром, ему снова придется накапливать богатство. Он повредит тебе больше. А мне больше не нужно тебе вредить.

И, говорят, король понял суть. Он не выгнал этого человека. Он сказал:

— Ты прав, ты уже сделал все, что мог, зачем назначать нового человека? И, это правда, ему снова придется пройти через весь этот процесс.

Позвольте бедному человеку стать богатым и посмотрите, что произойдет: вся простота исчезает, вся скромность исчезает.

У одного человека была говорящая собака. Однажды, когда ему захотелось выпить, он пришел со своей собакой в бар и заключил с барменом пари: если его собака заговорит, он получит пиво бесплатно.

Бармен согласился, зная, что говорящих собак не бывает. Он спросил собаку, какое пиво любит ее хозяин.

— Хайникен, — ответила собака, и пораженный бармен отдал хозяину пиво.

Некоторое время спустя все трое — человек, его собака и бармен — были увлечены оживленной беседой. Люди пили, собака ела арахис. В какой-то момент бармен сказал, что у него болит голова, но больше нет аспирина.

— Может ли твоя собака выполнять поручения? — спросил он.

— Конечно.

Бармен дал собаке пять долларов и отправил ее в магазин за аспирином.

Собака не вернулась. Люди ждали и ждали, но она так и не пришла, и хозяин отправился на поиски. Он долго

ходил по городу, и наконец обнаружил свою собаку в дальней аллее парка, занимающейся любовью с другой собакой.

— Боже правый! — воскликнул хозяин. — Какого черта! Первый раз вижу, чтобы ты делал что-то подобное!

— Я знаю, — ответил пес, не отрываясь от своего дела. — Я всегда этого хотел, но у меня раньше никогда не было денег!

Развращает не власть. Власть выводит на поверхность ваше развращенное бессознательное, власть приводит в действие ваше внутреннее зло. Власть выставляет вас на вид, не развращает. В каком-то смысле, власть это хорошая вещь: она показывает людей как они есть. Она похожа на рентген: она показывает вашу реальность, вашу голую правду.

...Тебя поймает ум, скорый на обман. Помните это: ум очень быстр. Если вы не делаете добро немедленно — в то мгновение, когда мысль о добре приходит к вам в голову — он обманет вас, уведет в сторону, заставит сделать что-то другое.

Файнгольд иммигрировал в Америку и через много лет тяжелой работы стал очень состоятельным человеком. И вот, на своем смертном одре, окруженный женой и родственниками, он стал распределять свою мирскую собственность.

— Мой Кадиллак с детектором мотоциклетной полиции я оставляю моему сыну, Сэму.

— Лучше оставь Джо, — сказала жена, — он лучше водит.

— Хорошо, — прошептал он, — Мой Роллс-ройс я завещаю моей дочери, Линде.

— Завещай лучше племяннику, Вилли, — прерывает Сара.
— Он консервативный водитель.

— Хорошо, отдай его Вилли. Мой двенадцатицилиндровый Ягуар я отдаю моей племяннице Салли.

— Лично я считаю, что его должна получить Джуди.

Файнгольд поднял голову и закричал:

— Пожалуйста, Сара! Кто умирает, ты или я?

Если вы будете ждать, ум начнет предлагать вам: «Сделай это, сделай то». Делайте добро немедленно — зачем ждать? И кто знает? — следующее мгновение никогда не придет; это мгновение может быть последним. Действуйте, как будто этот момент последний! Живите интенсивно, потому что смерть может нагнать вас в любое мгновение. Не слушайте ума. Ум может продолжать откладывать до бесконечности, и возможно, смерть настигнет вас, прежде чем вы успеете что-то сделать. Делайте добро, потому что это тотчас же приносит радость.

*Отвернись от обмана —
Вновь и вновь, прежде чем тебя
Настигнет страдание.*

Потому что, если вы поступаете плохо, страдание будет следовать за вами как тень. Дело не в том, что где-то сидит Бог и наказывает вас, когда вы делаете что-то плохое; плохое само по себе становится наказанием, оно несет с собой наказание как свое свойство.

В этом основной смысл всей теории кармы. Не нужно никакого Бога, чтобы судить, наказывать, награждать. Только подумайте: если бы Богу приходилось судить каждого человека, каждое его действие и принимать соответствующие меры, — одних наказывать, других награждать, — такой Бог давно бы сошел с ума!

Нет, нет никакого Бога, распределяющего награды и наказания — это детская идея. Есть закон, а не Бог, такой же закон, как закон гравитации. Если вы не идете прямо, если вы слишком много выпили, вы обязательно упадете. Дело не в том, что Бог приказывает: «Упади!» — достаточно закона гравитации. Если вы не идете прямо, вы обязательно упадете. Об этом позаботится закон гравитации. Если вы идете бдительно, сознательно, вы не упадете.

Точно так же и карма это научный закон: закон действия. Что бы вы ни делали, это несет в себе свойственную ему награду или наказание. Когда вы злитесь, это не значит, что вы будете страдать в следующей жизни. Если вы злитесь, вы страдаете, пока злитесь; для того, чтобы вас наказать, не нужно никакой другой жизни. Когда вы злитесь, вы горите в огне, вы отравляете все свое тело, вы отравляете всю свою систему.

Гнев ядовит.

Он может причинить вред другому, может и не причинить, — это зависит от другого, — но он несомненно причинит вред вам.

Если вы оскорбляете будду, это не повредит ему, но прежде чем вы оскорбите будду, вам придется претерпеть сильное внутреннее расстройство.

Один человек пришел к Будде и плюнул ему в лицо. Будда вытер лицо и спросил:

— Это все, или ты хочешь чего-нибудь еще?

Ананда, его ученик, естественно, пришел в ярость. Этот человек плюнул в лицо его мастеру, и Будда ничего не сделал с ним. Немыслимо! Ананда сказал Будде:

— Бхагван, только позволь мне, и я покажу этому человеку. Его нужно наказать!

— Ананда, ты стал саньясином, но постоянно об этом забываешь, — ответил Будда. — Этот бедняга и так слишком много страдал. Только посмотри на его лицо, на его глаза, налитые кровью. Посмотри на его дрожащее тело. Думаешь ли ты, что прежде чем в меня плюнуть, он праздновал, танцевал и пел? Он не спал всю ночь; всю ночь он провел в состоянии безумия. Плевок в меня это исход этого безумия. Будь сострадателен к этому человеку. Какое еще может быть наказание? Разве этого недостаточно? И какой вред он мне причинил? Мне просто пришлось вытереть плевок. Это так просто. Не волнуйся слишком, иначе ты начинаешь делать глупости. За то, что он поступил неправильно, ты наказываешь себя — это глупо!

Поймите суть — это чрезвычайно важно. Будда говорит: «Он сделал что-то плохое. Почему ты наказываешь себя, Ананда? Я вижу, что ты кипишь! Если бы меня не было здесь, чтобы тебя удержать, ты убил бы этого человека! Ты становишься таким же безумным, как и он!»

Этот человек слышал весь диалог. Он был смущен, озадачен; он не ожидал, что Будда поведет себя таким образом. Он думал, что он разозлится, придет в ярость; именно этого он и хотел. Потерпев неудачу, он почувствовал себя униженным. Это было так неожиданно — любовь и сострадание, которое проявил Будда.

Будда сказал ему:

— Пойди домой и хорошо отдохни. Ты выглядишь усталым, ты уже достаточно наказал себя. Забудь об этом плевке — он не причинил мне вреда. Как он может мне повредить? Это тело состоит из пыли. Рано или поздно оно рассыплется в пыль, и по нему будут ходить люди, они будут плевать на него; с этим телом случится множество вещей. Люди будут испражняться, мочиться... Ты не сделал ничего действительно опасного. Пойди домой и отдохни.

Человек пришел домой. В первый раз он был совершенно озадачен: таким неожиданным был отклик Будды, он не мог его понять. Он заплакал. Вечером он пришел обратно, упал к ногам Будды и сказал:

— Прости меня!

— Нет вопроса о том, чтобы я тебя простил, потому что, прежде всего, я не был рассержен. Как я могу тебя простить? Но все хорошо: ты выглядишь тихим и спокойным. Я счастлив. Извини, я не могу тебя простить, потому что, прежде всего, я не был рассержен. Но я счастлив, безмерно счастлив видеть, что ты пришел в себя, что ты достиг гармоничного состояния, что ты снова в себе. Иди с радостью и помни: никогда больше так не делай, потому что именно так ты создаешь самому себе ад.

Отвернись от обмана. Отворачивайся снова и снова, прежде чем тебя настигнет несчастье. Много раз ум предложит вам: «Сделай это, сделай то». Много раз вы будете забывать. Много раз вы не сможете вспомнить, что сказал Будда, я говорю вам я. Поэтому вам придется вспоминать снова и снова. Постепенно память об этом утвердится и станет светом вашего существа. Тогда вам не нужно будет вспоминать; это просто будет с вами. Это будет падать на ваш путь, как луч света. Он покажет вам дорогу; он поможет вам избежать ловушек. И как только эта память утверждается в вас, обман становится невозможен, зло становится невозможным, а добро становится естественным, спонтанным, и вы — в раю лотосов.

Это не где-то в другом месте — это здесь. Это изменение вашего подхода, вашего видения. Ничто больше не меняется в мире, все остается прежним, но вы больше не прежний. Дело не в том, что вы переноситесь в другой мир — мир остается прежним, меняется ваше видение. Вы смотрите на те же самые вещи по-новому, вы видите их в новом свете. Этот свет и есть саньяса, этот путь и есть саньяса.

*Направь сердце к добру —
Вновь и вновь, и тогда тебя
Наполнит радость.*

Переместите свое сознание из головы в сердце. Ум хочет поступать плохо, он этим живет; сердце хочет творить добро, это питает его, дает ему жизнь.

Направь свое сердце на добрые дела. Обратите внимание на это различие! Он не говорит вам направить на добрые дела ум. Ум нельзя направить на добрые дела; даже если вы попытаетесь делать добро умом, вы причините зло, вы будете поступать плохо. Делать добро выше сил ума.

Посмотрите, что происходит во всем мире. Ученые хотят совершать добро; именно поэтому они многие годы работали, исследовали, и наконец открыли источник атомной энергии. Альберт Эйнштейн хотел как лучше. Он написал письмо американскому президенту, Рузвельту: «Теперь стала доступна атомная энергия, и можно создать атомную бомбу. Просто создав атомную бомбу, Америка получит такую силу, что больше не будет смысла сражаться. Самой этой силы будет достаточно — враги так испугаются, что Гитлер, Тоджо и Муссолини капитулируют добровольно».

Так думает логический ум. Но жизнь не следует логике, жизнь не следует уму. Альберт Эйнштейн раскаивался всю жизнь, потому что глубоко внутри он чувствовал себя ответственным за Хиросиму и Нагасаки. Он написал письмо.... и политики тотчас же набросились на это открытие. И как только эта сила оказалась у них в руках, им стало все равно; они больше не слушали Альберта Эйнштейна. Это уже не имеет значения — сила у них в руках.

Знаете ли вы, что военные специалисты говорят, что на самом деле Хиросима и Нагасаки не были необходимы? Япония собиралась капитулировать в течение недели; все дело было только в одной неделе. Если вы терпели войну несколько лет, зачем такая спешка? Но Америка хотела показать миру свою силу.

Политики очень незрелы, инфантильны. Фактически, если человек не незрел и не инфантилен, он, прежде всего, не станет политиком. Когда у вас что-то есть, вы хотите показать это миру; иначе, какой смысл это иметь? Сто тысяч человек погибло в Хиросиме за пять секунд, и причиной этого было не более чем то, что Америка хотела показать миру свою силу.

Альберт Эйнштейн жил и умер в великом раскаянии. Когда он умирал, кто-то спросил:

— Если бы Бог дал вам еще один шанс, что бы вы сделали, кем бы вы стали? Стали бы вы снова ученым, физиком, чтобы окончить все, что осталось незаконченным?

Эйнштейн открыл глаза и ответил:

— Нет, никогда! Я бы скорее стал водопроводчиком. С меня достаточно!

Наука это достижение ума, усилие ума; поэтому наука создала огромные силы. Но эти силы оборачиваются против самого человека. Наука разрушила всю экологию, она разрушила всю планету. Она разрушает человека — и во имя добра! Ученые считают, что они великие слуги человечества, что они помогают человечеству расти, эволюционировать, становиться сильнее. Они просто создают ситуацию, в которой жизнь на этой планете станет невозможной. Они создают ситуацию, в которой все человечество может совершить самоубийство. Они могут разрушить всю эту планету... потому что все эти усилия исходят от ума.

Нам нужна наука, укорененная в сердце, а не в уме. Нам нужен совершенно другой вид науки — укорененный в медитации, а не в концентрации. Нам нужна наука совершенно нового качества: качества религии.

Пока у науки нет аромата религии, медитативности, любви, пока она не исходит от сердца, она не сможет стать благословением для человечества, для мира. Она будет проклятием — несмотря на то, что думают о себе ученые. Они считают, что они выполняют великую работу на благо человечества. Они жертвуют жизнью ради человечества. И я не говорю, что они неискренние люди — они искренние люди, но их направленность ошибочна.

Будда тотчас же меняет это слово. Сначала он использовал слово «ум». Теперь он говорит: *Направь сердце к добру — вновь и вновь, и тогда тебя наполнит радость.*

Радость это побочное следствие; страдание это побочное следствие. Страдание следует за вами как тень, когда вы делаете что-то плохое, радость следует за вами как тень, когда вы делаете что-то хорошее. Пусть это будет критерием. Если вам плохо, помните — должно быть, вы делаете что-то плохое.

Но люди очень хитры, их умы очень хитры. Если тебе плохо, ум говорит: «Другие причиняют тебе вред, поэтому тебе плохо». Это не так — никто не может сделать тебя несчастным. Да, тебя можно убить, но никто не может сделать тебя несчастным. Вы можете убить меня, но вы не можете сделать меня несчастным. Я умру в таком же блаженном состоянии, в каком я живу. Не будет никакой разницы. Вы можете отравить меня, но вы не можете отравить мое сознание. Вы можете разрушить мое тело, — которое в любом случае будет разрушено рано или поздно, — но вы не можете разрушить меня. Это за пределами досягаемости разрушения.

Никто не может сделать тебя несчастным, никто не может сделать тебя блаженным. Все зависит от тебя, все полностью зависит от тебя. Ты ответствен за свое страдание, ты ответствен за свою радость. Возьми на себя эту от-

ветственность, прими эту ответственность. Принимать эту ответственность полностью, на все сто процентов, значит быть религиозным человеком, значит быть посвященным в то, что я называю религией.

Политик всегда перекладывает ответственность на других; религиозный человек полностью принимает ответственность на свои плечи.

*Дурак веселится, пока его глупость
Не обернется против него.
А праведный может страдать, пока
Не расцветет его добро.*

Чтобы напомнить вам об этом, Будда говорит, что иногда можно увидеть, что плохой человек счастлив и наоборот: иногда вы видите, что хороший человек очень несчастен. Дурак счастлив, пока его обман не обернется против него.

Это не занимает долгого времени. Если вы сеете семена, им не потребуется много времени, чтобы вырасти и принести плоды. Зло может быть сладко на вкус поначалу, но всегда оказывается ядовитым в конце. И хороший поступок может не казаться сладким поначалу, потому что ему нужно время, чтобы расцвести, ему нужно немного времени, чтобы испустить аромат, но в конце он всегда сладок.

Будда сказал: Если ты видишь, что плохой человек счастлив, просто подожди немного; вскоре, рано или поздно, ты увидишь, что он выкопал себе могилу. А если ты видишь хорошего человека в страдании, не беспокойся: он просто движется в гору. Когда ты поднимаешься в гору, это бывает трудно, тяжело; ты покрываешься потом, ты чувствуешь усталость, но, добравшись до вершины, ты можешь расслабиться и отдохнуть.

Но дураки продолжают думать, что они счастливы благодаря своим глупостям. Невозможно поверить, как

неразумны люди, когда они ищут в своих жизнях глубокие причины.

В одном первобытном племени в Африке до сих пор считается, что рождение детей не имеет ничего общего с сексом, с половым сношением — благодаря промежутку в девять месяцев. Веками они рожали детей, но они так и не связали причину со следствием. Они считают, что ребенок рождается по божьей милости, или в результате ритуала, который совершил для них жрец. Когда они впервые узнали о том, что весь мир думает по-другому, они стали смеяться; они думали, что весь мир глуп. Какое отношение имеет секс к рождению ребенка? — потому что вы не рожаете ребенка всякий раз, когда занимаетесь любовью.

Это выглядит логично! К тому же, вы занимаетесь любовью сегодня, а ребенок появляется через девять месяцев — а у этих дикарей еще нет ни календаря, ни часов; они не умеют считать время. Отсчитать девять месяцев невозможно; они даже не знают, сколько проходит времени, поэтому они так и не смогли связать причину со следствием.

Такова ситуация со злом и его абсолютно неизбежным результатом, страданием. Вы можете причинить зло сегодня, когда все хорошо и выглядит прекрасно, что вы не можете увидеть, как из этого может получиться что-то плохое. И глубоко внутри вы знаете, что все эти будды ошибаются — где этот закон кармы?

Многие люди приходят ко мне и говорят: «Мы видим, что плохие люди процветают. Почему? И мы видим также, что хорошие люди страдают. Почему? Это достаточное доказательство того, что Бога нет, это достаточное доказательство того, что нет никакого закона кармы. Это достаточное доказательство того, что сила права, прав тот, у кого есть власть». Это не так. Нужно только немного терпения. Но у дураков своя логика — у глупости собственная логика, помните.

Гиллиган, Фризолли и Либерман рассказывали друг другу о случаях, когда их принимали за великих людей.

Ирландец сказал:

— Однажды я шел по улице, и какой-то парень закричал: «Привет, Святой Патрик!»

— Это ерунда, — ответил итальянец. — Когда я стоял на перекрестке, проходящий мимо человек сказал: «Эй, Муссолини!»

— Это ерунда, — сказал еврей. — Когда я сегодня утром шел по парку, полицейский закричал на меня: «Иисус Христос, сойди сейчас же с газона!»

У дурака своя логика. На самом деле, дурак может быть даже более логичным — более логичным, чем мудрец, потому что мудрец парадоксален.

Будда говорит: Помни о том, что семенам требуется некоторое время на то, чтобы прорасти в побеги, чтобы стать деревьями. Дождись весны, и тогда появятся цветы.

Дурак веселится, пока его глупость не обернется против него. Она всегда оборачивается против дурака, это неизбежно. Это естественный закон, его не избежать, его не обойти.

Приехав в Токио в командировку, Циммерман обедает со своим японским другом.

— Вы, американцы, не умеете заниматься любовью, — говорит японец. — В Японии мы с женой идем в постель, начинаем заниматься любовью, через несколько минут мы останавливаемся и встаем, чтобы выпить чашку чая. Затем мы возвращаемся в постель, занимаемся любовью десять минут и встаем, чтобы поесть риса. Затем мы занимаемся любовью еще немного, встаем и вместе принимаем ванну. И тогда, наконец, мы завершаем дело.

Вернувшись в Бруклин через две недели, Циммерман ложится с женой в постель. Внезапно он останавливается и говорит:

— Давай выпьем чашку чая.

— Ты что, с ума сошел? — говорит жена.

— Давай-давай, — настаивает он. Вскоре они снова оказываются в постели, и через некоторое время он снова останавливается и говорит:

— Я теперь мы съедим по бутерброду.

— У тебя не все дома?

Они снова забираются в постель, и через несколько минут Циммерман говорит:

— А теперь мы вместе примем ванну.

Наконец, они снова оказываются в постели и доводят дело до победного конца.

— Ну как? — спрашивает Циммерман. — Что ты об этом думаешь?

— Потрясающе, — отвечает жена. — Но где ты научился трахаться как японец?

Человек может продолжать считать себя мудрецом, но если он дурак, он дурак. Рано или поздно это ваше убеждение будет разрушено самой жизнью. Жизнь не знает исключений. А это один из самых фундаментальных законов. *Эс дхаммо санантано* — это вечный закон: плохой человек рано или поздно неизбежно будет страдать, и скорее рано, чем поздно; хороший человек будет благословен всеми благословениями существования.

*Не сглаживай своих поражений,
Не говори: «Что они для меня?» —*

*Капля за каплей,
Глупость
Наполняет кувшин дурака.*

Не сглаживайте своих поражений. Не говорите: «Это мелочь. Такая мелочь не может иметь больших последствий». Но, капля за каплей, вы создаете целый океан! Океан это не что иное, как скопление множества капель, поэтому вы должны осознавать каждое небольшое действие; вы должны быть бдительными и осознающими в каждой детали своей жизни.

*Не уменьшай своих добродетелей,
Не говори: «Они ничтожны» —
Капля за каплей,
Добродетель
Наполняет кувшин мудреца.*

Помните, жизнь состоит из мелочей, больших вещей не существует. Мелочи накапливаются и становятся большими вещами. Одно-единственное действие, хорошее или плохое, может показаться не очень значительным. Одно-единственная улыбка может не показаться очень значительной, но эта улыбка является частью долгого процесса. Один цветок, это, конечно, не гирлянда, но гирлянды не получится, если не сложить вместе одиночные цветы.

Не преуменьшайте своих неудач, не преуменьшайте своих добрых дел. Каждое действие значительно: если это зло, ты пострадаешь; если это добро, ты будешь наслаждаться жизнью. А наслаждаться жизнью это единственный способ познать Бога. Только в блаженстве появляется доказательство того, что Бог есть. Логического доказательства Бога не существует, но, если тебя переполняет радость, если ты готов танцевать от радости, в этом танце сама собой возникает благодарность. Рождается благодарность, молитва, и в этой

молитве ты рождаешься заново. В этой молитве рождаешься заново не только ты — рождается и Бог.

Жизнь состоит из мелочей, и тебе придется своей осознанностью, наблюдением, бдительностью трансформировать каждую мелочь в прекрасное действие. Обыкновенные вещи могут стать необыкновенными.

Дзенского монаха спросили:

— Что ты делал до тех пор, пока не стал просветленным?

— Я рубил дрова и носил воду из колодца.

— Что ты делаешь сейчас, когда ты стал просветленным?

— Я рублю дрова и ношу воду из колодца.

Задавший вопрос был озадачен. Он сказал:

— Но, кажется, здесь нет никакой разницы?

— Вся разница во мне, — ответил мастер. — Разница не в моих действиях, разница во мне — благодаря тому, что изменился я, изменились и мои действия. Изменилось их значение: проза стала поэзией, камни стали проповедовать, материя полностью исчезла. Теперь есть лишь Бог и больше ничего. Теперь для меня жизнь это освобождение, нирвана.

На сегодня достаточно.

Глава 4

Истина Очень Проста

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Как это — быть просветленным?*

Прем Гитам,
Просветление это не мысль и не чувство. На самом деле, просветление это даже не переживание. Когда все переживания исчезают, и зеркало сознания остается без всякого содержимого, совершенно пустым; когда нет никакого объекта, который можно было бы видеть, о котором можно было бы думать, который можно было бы чувствовать; когда в тебе нет никакого содержимого; когда остается чистое свидетельство — это состояние просветления.

Описать его трудно, почти невозможно. Если я скажу, что это блаженство, я придам ему неверное значение — потому что блаженство это противоположность страдания, а просветление не противоположно ничему. Это даже не молчание, потому что молчание имеет смысл, лишь когда есть звук; без контраста звука переживание молчания невозможно. В нем нет звука, нет никакого шума. Это и не переживание единства, потому что какое может быть единство, если остается лишь единство? Единство может иметь значение лишь в сравнении с чем-то другим, с множеством. Это не свет, потому что это не тьма. Это не сладость, потому что это не горечь.

Ни одно человеческое слово не подходит, чтобы его описать, потому что все человеческие слова укоренены в двойственности... а просветление это трансценденция: все двойственности остаются позади.

Вот почему Будда называет его: *шунья*. Когда он говорит, что это шунья, ничто, пустота, он не подразумевает, что это пустота, он просто говорит, что в нем нет никакого содержимого.

Например, комнату можно назвать пустой, если из нее удалена вся мебель, если не осталось ни единой вещи — ты назовешь эту комнату пустой. Она пуста от всего, что она обычно содержала, но она также и наполнена — наполнена пустотой, наполнена пространством, наполнена собой. Но об этой наполненности, об этой изобильности нельзя сказать ничего, потому что в человеческом языке нет нужного слова. Веками мы пытались называть это Богом, нирваной, мокшей, но все слова так или иначе бессильны.

Трудно переводить прозу в поэзию, еще труднее переводить поэзию в прозу, потому что поэзия это высший уровень, проза — низший. Трудно переводить даже с одного языка на другой, хотя все языки находятся на одном и том же плане. Почему трудно переводить? — потому что у слов есть тонкие нюансы. Эти нюансы теряются при переводе, а в них — вся суть.

Это невозможно: перевести то, для чего не существует слова, перевести то, что принадлежит миру трансцендентного, на языки, принадлежащие миру двойственного. Это все равно что говорить о свете со слепым, говорить о прекрасной музыке с тем, кто не может слышать, говорить о сладком с тем, кто из-за лихорадки не чувствует вкуса. Вкус сладкого бессмыслен; он потерял все чувство вкуса. Но что-то возможно, потому что он чувствовал вкус раньше; он может вспомнить.

Но ты даже не можешь вспомнить, как ты чувствовал вкус Бога; ты совершенно забыл этот вкус. Возможно, в утробе матери ты испытывал похожее переживание — возможно, не такое же в точности, но очень похожее.

Я не могу сказать тебе, как это — быть просветленным, но я могу показать тебе путь. Я могу столкнуть тебя в пропасть... это единственная возможность. Тогда ты также почувствуешь этот вкус и станешь таким же немим, как и я, ты станешь таким же немим, как и все будды.

Просто постарайся увидеть суть перевода.

Рабиндранат получил Нобелевскую премию за свою книгу «Гитанджали». Он написал ее на своем родном языке, бенгали. На бенгали она особенно красива. В бенгали есть музыка; это один из самых красивых языков мира. В нем есть некий аромат сердца. Сама его конституция поэтична, он *соткан* из поэзии — сам язык. Поэтому «Гитанджали» в оригинале это совершенно другое переживание.

Рабиндранат переводил ее на английский сам, и он чувствовал себя очень несчастным. Он пытался сделать это много лет. Он прекрасно знал английский, но он видел разницу — и разница была безгранична. Тогда как оригинал возник где-то на Эвересте, перевод оказался на равнинах; разница была безгранична. В переводе нечто было утеряно, нечто действительно драгоценное.

И он попросил помощи у знаменитого англичанина, С. Ф. Эндрюза. Эндрюз был очарован красотой этой книги, потому что он ничего не знал об оригинале. Именно поэтому вас очаровывают слова будд — вы ничего не знаете об оригинале. Если бы вы что-то знали об оригинале, слова будд казались бы просто мусором в сравнении с оригиналом; в сравнении с этими девственными гималайскими вершинами, они показались бы обыденными, мирскими. Они *принадлежат* миру, они предназначены для мира.

Эндрюз был очарован. Рабиндранат сказал:

— Но я показал вам эту книгу, чтобы вы помогли мне.

Эндрюз предложил только четыре исправления; они касались грамматики. У каждого языка есть собственная грамматика. Он сказал:

— Измените эти четыре слова; он несколько неправильно грамматически.

Рабиндранат тут же исправил эти четыре слова. Затем он приехал в Англию. На собрании поэтов — великий английский поэт, Йитс, созвал собрание поэтов, критиков, всех любителей поэзии, чтобы послушать «Гитанджали» Рабиндраната — Рабиндранат прочитал свою книгу. Все были очарованы; это было нечто роскошное, нечто редкостное на западе, потому что в ней было то же качество, что и в Упанишадах. Если вы читали Халиля Джебрана... то же самое качество.

Но Йитс встал и сказал:

— Все было прекрасно, но в четырех местах что-то было не так.

Это были в точности те четыре слова, которые предложил Эндрюз.

— Я озадачен, удивлен, я не могу в это поверить, — сказал Рабиндранат. — Эти четыре слова предложил С. Ф. Эндрюз. Они касаются грамматики. А в оригинале было так...

— Оригиналы правильнее, — сказал Йитс. — Хотя они и неверны грамматически, в них есть поэзия, поток. Слова, которые предложил Эндрюз, грамматически верны, — у Эндрюза был ум школьного учителя, — но они как камни, преграждающие поток; они не помогают потоку. Лучше пойдите против грамматики, потому что поэзия может это себе позволить, но она не может позволить себе перестать течь. Поток должен быть сохранен; чем величественней поток, тем лучше поэзия.

Даже в обыденном мире перевести что-то с одного языка на другой это такая проблема...

— Имя? — спросил чиновник.

— Сниз*, — гордо ответил китаец.

Чиновник взглянул на него:

* англ. *to sneeze*: чихать.

— Это ваше китайское имя? — спросил он. — Сниз?

— Нет, это американское имя.

— Тогда скажите мне свое изначальное имя.

— Ап Чхи!

«Ап Чхи» превращается в «Сниз»...

В обычных языках перевод это очень трудная задача, одно из самых сложных искусств; и чем лучше поэзия, тем более это сложно. Величайшая поэзия остается непереуловленной.

Но говорить о просветлении невозможно по стольким причинам: нет содержимого, о котором можно было бы говорить; нет никакого эго, чтобы чувствовать, говорить, описывать. Объект исчезает, и с объектом исчезает субъект, помните, потому что это части двойственности, — объект и субъект, — они вместе. Если нет объекта, немедленно исчезает и субъект. Именно поэтому Будда говорит, что это состояние *анатты*, не-эго, не-я. Нет содержимого, не наблюдателя... что тогда остается? Остается целое, остается тотальность! Но на эту тотальность можно только указать, ее нельзя ни описать, ни определить.

И все мои усилия здесь направлены на то, чтобы помочь тебе двигаться к этому экзистенциальному состоянию. Но не спрашивай, что ты в нем чувствуешь. Нет никого, кто бы чувствовал, нет ничего, что бы чувствовало; нет и ничего, что бы можно было почувствовать. Абсолютное молчание... и это молчание, которое не противоположно звуку. Чистая любовь, но та любовь, которая ничего не знает о ненависти. Наполненность, но эта наполненность совершенно пуста. Именно поэтому слова бесполезны, и выражения мистиков кажутся противоречивыми.

Людвиг Витгенштейн сказал: Если переживание невыразимо, ничто не должно быть сказано — если этого сказать нельзя, этого не нужно говорить. Но и это проб-

лема. Мистик не может с этим согласиться, я не могу с этим согласиться. Это не может быть сказано, но все же нужно приложить усилия. Ни одно усилие не сможет отдать должного этому переживанию, — все, кто его познал, прекрасно это понимали, — но все же должны быть приложены усилия, на самом деле, не к тому, чтобы описать его, но к тому, чтобы пробудить в тебе жажду.

Настоящую жажду вызывают не слова мастера, а сам мастер, его присутствие. Если ты влюблен в мастера, его присутствие начинает открывать в тебе неизвестные двери. Иногда двери открываются, и ты получаешь проблеск. Иногда ты переносишься в другие миры, в другие измерения. Почувствуй вкус присутствия мастера — это вкус просветления. Позволь присутствию мастера глубоко впиться в тебя; это единственный путь что-то узнать о нем.

Иисус говорит: Ешьте меня. В последний вечер, когда он прощается со своими учениками, он разламывает хлеб и говорит: «Это я. Ешьте меня, переваривайте меня. И, когда бы вы ни ели, когда бы ни разламывали хлеб, помните». Затем он предлагает ученикам вино и говорит: «Это моя кровь — пейте меня, и каждый раз, когда вы пьете вино, помните меня».

Да, это пища души, и поэтому это хлеб; да, это вино, потому что это опьяняет вас божественным. Подойди ко мне ближе, Гитам! Отбрось свою броню, отбрось свою защиту. Отбрось свой ум. Забывай себя все большее и больше, чтобы ты мог подходить ближе и ближе. В этой близости нечто обязательно будет передано.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я всю жизнь старался жить религиозной жизнью,
но тогда почему я все еще несчастен?*

Нанд Кишор,
Нельзя пытаться жить религиозной жизнью. Должно быть, все, что ты делал под именем религии, было чем-то другим. Религия это не усилия, это сознание. Это не практика, это осознанность. Это не воспитание; ты не можешь воспитать ее — религиозная жизнь не имеет ничего общего с характером.

Характер можно привить. Характер морален; его может воспитать даже нерелигиозный человек. На самом деле, у нерелигиозных людей больше характера, чем у так называемых религиозных, потому что религиозный человек продолжает верить, что он может подкупить Бога, или, по крайней мере, священника Бога, и найти какой-то способ проникнуть в рай. Но нерелигиозный человек должен нести ответственность за себя, отвечать за себя. Нет ни Бога, ни священника, ему не перед кем отчитываться; он отчитывается только перед собой. У него больше характера.

Религия не имеет ничего общего с характером. Фактически, действительно религиозный человек абсолютно бесхарактерный. Но постарайся правильно понять слово «бесхарактерный»: это не значит, что у него нет характера, это значит, что у него *текущий* характер. Он живет от мгновения к мгновению, отзываясь на новые ситуации, на новые вызовы, без каких-либо заготовленных ответов.

Так называемый человек характера на все имеет заранее заготовленные ответы. Он никогда не беспокоится о том, каков этот вызов, он продолжает отвечать старыми испытанными способами. Поэтому он всегда попадает пальцем в небо, и в этом его несчастье. Он никогда не сонастроен с существованием; он не может быть сонастроен с существованием, потому что он более заинтересован в том, чтобы соблюдать свой характер, чем в том, чтобы настраиваться на существование. То, что было правильным вчера, может не быть правильным сегодня, то, что правильно в это мгновение, может не быть правильным в

следующее. Человек характера имеет жесткие представления о правильном и неправильном; проблема в его жесткости.

Нанд Кишор, должно быть, это делает тебя несчастным. Ты не гибкий, и ты не можешь быть гибким. Так называемый человек характера абсолютно не гибок. Он как засохшее дерево. Он не похож на зеленое дерево, которое движется вместе с ветром, танцует с ветром, склоняется, чтобы позволить ветру пройти, и выпрямляется снова.

Действительно религиозный человек похож на зеленое дерево — фактически, скорее, это зеленая трава. Именно так Лао-цзы определяет религиозного человека: он подобен зеленой траве. Приходит ветер, ну и пусть, трава склоняется, ложится на землю, ни коим образом не борясь с ветром. Зачем бороться? Мы части одного органического единства; ветер нам не враг. Трава склоняется; ветер прошел, и трава снова выпрямляется и танцует. Ветер даже помог, он сдул с нее всю пыль. Теперь трава зеленее, свежее, и она наслаждалась всей этой игрой с ветром.

Но большое дерево, эгоистичное, тугое, жесткое, неспособное склониться, упадет на сильном ветру и не сможет подняться вновь; оно обречено на страдание. Человек характера всегда несчастен. Его единственная отрада в том, что он — человек характера, вот и все. Что общего имеет характер с религией? Возможно, ты ешь что-то одно и не ешь что-то другое; возможно, ты пьешь что-то одно и не пьешь что-то другое, возможно, ты куришь или не куришь... Этим мелочам придается такое огромное значение! Ты это практикуешь — что ты подразумеваешь под этой практикой?

Нанд Кишор, должно быть, это подавление — человек, который подавляет, неизбежно несчастен, потому что все, что он подавил у себя внутри, пытается отвоевать свое, снова прийти к власти. И хотя ты это и подавил, оно продолжает манипулировать тобой из бессознательного. Оно будет всегда удерживать тебя в состоянии

внутреннего конфликта, беспорядка; у тебя внутри продолжается гражданская война. Ты будешь оставаться напряженным, встревоженным, обеспокоенным — потому что ты знаешь, что враг по-прежнему здесь — и вечно бояться того, что враг, которого ты подавил, попытается отомстить. Есть определенная точка, за которой ты больше не можешь подавлять, потому что ничего больше в тебя не помещается; всему есть предел. И тогда все, что ты подавил, взрывается, и гной начинает сочиться из тебя.

Это то самое религиозное состояние, которому нас учили — этот подавляющий характер.

Мой подход совершенно другой. Я не говорю, что ты можешь практиковать религию, я не говорю, что религия имеет что-то общее с обыкновенной, моралистской, пуританской идеологией.

Небритый, оборванный и беззубый бродяга с налитыми кровью глазами попросил у Хогана дайм*.

— Ты пьешь, куришь или играешь? — спросил ирландец.

— Мистер, — сказал бродяга, — я не беру в рот ни капли, не курю грязный табак и равнодушен к дьявольским играм.

— Хорошо, — сказал Хоган. — Пойдем со мной ко мне домой, и я дам тебе доллар.

Когда они вошли в дом, миссис Хоган отвела мужа в сторону и зашипела:

— Как ты посмел привести этого отвратительного типа к нам домой!

— Дорогая, — ответил Хоган, — Я просто хотел тебе показать, на что становится похож мужчина, если он не курит, не пьет и не играет.

* амер. dime: десять центов.

Это религиозные люди.

Ты говоришь, Нанд Кишор: «Всю свою жизнь я пытался жить религиозной жизнью».

Ты потратил свою жизнь впустую! Не трать ее больше. Религия это не то, что пытаются делать. Что ты знаешь о религии?

Кроме как в глубокой медитации, человек никогда не сталкивается с религией. Этого не написано в Гите, этого не написано в Коране. Этого нигде не написано — потому что это не может быть написано. То, что написано, является моралью. Вот что написано: «Ты должен делать это, ты не должен делать то» — «можно» и «нельзя». Религия не имеет с этим ничего общего.

В своей основе религия это наука создания в тебе сознания. Стань более медитативным, стань более сознательным. Из этой сознательности рождается очень гибкий, спонтанный характер, который меняется каждый день с каждой ситуацией, который не привязан к прошлому, который не заготовлен заранее. Наоборот, это ответственность — способность отзываться на реальность от мгновения к мгновению. Он похож на зеркало; оно отражает все, что есть, и из этого отражения рождается действие. Такое действие это религиозное действие. Ты ничего не знаешь о религии, Нанд Кишор. Как ты можешь ее практиковать?

И ты говоришь: «Почему я несчастен?»

Что бы ты ни практиковал, должно быть, ты делал это из жадности, чтобы чего-то достичь. Должно быть, ты ждал, что на тебя обрушится великое счастье, что Бог наградит тебя, что он сделает тебя самым богатым человеком в стране или президентом, что ты станешь очень знаменитым — великим святым или чем-то в этом роде. Ты не любил религию, ты использовал религию как средство достижения чего-то другого; поэтому возникает этот вопрос.

Религиозный человек не может сказать: «Почему я несчастен?», потому что он знает: «Если я несчастен, это значит, что я нерелигиозен».

Страдание это побочное следствие бессознательности. Если ты сознательен, страдание исчезает. Это не награда; это просто результат сознательности. Внеси светильник, лампу в дом, и темнота исчезнет. Это не награда Бога — это происходит не потому, что он видит, что ты внес свет, и теперь тебя нужно наградить и удалить темноту. Нет, это естественный закон: *эс дхаммо санантано* — это вечный закон. Внеси свет, и темнота исчезнет, потому что темнота не имеет собственного существа; это просто отсутствие света.

Страдание это отсутствие сознания. Поэтому невозможно быть сознательным и несчастным в одно и то же время; никто до сих пор не был способен на это. Если тебе это удастся, ты войдешь в историю, это будет нечто неслыханное, невообразимое. Ты будешь совершать чудо, на которое до сих пор не был способен ни один будда. Не можешь этого и ты; это невозможно по самой природе вещей. Можешь ли ты удержать темноту, если у тебя в комнате горит свет? Ты можешь удержать темноту, но тогда тебе придется погасить свет; ты не можешь удержать то и другое в одно и то же время; их сосуществование невозможно.

Если ты несчастен, это просто показывает, что ты не понимаешь, что такое религия, и пытаешься делать под именем религии что-то другое. Ты пытаешься быть моралистом, пуританином. Ты пытаешься создать характер. Зачем? Почему? Потому что характер восхваляем, потому что общество уважает характер. Это путешествие эго — пусть очень тонкое, но тем не менее это путешествие эго.

А эго создает страдание. Все ваши так называемые святые несчастны. Я сталкивался с тысячами ваших святых, — индуистских, джайнских, буддийских, мусульманских, христианских, — и все они несчастны. Все они надеются получить награду после смерти.

Настоящая религия немедленна: ты становишься сознательным, и тотчас же страдание исчезает. Не нужно ждать иной жизни, не нужно ждать даже завтра.

И именно это имеет в виду Будда, когда говорит: Спешите делать добро. Величайшее добро в том, чтобы быть сознательным — потому что любое другое добро рождается из этого. Сознательность это источник всего добра, всей добродетели.

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Когда я слышу, как ты говоришь о любви и медитации или о сексе и смерти, о том, что это две стороны одной и той же энергии, что-то во мне знает, что это правда. Но, хотя для меня притягательна и та и другая сторона, я чувствую, что я цепляюсь за идею о том, что я не могу сталкиваться с ними одновременно. Если в действительности способ найти точку, где встречаются эти полярности, где их можно почувствовать как единство?*

*Прем Асанг,
Начинать нужно всегда с одной стороны, с одного аспекта; в самом начале ты не можешь войти одновременно в обе двери. Если в храме две двери, ты не можешь войти одновременно в обе.*

Как это у тебя получится? Но нет и необходимости входить в обе двери одновременно; одной двери достаточно. Входя в одну дверь, ты достигаешь алтаря внутри. Люди, вошедшие в другую дверь, достигают того же самого алтаря. Встреча происходит в глубочайшем внутреннем опыте.

Неважно,ходишь ли ты в любовь или в медитацию — ты достигаешь одной и той же точки. К одной и

той же точке — отсутствию эго — ведет и любовь, и медитация. И любовь, и медитация ведут к одной и той же точке исчезновения ума, к одной и той же точке выхода за пределы времени. Окончательный результат один и тот же, поэтому не беспокойся.

Ты не должен входить в обе двери. Если ты попытаешься войти в две двери, ты не сможешь войти ни в одну из них, потому что, сделав один шаг к одной двери, ты тут же поспешишь к другой, а потом бросишься обратно к первой. Ты будешь бегать от одной двери к другой, оставаясь снаружи храма. Но это абсурдно, это ненужно!

Если бы человек, входящий через двери любви, терял что-то, а другой человек, входящий через двери медитации, это получал, или наоборот, это было бы проблемой — но оба они достигают одной и той же точки. Из обеих полярностей они достигают одной и той же середины... точка посередине это точка трансценденции.

Не беспокойся о том, что в одно и то же время ты можешь подойти лишь к чему-то одному. Достигни внутреннего алтаря, и у тебя будут все стороны. Люби, и ты узнаешь, что такое медитация; медитируй, и ты узнаешь, что такое любовь.

Любовь для тех, чья энергия естественно экстравертна, а медитация для тех, чья энергия естественно интровертна. Медитация означает пребывание с самим собой в полной радости, наслаждение своим одиночеством. Любовь означает пребывание с другим, наслаждение единением. Медитация похожа на соло на флейте; любовь похожа на два инструмента, играющие вместе в глубоком созвучии — флейта и табла. Это *джугалбанди* — единение двух инструментов, идущих рука об руку, танцующих вместе.

Есть люди, для которых легче будет прийти к себе через другого; это немного более долгий путь, любовь это немного более долгий путь, помни, но безмерно прекрасный, потому что на этом пути есть красивые деревья, цветы и птицы. Медитация это кратчайший путь из всех

возможных, потому что ты никуда не идешь; ты просто закрываешь глаза и погружаешься в собственное существо — ты уже там.

Любовь это приход к себе через другого, при помощи другого; медитация позволяет прийти к себе непосредственно, немедленно. Но она немного суха, потому что к ней нет пути — на этом пути нет ни деревьев, ни птиц, ни восходов солнца, ни закатов, ни луны, ни звезд. В нем есть собственная красота: красота пустыни. Был ли ты когда-нибудь в пустыне? Молчание, вечное молчание пустыни... чистота, ясность. Да, это красоты медитации.

Это зависит от тебя: некоторые любят пустыню. Многие христианские мистики уходили в пустыни и достигали божественного в пустыне. Уход в пустыню это просто символ, означающий медитацию.

Ты должен наблюдать за собой: что привлекательнее для тебя. В конечном счете это одно и то же, но в пути они различны — разные песни, разная музыка, разный вкус. Но все люди разные.

Есть два типа людей: мужественный и женственный. Женственному типу будет легче двигаться через любовь. И помни: под «женственным типом» я не подразумеваю «женщину», женственного типа может быть и мужчина. Чайтанья был женственного типа, как и Мира; у них не было разницы в типе. Мира женщина, Чайтанья мужчина, но у них один и тот же тип; оба они женственного типа, оба они шли путем любви. Обоим им был нужен Кришна; лишь с помощью Кришны они могли достичь самих себя.

И, таким же образом, под «мужественным типом» я не подразумеваю только мужчин. Махавира и великая женщина-мистик из Кашмира, Лалла, очень похожи — они оба мужественного типа. Махавира жил обнаженным, Лалла жила обнаженной. Она была единственной женщиной-мистиком, которая жила обнаженной. Оба они были одного типа, медитативного типа.

Для людей мужественного типа будет легче прийти к себе непосредственно; для людей женственного типа будет легче двигаться через другого. Никто не выше и не ниже, потому что все они достигают одного и того же.

Поэтому, Асанг, просто наблюдай, найди свой тип, и действуй соответственно. Не беспокойся о том, что ты не можешь достичь обоих аспектов одновременно; этого не мог никто и никогда. Да, некоторые люди пытались, но все они потерпели неудачу; никто никогда не добился успеха.

Конечно, есть один способ... если ты хочешь знать оба пути. И этим единственным возможным путем пошел Рамакришна: сначала войди в один аспект, в одну дверь, достигни внутреннего алтаря, затем вернись обратно и попытайся войти в другую дверь. Это хорошо в качестве научного эксперимента — просто чтобы убедиться, достигают ли и другие пути того же самого места. Рамакришна испробовал все возможные религии.

Как только ты достигаешь внутреннего алтаря, все становится проще. Если тебе потребовались годы на то, чтобы войти в одну дверь, на другую потребуются дни, потому что, фактически, ты уже достиг цели; ты просто пробуешь другой путь, чтобы убедиться, ведет ли и он туда же.

Если ты проводишь эксперименты как Рамакришна, это совершенно нормально. Но даже Рамакришна не мог войти одновременно в две двери; это невозможно. Сначала войди в одну, достигни, экспериментировать; затем, если тебе интересно... На самом деле, тогда никому уже не интересно. Зачем? К чему? Ты прибыл — и ты видишь, что люди прибывают и через другие двери; нет необходимости идти и экспериментировать самому.

Там ты встретишь Миру и Махавиру: они сидят рядом. Там ты встретишь Лао-цзы, Кришну, Мухаммеда и Иисуса, сидящих рядом... они пьют чай и болтают! Что им еще остается?

Но если тебе интересно, если ты действительно хочешь проверить, ведут ли и другие пути в то же самое место, тебе придется выйти наружу и пойти другим путем. И этот другой путь будет легче, потому что твое сознание уже внутри; выходить наружу будет лишь твое тело. Ты можешь войти в другие двери и посмотреть...

Рамакришна совершил великий эксперимент: он доказал, экзистенциально доказал, что все религии равны. Это говорили и раньше, но никто не доказал этого экзистенциально; это было логическим предположением. Но Рамакришна испробовал на практике каждый возможный метод, и снова и снова он достигал того же самого состояния.

Рамакришна провозглашает новое видение, Рамакришна начинает новую фазу. На самом деле, после того, что сделал Рамакришна, уже не должно быть столько религий — даже если разнообразие прекрасно, должно исчезнуть противостояние; индуисты не должны бороться с мусульманами — потому что этот человек, Рамакришна, достиг того же самого опыта, исходя из всех религий.

Асанг, если тебе интересно проделать такой же эксперимент вслед за Рамакришной, это хорошо; иначе нет необходимости беспокоиться. Войди в одну дверь, и ты войдешь во все.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Когда Ты говорил о добре, зле и создаваемой ими карме, Ты сказал, что сознательные действия несут блаженство как свое свойство, а бессознательные действия по своей сути болезненны, но есть ли в этом что-то еще? И второе: следует ли из этого, что блаженство это результат сознательности, а страдание — результат несознательности?*

Прем Видья,
Больше ничего нет. Это простое явление: сознание блаженно по своей сути. Блаженство это не результат; оно присуще сознанию. Оно не приходит извне; оно расцветает внутри сознания. Это аромат цветущего сознания. Когда распускается роза сознания, ее аромат — блаженство.

А когда твое существо закрывается в несознательности, этот мертвый и стоячий воздух, это зловоние, эта темнота и есть страдание. Это также внутреннее свойство; теперь свежий воздух не может продувать тебя; двери и окна закрыты. Теперь солнечные лучи не могут проникнуть к тебе вовнутрь. Ты недоступна для ветра, солнца, дождя. Ты отгораживаешь себя от существования. Ты становишься закрытой, как глухая стена без окон. Ты становишься заключенной, совершенно запертой в своем собственном «я», в своем эго. Ты отгораживаешь себя от безмерно прекрасного, блаженного существования; отсюда страдание. Это, в действительности, не результат; это сама несознательность, ее другое название.

А люди живут бессознательно, потому что они не понимают этого. Они продолжают говорить, что они живут в страдании, и что они не хотят жить в страдании, но они всегда перекладывают ответственность на что-то еще, на кого-то другого. Либо это судьба, либо общество, его экономическая структура, государство, церковь, жена, муж, мать — но это всегда кто-то другой.

В вашей жизни начинается религия, когда вы берете всю ответственность на себя. Принятие ответственности за свое страдание это начало перемен, потому что принятие того, что «я ответственен за то, что я есть» это начало сознания. Вы начинаете выходить из состояния опьянения, в котором вы жили веками.

Потин это нелегальный ирландский самогон, которым можно прожигать дыры в стальных листах.

Приняв пинту, Флахерти обнаружил у себя дома столько животных, что ему пришлось нарисовать вывеску: «Зоопарк Флахерти».

Местный полицейский пошел выяснять, что случилось, но не успел он войти, как ему был предложен стакан Горной Росы. Когда через полчаса он выполз наружу, он жестом призвал всех несуществующих присутствующих к молчанию и сказал:

— Все хорошо, ребята. Самое худшее позади. Он продал мне половину своих слонов.

Вы живете в состоянии опьянения. Вам не нужен алкоголь — он уже течет в ваших жилах. Вам не нужно ни марихуаны, ни ЛСД, ни мескалина, нет — вы уже наполнены всем этим. Вы рождаетесь несознательными! Но, поскольку все остальные в таком же положении, вы никогда не чувствуете этого.

Лишь когда вы начинаете происходить пробуждение, вы начинаете относительно осознавать, что вы были лунатиками, сомнамбулами, и все, что было сделано до сих пор, делалось бессознательно. И если вы всегда действовали бессознательно и двигались по своей жизни вслепую, как бревно, плывущее по реке, без чувства направления, без малейшего понятия о том, куда вы идете, без малейшего представления о том, кто вы, как вы можете надеяться на блаженство? Вы можете быть только более или менее несчастными.

Когда вы немного менее несчастны, вы называете это счастьем. Это на самом деле не счастье, это немного меньше несчастья, чем обычно. Когда его слишком много, вам становится больно. Но все это степени страдания — иногда больше, иногда меньше, но вы еще не знаете, что такое счастье. Да, вы знаете удовольствия...

Удовольствие это когда вы забываете свое страдание. Страдание сохраняется — вы забываете свое страдание. Вы идете в кино, и вы так сосредоточены на фильме, так увлечены сюжетом, что забываете себя; два или три часа вас будто бы нет. Но, выходя из кино, вы снова возвращаетесь к своей обычной личности и своему обычному страданию.

Глупость в том, что из-за своей несознательности вы страдаете, а когда вы хотите избежать страдания, вы пьете алкоголь, чтобы забыть страдание. Именно из-за несознательности вы страдаете; и теперь вы пытаетесь впасть в еще большую несознательность, чтобы вам не нужно было знать о том, что вы страдаете. Таким образом вы движетесь в несознательность глубже и глубже. И вы думаете, что это состояние комы прекрасно. Это просто черные пятна, когда вы так глубоко засыпаете, что не можете даже помнить о том, что вы несчастны.

В этих бессознательных состояниях, вызванных химическими веществами, вы можете верить в то, что вы переживаете счастье, вы можете это вообразить; все зависит от вашего воображения. Многие люди экспериментировали с ЛСД — самым высокоразвитым на сегодняшний день психоделическим веществом. И результат множества экспериментов был таков: люди, которые надеялись достичь блаженства, говорили, что они побывали в раю и видели там ангелов, свет, краски и получили прекрасные поэтические переживания. А те люди, которые начинали эксперимент с идеей о том, что это неправильно, что это не может быть блаженством, что это обязательно принесет им страдание, рассказывали, что они оказались в аду и много страдали — горели в адском огне.

Причина ясна: что бы вы себе ни вообразили, это начинает казаться реальностью под воздействием ЛСД. Если вы против него, если вы считаете, что это зло, вы столкнетесь со злом. Оно просто увеличивает плод вашего воображения, каким бы он ни был. Если он темный и мрачный, вы окажетесь в черной дыре.

Если он красив, как это было с Олдосом Хаксли... он считал, что ЛСД может привести людей в экстаз, в самадхи... То, чего Будда достиг через шесть лет, Махавира — через двенадцать, и Кабир, и Нанак, и другие достигли после многих лет борьбы сознания с бессознательным, может быть легко достигнуто при помощи ЛСД — нужно только принять небольшое количество ЛСД.

Он верил, что рано или поздно мы сможем получить ЛСД в более очищенном виде и создать высший психоделик, который он называл *сомой* в память о старых Ведах — потому что в Ведах было сказано, что мудрецы обычно пили некий напиток, *сома разо*, который соединял их с Богом. Хаксли говорил, что этот психоделик будущего будет сомой. Вы сможете впрыснуть его в свое тело и перенестись в рай.

Это сущая глупость! Все это чепуха. Но Хаксли был искренним человеком. То, что он говорил, не было ложью; это было его опытом ЛСД, потому что он верил в это. Это проекция его верования, это его воображение в увеличении.

Другой, столь же цельный человек, Рахнер, который был против ЛСД и всех психоделических состояний, представил прямо противоположный отчет: ЛСД переносит вас в ад, бросает вас в адский огонь, создает такие пытки, которые и представить себе нельзя — о которых не мечтал даже Адольф Гитлер. И он тоже был честен. Оба они правы, потому что каждый из них был обманут своим собственным умом.

Ум уже бессознателен; теперь эти люди пытаются сделать его еще более бессознательным, как будто этой бессознательности недостаточно!

Видя, что касается будд, что касается меня, сознательность не может быть достигнута при помощи каких-либо химических веществ. Химические вещества могут вызвать несознательность, потому что несознательность это очень грубое, низшее явление. Сознание это высочайший пик роста, открытия, возвращения домой;

химический путь невозможен. Это возможно, лишь если ты обостряешь свой разум, если ты продолжаешь вырабатывать свидетельствующую душу, если ты все больше и больше становишься свидетелем того, что ты делаешь, всего, что ты думаешь, всего, что ты чувствуешь. Если ты страдаешь, — как и каждый другой, — тогда помни, это просто потому, что ты бессознательна.

Не боритесь со страданием; это не поможет. Вы можете так или иначе оттолкнуть страдание, но оно останется с вами. Не перекладывайте ответственность на других. Не говорите: «Я несчастен из-за этой жены; если я сменю жену, я больше не буду несчастным». Вы можете продолжать менять жен — ни одна женщина мира не сделает вас счастливыми. Если вы думаете: «Этот муж является причиной моего страдания», вы можете сменить мужа...

В Америке люди меняют мужей и жен очень быстро, но страдание не уменьшается, оно растет. Вы можете подсчитать несчастье человека по тому, сколько у него было разводов. Чем больше он разводится, тем более несчастным он себя чувствует, потому что тем меньше у него остается надежды.

В такой стране как Индия вы можете надеяться. Вы не можете легко развестись; большая часть страны даже помыслить не может о разводе. Единственный возможный способ избавиться от жены это надеяться на следующую жизнь — и даже тогда, кто знает! Вы можете настолько прицепиться друг к другу, что будете продолжать в том же роде и в следующих жизнях. Особенно женщины — они постоянно молятся в храмах: «Господи, пошли мне того же самого мужа — на сто жизней!» И если их молитвы будут услышаны, надежды нет. Но, по крайней мере, человек может откладывать: «После смерти... Эта жизнь кончена, ничего не поделаешь. Теперь эта женщина или этот мужчина это мой крест». Лучше принять это и утешить себя. Оставайся удовлетворенным. Надейся на лучшее и ожидай худшего!

Но в Индии люди кажутся более радостными, потому что они знают: «Все проблемы от этой женщины». Этого утешения достаточно: «Все проблемы от этого мужчины». Но в Америке у людей нет даже этой надежды — люди столько раз меняют жен и мужей.

Я слышал:

Мужчина и женщина сидели и завтракали. Их дети играли в саду. Внезапно между ними разгорелась ссора.

Жена сказала:

— Смотри! Твои и мои дети сговорились и бьют наших детей!

Один маленький мальчик хвастался о своем папе:

— У меня самый лучший папа в мире!

— Это чепуха! — сказал другой мальчик. — Раньше он был моим папой. Я его знаю — мы его выгнали. Он очень старомодный, устаревший; твой папа — б/у!

Я слышал о человеке, который сменил восемь жен, каждый раз надеясь найти лучшую женщину, которая не будет приносить страдания, но каждый раз он был удивлен, когда оказывалось, что он снова нашел такую же женщину.

На самом деле, если выбирает один и тот же человек, можно ли выбрать что-то другое? Ты снова и снова влюбляешься в женщин одного типа, потому что ты остаешься прежним. Твое состояние сознания — или состояние бессознательности — остается прежним, ум остается прежним. Кто будет выбирать? Ты влюбляешься в женщин определенного типа — с определенной походкой, в тем или иным носом, голосом, лицом или фигурой. Ты встречаешь определенную женщину, — с определенной психологией, — и она тебя привлекает. Когда вы сближаетесь и начина-

ете жить вместе, ты находишь страдание. Ты разводишься. Снова начинаешь искать. Но ты остаешься тем же самым человеком — ты будешь снова находить таких же женщин. Как ты можешь найти кого-то другого? С другим типом тебе будет неинтересно. Женщины такого же типа будут привлекать, очаровывать тебя, и ты снова попадешь в ту же самую ловушку. Меняется только имя, ловушка остается прежней.

Не перекладывай ответственность на других; именно это делает тебя несчастным. Прими ответственность на себя. Всегда помни: «Я отвечаю за свою жизнь, и никто другой. Поэтому, если я несчастен, я должен заглянуть в свое собственное сознание; со мной что-то не так, и поэтому я создаю вокруг себя несчастье».

Это начало, великое начало, первое семя трансформации. Ты уже становишься сознательным, если ты принимаешь ответственность на свои плечи. Ты уже становишься сознательным; упал первый луч.

Да, Видья: сознания по своей природе блаженно, а несознательность по своей природе есть страдание. К этому нечего добавить; это очень просто.

Законы жизни очень просты. Истина всегда проста. Истина это не нечто оккультное, эзотерическое. Истина очевидна — и именно из-за того, что она очевидна, люди не видят ее. Люди продолжают упускать очевидное, люди продолжают упускать простое, потому что они думают, что истина должна быть очень сложной. Поэтому они продолжают искать что-то сложное — а истина не сложна. Они продолжают смотреть вдаль — а истина очень близко. Они продолжают искать ее в тайных, мистических, оккультных, эзотерических учениях.

И одни люди продолжают эксплуатировать других, потому что они знают, что есть люди, которые не будут удовлетворены простой истиной. Они пишут мусорные книги, но таким образом, что они кажутся очень оккультными. Они пишут таким образом, что невозможно понять, о чем они пишут. И люди думают,

что, если они не могут понять эти книги, в них должны содержаться какие-то великие тайны.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что ты думаешь о коммунизме?*

Раджа,
Я не думаю о таких вещах — на самом деле я вообще не думаю! Конечно, меня интересуют коммуны, но не коммунизм. В то мгновение, когда нечто становится -измом, он становится опасным. Идея коммунизма прекрасна: люди, живущие вместе без собственности, не владея ни вещами, ни людьми; люди живут вместе, творят вместе, празднуют вместе, в то же время предоставляя друг другу иметь собственное пространство; люди, создающие определенный климат медитативности, любви, и живущие в этом климате...

Несомненно, я заинтересован в идее коммуны — это просто означает, что возможно единение. Нигде в мире единение невозможно. Невозможно даже общение — что говорить о единении!* Общение означает диалог двух умов, — невозможно даже это, — а единение означает встречу двух сердец. Там, где возможно единение, существует коммуна.

Идея семьи уже прогнила. Она работала, она сделала свою работу, и теперь с ней покончено. У семьи нет будущего. Фактически, семья была одной из причин бедствия. Семья заставляет вас отождествляться с очень маленькой группой — отец, мать, брат, сестра, — и эта маленькая группа становится вашим миром. Человеку нужно достичь большего разнообразия.

* англ. *communion*: единение, причастие; *communication*: общение.

Коммуна предоставляет больше разнообразия: не только отец, но и много дядь, не только мать, но и много тетей. Коммуна означает, что ребенок узнает больше людей, полюбит больше людей, привыкнет к большому числу людей. Он будет богаче.

Психологи говорят, что когда ребенок живет с матерью и отцом, в маленькой ячейке семьи, он видит в матери представительницу всего женского пола, а в отце — представителя всего мужского пола. Это неправильно, совершенно неправильно. Его отец не представляет все типы мужчин, а мать не представляет все типы женщин. Постепенно он становится сфокусированным на матери; мать становится воплощенной женственностью.

И в этом проблема! всю жизнь он будет искать мать в своей жене, и он ее не найдет — и это создает страдание. Ни одна женщина не будет его матерью, и это будет его поиском, глубоким бессознательным поиском, потому что он знает только одну женщину. Это его представление о настоящей женщине, о том, какой должна быть женщина. А девочка всегда будет искать отца, и ни один муж не будет ей отцом.

Эта фиксация создает большое психологическое напряжение в мире. Коммуна означает, что вы не будете такими застывшими. Посмотрите на нашего маленького Сиддхартху! Мать не видит его целыми днями; целыми днями он живет с другими саньясинами. У него много друзей, взрослых друзей; мужчин, женщин. Он возвращается в ашрам лишь поздно ночью — в два. Он так занят! Лакшми позвала его и сказала: «Сиддхартха, это уже слишком — два часа ночи! Ты должен быть дома к одиннадцати».

Он сказал: «Это правило распространяется на всех или только на меня? Так же и для взрослых?»

Вот это зрелость! Он становится взрослым! Он сказал: «Я должен прожить несколько дней и с другими — меня пригласили!» Теперь он живет в разных семьях. Он будет понимать, что его мать не единственная женщина в мире; есть и множество других женщин. Он будет знаком

со многими вещами, касающимися женщин. Его представление о женщине будет богаче, и возможность того, что он будет доволен своей женой, больше, чем если бы было по-другому. Он знает много дядь и отцов. Его видение мужчины не линейно, оно многомерно; оно обязательно будет многомерным.

Я заинтересован в идее коммуны, потому что коммуна поможет людям избавиться от множества психологических пережитков воспитания. Это воспитание такое гнилое, такое старомодное! За пять тысяч лет ничего не изменилось. Все остальное изменилось, — от бычьей упряжки мы проделали путь до реактивного самолета, — но, что касается человеческой жизни, сохраняется все та же старая прогнившая семья. В отношении человека мы очень ортодоксальны; поэтому мы улучшаем машины, но не улучшаем человеческое существо. Мы улучшили все — только человек не стал лучше; а причина в том, что в отношении человека мы очень ортодоксальны и традиционны.

Коммуна изменит представление о семье; она сделает семью очень гибкой.

Бипин приехал из Америки всего несколько дней назад, и он сказал: «Странно! — я приезжаю всего лишь через год, и все пары изменились! Я думал о некоторых парах как о постоянных парах — например, Сатъя и Чайтанья, Шила и Чинмайя. Даже постоянные пары, которые, как мне казалось, останутся в прежнем виде, распались! Произошла новая комбинация людей». Он спросил: «Что делает наш Возлюбленный Мастер?»

Я ничего не делаю — это не моя работа! Это неизбежно должно было случиться в коммуне. Люди становятся более гибкими, более доступными друг для друга, более любящими, они больше общаются, в них меньше собственногоничества.

Я определенно заинтересован в идее коммуны, но не в коммунизме. Коммунизм уродлив. Коммунизм это болящая эпидемия. Чем скорее он исчезнет из мира, тем лучше. Он разрушил великие ценности — была разрушена

свобода, величайшая ценность. Коммунизм антирелигиозен.

Если воцарится коммунизм, не будет надежды на то, что будут рождаться будды; он этого не позволит. Если бы Гаутама Будда родился в Советской России, его посадили бы в сумасшедший дом. Не очень хорошая перспектива! Даже Иисус Христос нашел бы, что у него больше проблем. Они бы не распяли его, нет, но они поместили бы его в сумасшедший дом. Он был бы объявлен неврастеником или психопатом, потому что он слышит голоса; он разговаривает с Богом и Дьяволом. Это невроз, это абсолютное безумие! Его лечили бы электрошоком, помните, его бы больше не распинали.

Если Иисус планирует вернуться, я бы хотел, чтобы он понимал ситуацию. На этот раз они не убьют тебя, они оставят тебя в живых, но тебе будут делать уколы, электрошоки, инсулиновые шоки, а если ты все еще опасен, тебе дадут транквилизаторы и сделают тебя очень, очень спокойным. Они могут заставить тебя жить почти что в коме, вести растительное существование, что гораздо более уродливо, чем распять человека.

Когда вы распинаете человека, вы не можете его унижить. Он может сохранить свою гордость, он может высоко держать голову: «Хорошо, вы распинаете меня, ну и распинайте — но вы не можете заставить меня изменить свой дух и свое видение жизни. Я готов пожертвовать жизнью».

Человек может умереть с достоинством, — Сократ умер с достоинством, Иисус умер с достоинством, — но если Сократ родится в Советской России, или Иисус, или Будда, у них не будет никакого достоинства. Фактически, о них никто никогда и не услышит. Их заставят жить в сумасшедшем доме. О них позаботятся доктора, и никто никогда не услышит, что они хотели сказать, в чем было их послание.

Двое русских рабочих идут рядом. Их головы опущены, лица печальны. Они не разговаривают друг с другом. Вдруг один из русских плюет на землю, и другой тут же делает то же самое.

— Хватит, — говорит первый. — Если мы будем продолжать, то могут подумать, что мы обсуждаем политику.

Я слышал другую историю:

Коммунисты в России проводили чистку. Старого цыгана привели к комиссару.

— Сколько времени, — спрашивает комиссар, — ты в партии?

— Много лет.

— А твой отец?

— Да, он тоже был членом партии, и мой дед, и прадед.

— Послушай, — говорит комиссар с сомнением, — но ведь в то время еще не было никакой партии.

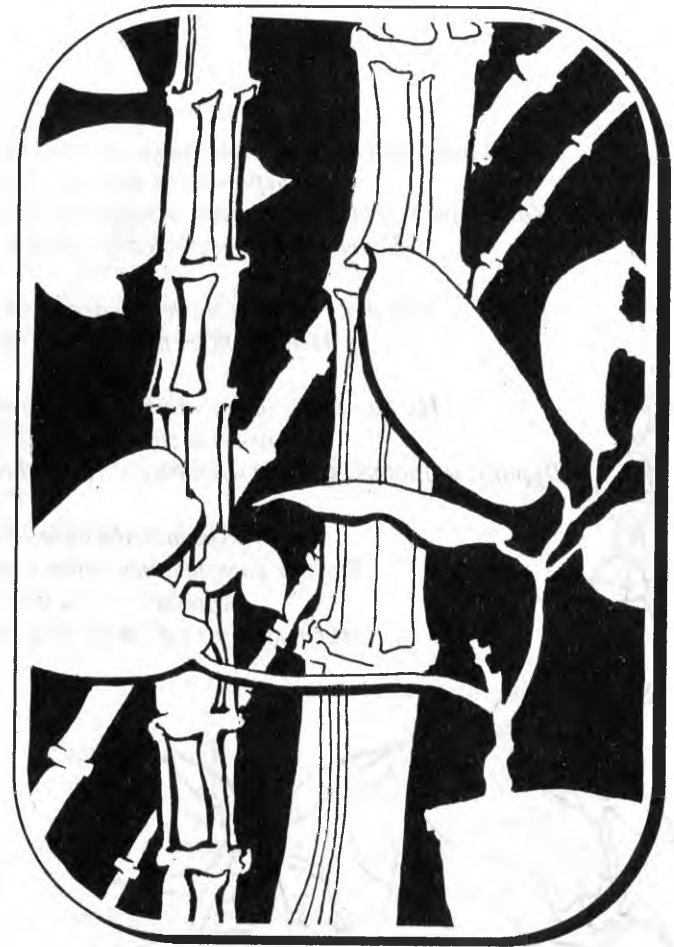
— Это не имеет значения, — отвечает цыган, — они все равно воровали!

Коммунизм это насильственное, навязанное состояние вещей. Это значит превратить всю страну в концентрационный лагерь. Это значит не давать людям никакой свободы быть самими собой; это значит низводить их до номеров. Это разрушительно для индивидуальности — а я целиком и полностью за индивидуальность и свободу индивидуальности, потому что, если исчезает свобода индивидуальности, нет никакой возможности исследования реальности Бога. А в этом вся цель жизни.

Настоящее достоинство жизни может быть осуществлено, лишь если вы знаете, что такое Бог — внутри и снаружи. Он — ваше сознание, он — эта вселенная.

Я против коммунизма, но я полностью за коммуны.

На сегодня достаточно.

Глава 5
Пыль, Брошенная
Против Ветра

Как богатый купец с немногочисленной свитой
Остерегается опасной дороги,
Как человек, любящий жизнь, остерегается яда,
Берегись опасностей глупости и зла.

Ибо рука без ран может касаться яда.
Невинный не претерпит вреда.

Но как пыль, брошенную против ветра,
Зло сдувает обратно в лицо
Дураку, который вредит чистому и безвредному.

Одни рождаются вновь в аду,
Другие рождаются вновь в миру,
Хорошие — на небесах.
Чистый же не рождается вовсе.

Нигде!
Ни в синих небесах,
Ни в глубине морей,
Ни на вершинах гор
Не скроешься от собственного зла.

Ни в синих небесах,
Ни в недрах океана,
Ни на вершинах гор —
Нигде!
Не скроешься от смерти.

Жизнь не дается в готовом виде — по крайней мере, не человечеству. В этом достоинство человеческих существ, в этом и опасность. Все остальные животные рождаются готовыми, запрограммированными. Вся их жизнь это просто осуществление того, что уже в них вложено. Им не нужно проживать свою жизнь сознательно; их жизнь бессознательна, механична. Она не может быть хорошей, не может быть плохой; она просто есть. Нельзя назвать дерево святым или грешником, нельзя назвать тигра добродетельным или полным порока. Эти слова бессмысленны по отношению к существам ниже человеческих. Но они приобретают безмерный смысл в применении к человеку.

Человек находится в особенной ситуации. Он рождается как и все остальные животные, с одним лишь отличием — и это отличие действительно важно. Понять это отличие очень важно, потому что человек может постоянно избегать его, а избегать его значит упустить свою истинную жизнь. Есть все возможности для того, чтобы пройти мимо, потому что напоминание о нем кажется неудобным и некомфортным. Напоминание о нем это великий вызов: вызов приключения в неизвестном, вызов незапрограммированного.

Бог это не встроенная функция; это открытая возможность. Он может случиться, может и не случиться. Все зависит от тебя — от того, как ты живешь, сколько сознания ты привносишь в свою жизнь, насколько ты перестанешь жить механически.

Миллионы людей вообще не хотят, чтобы им напоминали об этом измерении; поэтому они не принимают Будду, Христа, Сократа. Эти люди — Будда, Христос, Сократ — встряхивают вас и не позволяют спокойно спать. Они снова и снова заставляют вас осознавать, что это не лучший способ жить, что вы упускаете жизнь. Вы живете не человеческой жизнью, вы живете жизнью животных.

А иногда вы можете пасть даже ниже животных. Ни одно животное не становится Чингисханом, Адольфом

Гитлером или Иосифом Сталиным, потому что у животных нет выбора. Они не могут стать Буддами, но не могут и стать Чингисханами. Они остаются теми, кто они есть; они никуда не движутся. Их жизнь уже предопределена; они просто следуют ее курсу.

Их жизнь похожа на фильм: когда вы смотрите его в первый раз, вам очень интересно, вы хотите узнать, что произойдет дальше, но на самом деле не произойдет ничего — фильм уже запрограммирован. В следующий раз вы уже не чувствуете такого интереса, потому что вы уже знаете, что произойдет дальше. В третий раз вам скучно, и если вас заставят смотреть его в четвертый раз, вы воспротивитесь, а если вам придется смотреть его в пятый раз, вы сойдете с ума. Один и тот же фильм... Потому что теперь вы знаете, что все уже предreshено, ничего не происходит; фильм просто повторяется по определенному курсу.

Животные похожи на фильм — они уже готовы и осуществляют то, что в них заложено. Человек живет в мире выбора; поэтому он должен решать, какую жизнь ему прожить. Он может пасть ниже животных, он может подняться выше ангелов. Он может вести случайное существование или принимать решения.

Именно в решительности рождается душа. Если вы ведете случайное существование, вы живете без души; в вашей жизни немного от жизни. Она ложна; она лишь тлеет; в ней нет интенсивности, в ней нет пламени; в ней нет света. Вы не можете испытать опыт истины. Живя случайно, узнать истину невозможно. Человек должен быть таким решительным, таким преданным, так сознательно вовлеченным в жизнь, так интенсивно приветствующим приключения, чтобы в каждое мгновение все было поставлено на карту. Он должен быть творческим — не просто осуществлять заложенную программу, но быть творческим.

Это привилегия человека, его прерогатива, но так же и его опасность. Очень немногие люди выбирают жизнь выбора, преданности, вовлеченности, потому что

это опасно, потому что эти моря неизведанны, и у вас нет никаких карт. У вас есть лишь маленькая лодочка, а море очень бурное, и никто не знает, существует ли вообще другой берег. Зачем покидать приют этого берега? Оставайся здесь!

Будда говорит, что миллионы людей просто бегут туда-сюда по этому берегу, мечутся взад и вперед, просто создавая видимость того, что их жизнь это паломничество — просто бегая туда-сюда по тому же самому берегу. Это не паломничество; это просто способ себя занять, одурачить других и себя.

Паломничество начинается, когда ты покидаешь этот берег, его приют, его безопасность, его удобство, комфорт, респектабельность, власть, престиж. Ты предоставляешь свою утлую лодку на милость ветров, на милость океана, доверившись тому, что, если есть этот берег, *должен* быть и другой, потому что не может быть одного берега без другого...

В этом доверии — отправляясь к другому берегу, рискуя всем — начинается настоящая жизнь. Настоящая жизнь это религиозная жизнь. Настоящая жизнь это то, что я подразумеваю под саньасой. Жизнь, прожитая сознательно, это единственная жизнь; жизнь, прожитая несознательно, это просто существование. Животные лишь существуют, они не живут; жить может только человек. Но и не все люди живут; лишь немногие будды, лишь немногие пробужденные.

Будьте внимательны к тому, что вы делаете со своей жизнью. Действительно ли вы движетесь сознательно, с чувством направления, — предпринимая каждый шаг намеренно, полностью осознавая, зачем он нужен и куда он ведет? Или вы просто подражаете другим? Если они бегут, бежите и вы, если они гонятся за деньгами, гонитесь и вы, если они гонятся за властью, гонитесь за властью и вы. Возможно, вы просто подражатели? Тогда ваша жизнь будет подражанием. Возможно, вы просто следуете за други-

ми? Тогда ваша жизнь будет копией под копирку. Вы никогда не узнаете свое оригинальное лицо.

Ваше оригинальное лицо это лицо Бога. Но это лицо должно быть открыто с неимоверными усилиями. Принимая великий риск, человек может реализовать то, что заложено в нем как семя, человек может претворить в жизнь то, что заложено в нем как потенциал. И тогда человек бесконечен; иначе он остается мелким и уродливым.

Жизнь, прожитая бессознательно, не может быть красивой; жизнь, прожитая бессознательно, не может быть свободной. Может ли быть красота без свободы? Красота это тень свободы. Жизнь, прожитая бессознательно, может быть лишь посредственной, обыденной, поверхностной. Только с сознанием ваша жизнь начинает приобретать глубину; она получает новое измерение, измерение глубины. А измерение глубины есть измерение божественного.

Бог находится ни в каком другом месте, кроме у вас в глубине, в ваших сокровенных глубинах. Истину не найти больше нигде; ее нужно искать, смотря вовнутрь. Истина не принадлежит уму; иначе достичь ее было бы очень легко. Ум это машина.

Великий философ Запада, отец философии Запада, Аристотель, определяет человека как рациональное существо, но его определение не может быть применено к миллионам. Оно не применимо даже к нему, потому что он не будда. Очень умный человек, очень логичный — но без всякого сознания. Он прожил свою собственную жизнь так же бессознательно, как и всякий другой. Хотя у него было две жены, он пишет в своей книге, что у женщины меньше зубов, чем у мужчины. Имея двух жен, он мог бы сто раз посчитать — но это было суеверием, распространенным в то время в Греции. Мужской шовинистический ум не может позволить женщине ничего, что предполагает ее равенство с мужчинами — даже если речь идет о зубах! Он никогда не сделал себе труда посчитать — что это за рациональность?

На самом деле, если вы не сознательны, вы не можете быть и рациональны. Быть рациональным значит жить сознательно, жить медитативно. В то мгновение, когда вы живете медитативно, вы не можете жить лишь рационально, вы можете жить сверхрационально — потому что жизнь это не только логика, жизнь это гораздо большее. Логика это лишь одно из ее измерений, а жизнь многомерна.

Жизнь плюс сознание — и вы начинаете становиться буддой. Существование плюс сознание — и вы начинаете достигать жизни. В сознании вся химия, вся алхимия. Жизнь плюс сознание — и вы входите в храм Бога. Существование плюс сознание — и вы входите в храм жизни. Но, если вы живете без сознания, у вас нет жизни, у вас нет Бога. Если у вас есть жизнь, вы не можете долго продолжать упускать Бога, потому что жизнь это первый луч Бога.

Но люди просто существуют, ведут растительное существование; они думают, что они уже живы. Это верование мешает им создать жизнь. Когда вы рождаетесь, вы рождаетесь лишь как возможность, как пространство, в котором может расти жизнь. Но это не неизбежно — и хорошо, что это не неизбежно. Если бы это было неизбежно, человек был бы такой же машиной, как и все остальные животные. Чрезвычайно важно помнить, что существование преподнесло вам величайший дар, и дар этот в том, что вы рождаетесь как *табула раса*, ничто не написано на вас — вы рождаетесь как чистая грифельная доска. Теперь вам предстоит что-то на ней написать. Вы можете написать что-то заимствованное в подражание другим; вы можете написать на ней Веды, Кораны, Библии, но вы упустите всю суть. Вы разрушите великую возможность.

Вы должны написать собственную песню — не песню Кришны, не песню Христа, но свою собственную песню! Вы должны пропеть свое собственное сердце, и лишь тогда вы состоите. Но люди просто повторяют как

попугаи; поэтому они становятся очень знающими, и все же остаются глупыми, все же остаются невежественными.

Блаженный Августин разделяет человечество на две категории; эти категории значительны. Первую категорию он называет «знающим невежеством». Есть люди, которые знают слишком много, и в то же время не знают ничего; их знание заимствовано. В них ничего не возникает, с ними ничего не происходит; они просто повторяют других. В этом повторении они могут быть очень умными, очень эффективными, но они действуют как компьютеры. Они еще не человеческие существа; человечность в них еще не родилась. Их знание ничего не знает — это притворство.

Университеты полны таких людей, и мир очень уважает их, потому что их знание дает им власть. Считается, что они знают, что они имеют власть. И в определенном смысле эта идея верна: у человека, который знает физику, больше власти, чем у человека, который не знает физику, но в отношении собственной жизни он столь же невежествен, как и всякий другой. Что касается самопознания, между крестьянином и профессором университета нет разницы — и в этом настоящее сокровище.

Есть знание, которое не знает, и, говорит Августин, есть и невежество, которое знает. Что это за знающее невежество, о котором он говорит? Невежество невинного. Невинный человек полностью очистил свой ум от всего заимствованного знания.

Медитация это не что иное, как способ очистить ум, душ для внутреннего существа, который смывает всю пыль, и вы остаетесь чистым, свежим, молодым. Именно это говорит Иисус: Пока вы не родитесь заново, вы не войдете в Царство моего Бога.

Именно это явление на Востоке мы называли *двидж* — рожденные дважды. Не все брамины — двиджи, но все двиджи — брамины. Христос был брамином, Мухаммед был брамином. Брамин это человек, который

познал Брахман, который познал высшую истину — но секрет в том, что вы должны родиться заново.

Что это значит? Это значит, что вам придется умереть для знания, — заимствованного, подражательного, механического, — чтобы вы снова смогли стать так невинны, как будто родились в первый раз. Но первое детство неизбежно будет утрачено; никто не сможет его защитить. Утрата первого детства в природе вещей. Но может быть достигнуто второе детство, а со второго детства начинается жизнь. Со вторым рождением вы входите в настоящее таинство — то, что есть.

Позвольте мне напомнить: не принимайте жизнь как должное. Ее нужно создать, а создать ее можно, лишь совершая свободный выбор, самостоятельный выбор. Да, есть возможность того, что вы собьетесь с дороги, есть возможность того, что вы совершите множество ошибок и промахов. Но беспокоиться не о чем — промахи, ошибки и заблуждения это часть роста. Лишь совершая ошибку, человек учится, лишь заблуждаясь, он возвращается на правильный путь.

Не, кто никогда не совершает ошибок, бессильны. Те, кто никогда не совершает ошибок из страха, никогда ничего не делают — потому что, если вы действуете, появляется возможность совершить ошибку. Боясь совершить ошибку, они никогда ничего не делают. Но, не делая ничего, как вы можете расти? Вы останетесь пустым, в вас не будет кристаллизации, у вас не будет никакой души. Вы будете мертвым, вы будете трупом — ходящим, дышащим, говорящим, но вы будете трупом, потому что вы не испытаете вкуса вечности.

Первое, что нужно запомнить: вы еще не родились. Одно рождение совершают родители, мать. Второе рождение случается, когда вы находитесь в интимной близости с мастером, с буддой. Второе рождение случается в поле будды: будда становится маткой. Мастер это матка для ученика. Ученик входит в матку мастера, исчезает в мастере и рождается заново.

Именно через второе рождение вы становитесь сознательными. Вы считаете, что вы сознательны... вы можете дойти от работы до дома, и поэтому думаете, что вы сознательны. Поскольку вы умеете делать определенные вещи, вы думаете, что вы сознательны. Сейчас существуют роботы, человекоподобные машины, которые могут делать все то, что делаете вы.

Теперь стало возможным, что скоро возникнут самолеты, — они уже существуют, но еще не используются; скоро они будут использоваться, — в которых не будет пилотов; у нас будут поезда без машинистов. Теоретически это возможно уже сейчас. Машины будут делать все. Тогда вы будете очень удивлены: вы делали все эти вещи и думали, что вы сознательны, потому что вы делаете все эти вещи. Делая определенные вещи, человек не становится сознательным.

Быть сознательным значит делать что-то с новым ароматом. Сознание не в том, чтобы что-то делать, но в том, чтобы делать это со свидетелем внутри; наблюдая, замечая, зная, что вы делаете — это сознание, это рождение заново.

Брайан поймал крошечную рыбку, и внезапно она заговорила.

— На самом деле я эльф, и если ты меня отпустишь, я исполню три желания тебе и твоей жене.

Ирландец отпустил рыку и побежал домой, чтобы рассказать жене. Они так торопились в город, чтобы поскорее присмотреть что-нибудь хорошее, что решили поужинать банкой консервированных бобов. К несчастью, жена не смогла найти консервный нож.

— Я бы хотела, чтобы нашелся консервный нож, — сказал она.

Бабах! Появился нож.

— Ты потратила одна желание на этот идиотский нож. Я желаю тебе засунуть его себе в задницу!

Печальная часть истории: паре пришлось истратить третье и последнее желание на то, чтобы снова извлечь его оттуда.

Именно таким образом вы живете, именно таким образом живет все человечество: не зная, что вы говорите, не зная, что вы делаете, не зная вообще ничего — просто бредя наощупь, спотыкаясь во тьме. И так продолжается с начала и до самого конца.

Все ваша жизнь становится учебником по грамматике бессознательного, языку бессознательного. И сквозь этот язык, сквозь призму этого языка, вы смотрите на жизнь — и все видится извращенным, искаженным.

Деловые партнеры Слатский и Гросс поплыли на лодке ловить рыбу на озеро Кэтскиллс. Внезапно налетел шторм, лодка перевернулась; Слатский поплыл к берегу, а Гросс стал барахтаться и бить руками по воде. Он тонул.

— Эй! — закричал Слаткий, плывя к берегу. — Ты думаешь, ты выплывешь один?*

— Я тону, — пробормотал Гросс, — а он все про бизнес!

Старый язык: «Можешь ли ты выпустить заем?» — язык бизнеса. Он понимает лишь один язык. Даже сейчас, в такой ситуации, все, что ему говорит, он понимает лишь так, как может понять. Мы не понимаем, что нам говорят; мы понимаем лишь то, что мы можем понять. Мы не понимаем, что мы видим; вы видим лишь то, что можем увидеть.

* англ. «*Can you float alone?*» звучит как «*Can you float a loan?*»: «Можешь ли ты выпустить заем?»

Старик Бернштейн умирал. Вся семья собралась вокруг его постели. Слабым дрожащим голосом он спросил:

— Здесь ли Сол?

— Да, Папа, — ответил старший сын.

— А Лестер?

— Да, Папа! — ответил мальчик.

— А Эли?

— Я здесь! — ответил младший сын.

— Если вы все здесь, — сказал Бернштейн, — кто же тогда остался в магазине?

Сейчас он умирает — последние мгновения! Даже в момент смерти он думает о том, кто остался в магазине.

От рождения и до смерти вы продолжаете жить, блуждая наощупь в темноте без света — а вы могли бы создать свет. Его не найти в писаниях; никто не может передать его вам. Он не продается и не покупается; он непередаваем. Но вы можете создать его — вы можете собрать всю свою энергию. Вы можете начать жить сознательно с этого самого мгновения.

Например, вы слушаете меня. В можете слушать во сне... потому что вы сидите здесь, и я произношу какие-то слова, у вас есть уши, и ваши уши работают, и поэтому эти слова ударяются в ваши барабанные перепонки и создают шум — и, конечно, вы слышите. Но это не слышание, это только слушание. Это не слышание.

Слушание означает, что вы бдительны, наблюдательны, настороже, без всяких искажений ума; без внутреннего шума, без болтовни, в предельном молчании; не во сне, но полностью бодрствуя; как будто ваш дом в огне, и сейчас не время спать. Вы не можете спать, когда горит ваш дом — или можете? Когда горит ваш дом, вам не хочется спать; вы очень бдительны, внимательны.

Вот первое, что сказал Будда, когда покинул свой дворец: «Мой дом в огне. Я больше не могу жить несознательно». Рядом не было никого, кроме возницы. Старик посмотрел на дворец; он не увидел никакого пламени, дом не горел. Он подумал: «Принц сошел с ума!»

Он был очень старым, старым слугой, одного возраста с отцом Будды. Он знал Будду с того дня, как тот появился на свет; Будда обычно очень уважал его.

— Что за ерунду ты говоришь! — сказал старик. — Хотя мои глаза и видят хуже, потому что я очень стар, но я не вижу пламени. Дом в полном порядке, нет никакого огня!

— Да, я вижу, — возможно, ты не видишь, — что мой дом в огне, потому что в каждое мгновение возможна смерть. Теперь я больше не могу оставаться в таком же сонном состоянии.

Старик пожал плечами.

— Ты всегда говоришь сумасшедшие вещи!

Когда они расставались, он оставлял Будду в лесу, и они стали прощаться, старик заплакал и сказал:

— Послушай меня — я тебе как отец. Куда ты пойдешь? Ты что, сошел с ума? Такой красивый дворец, такая красивая жена, столько комфорта, столько роскоши! Куда ты пойдешь?

— Я уйду на поиски сознания.

Он не сказал: «Я уйду на поиски Бога», потому что как можно говорить о Боге, если ты даже не сознателен? Настоящий искатель идет на поиски сознания, не на поиски Бога. Если вы начинаете поиск с Бога, это останется бессознательным поиском — поскольку вы слышали, как о Боге говорят священники, в вашем уме возникла жадность.

Настоящий искатель, настоящий саньясин не имеет ничего общего с Богом. Все его усилие, единственное усилие, сосредоточенное усилие, концентрированное усилие направлено на то, как стать более сознательным — как быть так интенсивно сознательным, чтобы стать полным

света, чтобы весь ум стал сияющим пламенем, чтобы факел ума был зажжен одновременно с обеих сторон. В этом свете человек естественным образом узнает, что такое Бог.

Бога не нужно искать; искать нужно сознания. Несознательные люди верят в Бога, но их вера в Бога в точности похожа на их веру в деньги. Они верят в банкноты, они верят в Бога, они верят в статуи, они верят в мертвые писания. Они могут только верить, помните: только несознательные люди верят.

Сознательный человек знает, чувствует, переживает. Он не верит в Бога: он живет в Боге, он дышит в Боге, его сердце бьется в Боге. Это не вопрос веры.

Вы не верите в солнце, когда видите рассвет. Вы не спрашиваете людей: «Верите ли вы в солнце?» Если вы спросите, они посмеются над вами. Вы не верите в луну в ночь полнолуния; вы никогда никого не спрашиваете. Нет верующих и неверующих в луну. Это ваш опыт; не нужно верить или сомневаться.

В точности так же в сознательности у вас есть глаза, чтобы увидеть Бога, у вас есть глаза, чтобы увидеть истину существования. Больше нет вопроса о вере — это ваш опыт, экзистенциальный опыт. Сознательный человек знает, несознательный человек верит.

Почему ты индуист, почему ты мусульманин, почему ты джайн, почему ты христианин? Все это верования! — и священник живет за счет твоей несознательности. Он продолжает давать тебе все больше и больше верований — нравственных верований, верований в то, что если ты что-то делаешь, ты будешь награжден, если ты делаешь что-то другое, ты будешь наказан — верование в ад, верование в небеса. Он продолжает нагромождать одно верование на другое. Ты тонешь в верованиях! Твои верования стали для тебя такой тяжестью, будто ты носишь на плечах Гималаи; они не позволяют тебе жить.

Первый шаг к сознанию — отбросить все верования. Не будь индуистом, не будь мусульманином, не будь

христианином... потому что я показываю тебе, как стать христом! Зачем быть христианином? Я расскажу тебе, как стать буддой — зачем довольствоваться буддизмом? Зачем довольствоваться искусственными цветами, если можно вырастить настоящие розы, когда ты можешь стать садом роз? Ты покупаешь на рынке искусственные цветы и продолжаешь поклоняться этим цветам. Неважно, как ты их называешь, — христианством, исламом, индуизмом, — если они заимствованы, они не настоящие. Настоящий цветок должен быть взращен внутри твоего существа; там ему предстоит расцвести.

Те, кто познал, говорят, — и я это подтверждаю, я свидетель! — что, когда твое сознание раскрывается во всей своей тотальности, это тысячелепестковый лотос, золотой лотос, благоухающее золото. Это высочайшее из чудес. Пока оно не достигнуто, не останавливайся на отдых. Каждое мгновение это величайшая утрата.

Сутры:

*Как богатый торговец с немногочисленной свитой
Остерегается опасной дороги,
Как человек, любящий жизнь, остерегается яда,
Берегись опасностей глупости и зла.*

Будда говорит, что если ты — богатый купец, возвращающийся домой с великим сокровищем после долгого-долгого путешествия; — торгуя во многих метрах, ты скопил великие сокровища и возвращаешься домой, и с тобой немногочисленная свита; — ты будешь избегать опасных дорог, где разбойники могут тебя ограбить, убить и отнять твое сокровище.

Человек совершил великое паломничество. Вы не новички на этой земле, вы очень древние пилигримы. За все эти жизни вы собрали большие сокровища у себя внутри — хотя об этом можете не знать даже вы. Вы многому научились... вы не сознательны и не знаете, сколько

сокровищ вы носите в себе. Поскольку вы не сознательны, вы продолжаете ходить по опасным дорогам, где вас могут ограбить — и вас грабят, грабят каждый день. Легко ограбить человека, который ничего не осознает, спит; он даже не будет сопротивляться.

И эти грабители не снаружи, они у вас внутри. Гнев, ненависть, жадность, ревность, собственничество — вот эти грабители, и бессознательный ум продолжает грабить вас. Сколько украл у вас гнев? Оглянитесь! Сколько ваш гнев разрушил? Но вы даже не считаете! Вы даже не оглядываетесь, чтобы понять, что вы делаете с собой. Как долго вас эксплуатировала похоть? Но вы продолжаете снова и снова делать одно и то же! Тот же самый гнев, о котором вы знаете по опыту, что это яд, о котором вы прекрасно знаете, что он разрушителен — и каждый раз, когда вы испытывали его, вы впоследствии раскаивались — вы решали, вы много раз обещали себе не делать этого снова. Снова и снова вы забываете данные себе обещания.

Один человек говорил своему другу:

— Прошлой ночью я ходил смотреть еврейский порнофильм, и это было нечто!

— На что может быть похож еврейский грязный фильм? — спросил друг.

— Он длился десять минут: одна минута секса и девять минут вины.

Просто наблюдайте за своей жизнью, и вы увидите: одна минута секса — и сколько минут вины? Одна минута похоти, и сколько минут вины, сколько часов, сколько дней?

Бротски приехал в Пуэрто-Рико на деловые переговоры. Однажды вечером напротив его гостиницы его приветствовала красивая проститутка.

— Привет, американец, — сказала она. — Хочешь купить то, что я продаю?

Бротски пошел с ней. Через десять дней, дома в Нью-Йорке, он обнаружил, что заразился гонореей.

Через год напротив той же гостиницы к нему подошла та же самая девушка.

— Привет, американец, — сказала она. — Хочешь купить то, что я продаю?

— Конечно, — ответил он. — Что на этот раз, рак?

Если вы посмотрите на свою жизнь, вы увидите, что она движется по кругу. Вы продолжаете делать одни и те же глупости, те же самые глупости, которые вы делали уже множество раз. Когда же вы проснетесь? Снова и снова вас привлекает одна и та же глупость, снова и снова вы попадаетесь в ту же самую сеть. В вашей жизни немного нового.

Просто наблюдайте свою жизнь в течение трех месяцев, ведите три месяца дневник, и вы будете удивлены: все это вы повторяетесь снова и снова. И пока вы не проснетесь, вы будете продолжать повторять это всю свою жизнь — и не только эту жизнь, но и многие следующие.

Гарри, уроженец Филадельфии, в первый раз приехал в Англию.

Однажды вечером он заметил в баре очаровательную рыжеволосую девушку, подошел к ней и завел разговор:

— Знаете ли, я как бы с другой стороны...

— Поедем прямо ко мне домой! — воскликнула она. — Этого я не могу пропустить!

Дошло? Снова и снова... «Этого я не могу пропустить!» Снова и снова вы заинтригованы. Возможно, вы знали многих женщин, но, еще одна женщина — и вы снова готовы к глупостям. Ваша жизнь повторяется — вы не делаете даже новых ошибок!

Будьте немного более творческими. Если вам интересно делать ошибки, по крайней мере, делайте новые ошибки. Если вы можете взять себе за правило: «Я буду делать только новые ошибки», вскоре с ними будет покончено — сколько всего ошибок? Однажды вы просто обнаружите, что ошибок больше нет, и вы больше не можете ошибаться, потому что вы решили не повторять ошибок.

Одного раза должно быть достаточно — но почему его недостаточно? Причина в том, что, когда вы совершаете ошибку, вы не в ней; даже это вы делаете бессознательно. Если вы можете совершить ошибку сознательно, с тотальной бдительностью, с полной осознанностью, с абсолютным присутствием, вы больше не повторите ее.

Разумный человек неизбежно совершает ошибки, но каждую ошибку только один раз, и тогда с ней покончено. Он узнал и понял ее. Но люди остаются незрелыми.

Два маленьких черных мальчика встретились на улице.

— Мне пять лет. А тебе?

— Не знаю.

— А ты когда-нибудь думаешь о женщинах?

— Нее-а.

— Значит, тебе четыре!

Вот как измеряется возраст, зрелость.

Зрелость означает, что вы становитесь более сознательными; нет другого пути к зрелости. Я не говорю, что

вы не должны совершать ошибок, потому что это не поможет. Я не говорю избегать ошибок, нет. Я говорю: делайте все, что хотите делать, но делайте это очень сознательно. Привнесите в это все свое существо, чтобы, сделав что-то однажды, вы могли решить, стоит ли делать это еще раз, или это полная чепуха; чтобы, сделав что-то однажды, вы знали, настоящий ли это бриллиант или просто цветная галька.

Если это настоящий бриллиант, идите за ним, копайте глубоко — возможно, сокровище близко. А если это цветная галька, забудьте об этом. Не носите с собой разноцветную гальку; такая тяжесть затруднит ваше путешествие.

Как богатый купец с немногочисленной свитой остерегается опасной дороги, как человек, любящий жизнь, остерегается яда, берегись опасностей глупости и зла. Осознавай. Берегись означает осознавай. Берегись это сочетание двух слов: будь осознающим**. Осознавай опасности глупости и зла. Это две стороны одной монеты: глупость и зло. Глупость означает несознательность — а несознательность порождает зло.*

*Ибо рука без ран может касаться яда.
Невинный не претерпит вреда.*

Если вы понимаете глупость и зло... Помните, Будда не говорит: избегайте, он говорит: берегитесь.

Лао-цзы говорит: Человек мудрости идет так, будто опасность подстерегает его на каждом шагу. Человек мудрости идет так, будто он первый проходит по льду замерзшей реки — вот что говорит Лао-цзы. Да, это именно так: человек мудрости идет бдительно. Опасность на каж-

* англ. *beware*.

** англ. *be aware*.

дом шагу, потому что ум может утвердить себя в любое мгновение.

Ваш ум очень древний, и его привычки глубоко выгравированы в нем. Лишь небольшая неосознанность, и ум обязательно поймает вас и затащит в какую-нибудь ловушку. Он этим живет. Он обязательно затянет вас во что-то такое, о чем вы впоследствии будете рассказывать. Но рассказание не помогает; это сущая трата времени. Сначала вы тратите время, совершая ошибку, затем вы тратите время, рассказываясь.

Однажды ко мне пришел человек, очень богатый человек. У него всю жизнь была привычка легко выходить из себя, и для этого достаточно было малейшего повода, а если и его не было, он создавал его, он придумывал его. И из-за этого он очень пострадал: от него ушла жена, его бросили дети, и ни один слуга не мог долго оставаться с ним. Он вел очень изолированную жизнь. У него было все, но в каком-то смысле он был очень беден, потому что никто не хотел его любить и принимать его любовь.

Он спросил меня:

— Как мне от этого избавиться? Много раз я принимал это решение, я приносил великим святым клятвы, что я никогда больше не буду злиться, но вновь и вновь, как только возникает ситуация, я забываю все клятвы. Гнев приходит как наводнение, и я просто вне себя. Что мне делать? Я пришел к вам. Пожалуйста, помогите мне сделать так, чтобы от этого избавиться.

— Сделайте одну вещь, — сказал я. — Первое: перестаньте рассказывать. И второе: никогда больше не клянитесь не злиться.

— Что вы такое говорите! Тогда будет разрушена вся моя жизнь!

— Вы приносили клятвы много раз и потом рассказывались — помогло ли это?

Он вынужден был признать, что это не помогло. Тогда я сказал:

— Почему бы не попробовать то, что я говорю? — потому что, насколько я понимаю, раскаяние не против гнева; на самом деле это способ эго снова привести вас в прежнее состояние.

Когда вы злитесь и впоследствии вспоминаете об этом, ваше эго чувствует обиду: «Я снова совершил ту же самую глупость». И теперь это раненое эго хочет излечить себя; вы пали в собственных глазах. Ваше раненое эго говорит: «Пойди в храм, пойди к какому-нибудь святому. Поклянись, что ты никогда больше этого не сделаешь». Принося клятву, эго чувствует себя очень хорошо: «Смотрите, какой я религиозный!» Клятвы перед святыми или перед собранием людей чрезвычайно усиливают ваше эго: «Смотрите, я принял решение!» Рана снова исцелена.

Вы снова оказываетесь в прежней ситуации: эго снова вознесено на трон. Рано или поздно вы сделаете ту же самую ошибку, и теперь вы научились залечивать раны — при помощи раскаяния, при помощи клятв.

Поэтому вот первое, что я сказал этому человеку:

— Перестаньте раскаиваться — это пустая трата времени! Что было, то прошло, прошлого не вернешь. С ним покончено. Не о чем беспокоиться. Начните сначала — не раскаивайтесь. Вот что я предлагаю вместо раскаяния: идите домой и злитесь, — первое, что нужно сделать, — злитесь и злитесь сознательно. Пока вы злитесь, будьте внимательны к этому гневу, понимайте, что вы делаете: швыряя вещи, швыряя оскорбления. Будьте бдительны!

Он вернулся на следующий день. Он сказал:

— Это невозможно! Я могу либо злиться, либо быть бдительным. Если я бдителен, я не могу злиться; если я злюсь, я не могу быть бдительным. Вы дали мне невыполнимое задание!

— Теперь решение за вами: если вы хотите злиться, забудьте о бдительности; если вы не хотите злиться,

будьте бдительны. Больше не нужно ни раскаяния, ни клятв. Простой метод!

Все пробужденные учили простым методам.

Кто-то спросил Махавиру:

— Кто настоящий святой, а кто грешник?

Должно быть, задавший этот вопрос ожидал заготовленного ответа, который дан в писаниях, но такие люди как Махавира всегда говорят от себя. То, что он сказал, очень красиво. Определение, которое он дал, уникально, уникально во всей истории человечества. Он сказал:

— *Асутта мун* — тот, кто пробужден, свят. *Сутта амун* — тот, кто спит, грешен.

Просто, но чрезвычайно важно! Пробуждение это единственная возможная святость, а сон, несознательность это единственный грех; он порождает все остальные грехи. Обрубите корень, обрубите самый корень! Не продолжайте подстригать ветви.

Ибо рука без ран может касаться яда. И тогда, когда вы осознаете, когда вы бдительны, наблюдательны, проблем нет. Тогда вы подобны руке без ран и можете касаться яда. Что это значит?

Позвольте мне напомнить вам случай из жизни Иисуса. Он взял в руки хлыст и вошел в великий храм Иерусалима. Хлыст в руках Иисуса?.. Вот смысл того, что говорит Будда: *рука без ран может касаться яда.* Да, Иисус может взять в руки хлыст без всяких проблем; хлысту его не пересилить. Он остается бдительным — настолько он сознателен.

Великий храм Иерусалима стал местом разбоя; в нем происходило скрытое воровство. В храме менялы меняли деньги, и они эксплуатировали всю страну. Иисус вошел в

храм один и перевернул их столы — столы менял — разбросал их деньги и устроил такой скандал, что менялы бежали из храма. Их было много, а Иисус был один, но он был в такой ярости, в таком огне!

Это стало проблемой для христиан: как объяснить это? — потому что они изо всех сил пытались доказать, что Иисус это голубь, символ мира. Как он может взять в руки хлыст? Как он может прийти в такой гнев, в такую ярость, что переворачивает столы меня и выгоняет их из храма? Должно быть, он весь пылал; иначе — он был один — его могли схватить. Должно быть, его энергия была как буря; они не могли ему противостоять. Священники, торговцы и менялы бежали из храма, крича, что этот человек сошел с ума!

Христиане избегают этой истории. Избегать не нужно, если вы понимаете сутры Будды: *ибо рука без ран может касаться яда*. Невинный не претерпит вреда. Иисус так невинен! Это не гнев; это его сострадание. Он не насильствен, он не разрушителен; это его любовь. Хлыст в его руках это хлыст в руках любви, сострадания.

Именно поэтому у нас на Востоке есть Кришна, который сражается на войне, хотя и обещал этого не делать. Он забывает все обещания. Люди думают, что это дипломатия, политика; это не так. Обещание было дано в определенный момент; теперь оно больше не применимо к этому моменту — ситуация изменилась. Он не оппортунист, он не политик. Он просто честно и искренне отвечает на ситуацию в настоящем. В какой-то момент он обещал, что не примет участия в войне; это больше не так, ситуация изменилась. Он вступает в войну без раскаяния; он никогда не раскаивается. Раскаиваться не в чем.

Человек осознанности действует из своей осознанности и поэтому не раскаивается; его действие тотально. И красота тотального действия в том, что оно не создает кармы; оно ничего не создает; оно не оставляет в тебе ни-

какого следа. Оно подобно надписи на воде: не успел ты ее закончить... ее больше нет. Это даже не надпись на песке, потому что она может сохраниться на несколько часов, если не будет ветра... это надпись на воде.

Если вы пойдете в индуистский храм, вы увидите, что Рама держит в руках лук и стрелы. Пытаясь объяснить это, так называемые последователи Ганди оказались в затруднении; это было проблемой для Махатмы Ганди. Если бы у Рамы в руках было прядильное колесо, все было бы в порядке — но как быть с луком и стрелами? Ганди пытался это обойти. Он повторял имя Рамы каждый день; это было последнее, что он сказал, когда умирал. Когда его застрелили, это было последнее, что слетело с его губ: «Хей Рам!» — О Рама! Но как это ему удалось? Как он справился с луком и стрелами? Он никогда не смотрел на эту проблему честно и искренне — потому что Рама сражался на войне, вероятно, убил много людей, и, несомненно, убил Равану. Как быть с этим насилием?

Эта сутра объясняет: *Ибо рука без ран может касаться яда. Невинный не претерпит вреда*. Если ты полностью бдителен, проблем нет. Ты можешь касаться яда; тогда яд будет действовать как лекарство. В руках мудрого яд становится лекарством; в руках дураков даже лекарство, даже нектар неизбежно становится ядом.

Невинный не претерпит вреда. Если ты действуешь невинно, — не из знаний, но из подобной ребенку невинности, — тогда ты никогда не претерпишь вреда, потому что это действие не оставляет следа. Ты остаешься свободным от своих действий. Ты живешь тотально, и все же никакие действия не обременяют тебя.

*Но как пыль, брошенную против ветра,
Зло сдувает обратно в лицо
Дураку, который вредит чистому и безвредному.*

Помни, если ты действуешь несознательно, тогда вся твоя жизнь будет пылью, брошенной против ветра. Ее

снова сдувает тебе в глаза. Не плюй в небо — плевок упадет тебе в лицо.

Ты страдаешь не из-за других, ты страдаешь из-за собственных глупых действий. Что такое глупое действие? Действие, которое возникает в бессознательном состоянии ума.

Но как пыль, брошенную против ветра, зло сдувает обратно в лицо дураку, который вредит чистому и безвредному. И результат еще более опасен для этого дурака, если он причинил зло чистому и безвредному. Если ты борешься с другим дураком, невелика беда: он плюет на тебя, ты плюешь на него. Твой плевок снова возвращается к тебе, его плевок снова возвращается к нему; все в равновесии. Ты вредишь ему, и этот вред снова возвращается к тебе; он вредит тебе, и его вред снова возвращается к нему.

Но если ты вредишь или причиняешь зло тому, кто невинен, твое дело действительно плохо, потому что твое зло вернется к тебе тысячекратно. Невинный человек не причинит тебе никакого зла; он просто отразит его как зеркало, как эхо. Если ты уродлив, твое уродство проявится — и конечно, чем чище зеркало, тем яснее проявится уродство.

Уму всегда хочется причинить вред невинному. Он боится вредить обманщику, потому что обманщик может оказаться слишком крепким орешком. Невинный кажется таким невинным, что у тебя появляется искушение причинить ему вред. Невинный кажется таким уязвимым, таким тонким, что ты не видишь никаких трудностей: ты можешь делать с ним что хочешь, и он даже не ответит. Поэтому Иисус был распят, Сократ был отравлен, Будда был побит камнями.

Помни, искушение причинить вред невинному так велико, потому что ты знаешь, что он не оплатит тебе той же монетой. Но беда в том, что, хотя он тебе и не оплатит, все существование отомстит за него. Поскольку он не будет мстить, все существование встанет на его

сторону. Существование всегда на стороне пробужденного. Ты обречен на страдание, хотя Иисус и готов тебя простить. Последние слова Иисуса были: Отец, прости их, ибо они не ведают, что творят. Это его отклик. Но существование не может тебя простить.

Существование следует очень точному закону: причиненное тобой зло обязательно породит зло для тебя, и страдание, если ты причиняешь его другим, обязательно вернется к тебе. И если это страдание причинено безвредному, мудрому, будде, тогда тебе предстоит пострадать тысячекратно.

*Одни рождаются вновь в аду,
Другие рождаются вновь в миру,
Хорошие — на небесах.
Чистый же не рождается вовсе.*

Ад и небеса не относятся к географии, помните. Это просто метафора, объясняющая нечто психологическое. Ад это состояние ума, когда он в глубоком страдании — созданном, конечно, вашими собственными действиями. Вся пыль, которую вы бросали против ветра, падает на вас, и это ад — все зло, которое вы причинили людям, возвращается к вам. Вы должны пожать урожай, потому что посеяли семена. Если вы сеете семена яда, вам придется пожать яд. Это так просто: *эс дхаммо санантано* — вот вечный закон.

Это касается всех, никто не исключение — хотя каждый и думает: «Я могу быть исключением, я могу найти выход из положения». Конечно, вы можете найти способ обойти человеческие законы, вы можете обойти любой закон, потому что человеческие законы есть человеческие законы; их можно нарушить. Вы можете найти разумных людей, которые покажут вам, как их обойти. Но вечные законы, законы природы нарушить нельзя; если вы преступаете их, вам предстоит страдать. Это страдание и есть ад.

Каждый раз, когда вы идете против закона жизни, вы оказываетесь в аду, а когда вы в гармонии с законом, вы в небесах. Небеса это состояние радости. Когда же вы в промежутке, ни здесь ни там, ни за ни против, в состоянии летаргии, в состоянии нерешительности, как лифт между этажами — вы в мире. В буддийских писаниях мир называется *мадхьялок* — промежуточное состояние между небесами и адом.

В мире есть три типа людей: немногие в небесах, многие в промежутке и очень многие в аду. И на самом деле это не три типа людей, потому что каждый человек проходит через все три состояния каждый день. Утром вы можете быть на небесах, днем — в промежутке, вечером, когда вы приходите домой — в аду. Все постоянно меняется, сдвигается. Это психологические состояния.

Выход за пределы всех трех состояний называет нирваной, природой будды, мокшей. Если ты можешь выйти за пределы этих трех состояний, — то есть выйти за пределы ума, — тогда ты не только в гармонии с законом... Если ты в гармонии с законом, ты в небесах, если ты престопаешь закон, ты в аду. Если ты в нерешительности, наполовину здесь, наполовину там, ты в промежуточном мире, в этом мире. Но если ты становишься единым с законом, если ты больше не отделен... даже не в гармонии, потому что в гармонии ты отделен. Если ты становишься единым с законом: если ты тотально отбрасываешь эго и ум, если ты погружаешься в вечный закон, если ты становишься океаном, твоя капля падает в океан и становится океаном — тогда ты больше не рождаешься. Нет рождения, нет смерти. Тогда все это колесо рождений и смертей останавливается. Тогда ты един с космосом, тогда ты — Бог.

Это высочайшее, чего можно достичь, это высочайшее, чего человек может достичь — но может и упустить. Не приложив огромного усилия, не совершив этого усилия с великим разумом и искусством, ты не сможешь его достичь.

Нигде!

Ни в синих небесах,

Ни в глубине морей,

Ни на вершинах гор

Не спрятаться от собственного зла.

Помни: спрятаться от собственного зла невозможно. Поэтому не продолжай дурачить себя тем, что ты найдешь способ: что ты пойдешь и окунешься в Ганг, и все твои грехи будут смыты. Не обманывай себя — Гангу это не под силу. Не думай, что ты пойдешь в Каабу, совершишь *хадж*, великое паломничество, станешь *ходжой*, — человеком, который побывал в Каабе, — и тогда на тебе больше не будет грехов, Бог тебя простит. Не думай, что, выполняя определенный ритуал, — *ягну*, *хаван*, — ты освободишься от собственного зла. Ничто не поможет.

Нигде! Будда говорит, *ни в синих небесах, ни в глубине морей, ни на вершинах гор не спрятаться от собственного зла*. Оно будет следовать за тобой как тень, оно будет мучить тебя, куда бы ты ни пришел. Лучше этого не делать — но ты можешь этого избежать, лишь став сознательным; иначе это неизбежно.

Ни в синих небесах,

Ни в недрах океана,

Ни на вершинах гор —

Нигде!

Не спрятаться от смерти.

Зло несет в себе свое наказание так же верно, как и рождение неизбежно несет в себе свою смерть. Нельзя избежать смерти, нельзя избежать результата своих поступков. И не думай об этом, потому что время, проведенное в попытках избежать и спрятаться, потрачено впустую. Вся эта энергия может быть вложена в одно усилие: как стать сознательным, как стать медитативным. Это поможет.

Один последователь Рамакришны шел к Гангу. Он попросил Рамакришну:

— Парамахансадэва, я иду к Гангу — благослови меня. Думаешь ли ты, что все мои грехи будут смыты?

— Да, конечно, — сказал Рамакришна, — потому что Ганг так чист; всякий, кто погружается в него, становится таким же чистым. Но есть одна проблема, о которой нужно помнить.

— Какая проблема? Только скажи мне, и я буду помнить.

— Видел ли ты огромные деревья, которые растут на берегу Ганга?

— Да.

— Знаешь ли ты, какова цель этих деревьев?

— Этого я никогда не слышал, и этого нет в писаниях. Какова цель этих деревьев? Скажи мне.

— Вот какая цель у этих деревьев: когда ты ныряешь в Ганг, все грехи оставляют тебя из-за силы Ганга. Эти грехи сидят на верхушках этих высоких деревьев. Когда ты выходишь из Ганга, они снова прыгают на тебя! Это действительно бесполезно. Если хочешь, можешь идти, но избегай одного: если ты войдешь в Ганг, не выходи обратно! Скройся в нем навсегда; иначе грехи не оставят тебя. И они отомстят, они набросятся на тебя с удвоенной силой.

И это правда в буквальном смысле. Религиозные люди, так называемые религиозные люди, думают, что они могут выполнить определенный ритуал, и с грехом покончено, они снова свободны от грехов! И если вы знаете этот фокус, о чем беспокоиться? Вы можете идти и совершать сколько хотите грехов — Ганг никуда не денется. А сейчас не нужно даже идти к Гангу: вы можете

подвести его к своему дому по водопроводным трубам и каждый день, утром или вечером, принимать ванну. Лучше вечером — тогда все грехи, совершенные за день, будут смыты и вы останетесь чистыми, как цветы лотоса.

Будда говорит, что ничего вам не поможет. Нигде не спрячется от двух вещей: от результата своих действий и от смерти. Это произойдет.

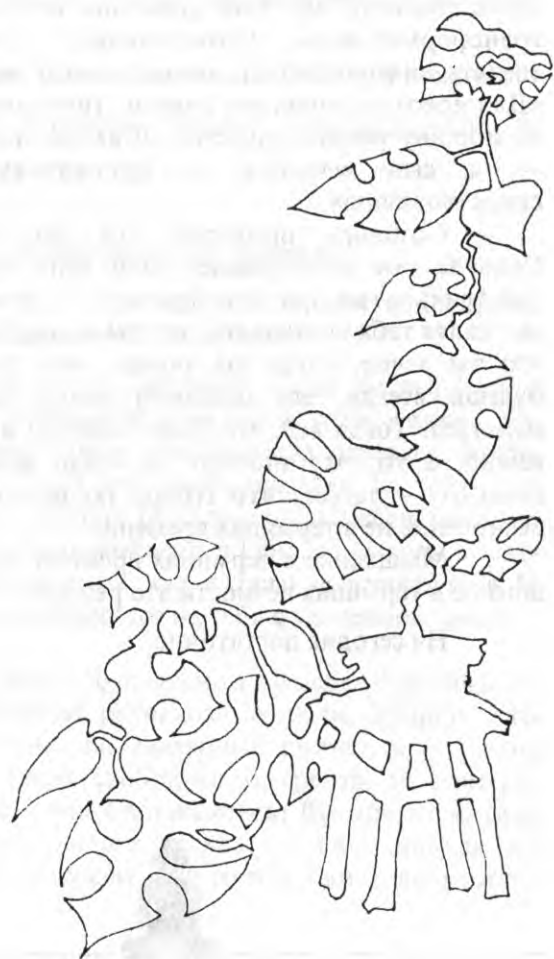
Что же тогда нам делать? Стать сознательными, и в этой сознательности и то и другое исчезнет. В этой сознательности все твои действия автоматически будут трансформированы. Сознательный человек не может сделать ничего плохого, сознательный человек понимает: «Для моего сознания нет смерти. Тело умрет, ум умрет, но не мое внутреннее существо. Я вечен. *Амритасья путрах* — я сын вечности, я принадлежу бессмертному существованию».

Сознание приводит эти две истины домой. Сначала оно преобразует твой мир, преобразая твои действия; затем оно преобразует то, что у тебя внутри, заставляя тебя осознавать, что ты вечен. Когда ты знаешь, что ты вечен, когда ты знаешь, что ты был всегда и будешь всегда, все ценности твоей жизни начинают меняться. Тогда все, что было важным вчера, больше не важно, а то, что никогда не было важно, становится важным — потому что теперь ты мыслишь в терминах вечности, а не в терминах времени.

Мышление в терминах времени это политика; мышление в терминах вечности это религия.

На сегодня достаточно.

Глава 6
Так ли это?

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Мне кажется, что быть здесь с Тобой означает отпустить* все — не только страдание, страх, печаль и так называемые негативные переживания, но также и переживания счастья, любви, потока, все так называемые позитивные переживания, которые всегда были моей целью.
Возлюбленный Мастер, так ли это?*

*А*нанд Хариш,
Позитивное и негативное, ночь и день, рождение и смерть — они не отдельные. Если ты хочешь отпустить одно, тебе придется позволить уйти и другому.

Это одна из величайших дилемм: люди хотят, чтобы у них оставалось позитивное — но, если остается позитивное, негативное сохраняется как его тень. Позитивное не имело бы никакого смысла без негативного. Если бы ты не знал, что такое тьма, ты не мог бы видеть света. Если ты хочешь видеть свет, ты должен быть готов и к переживанию тьмы. Ты не можешь избежать смерти, цепляясь за жизнь. Сама жизнь несет в себе смерть.

Каждый хочет цепляться за позитивные переживания и избежать негативных. Это невозможно — это противоречит вечному закону.

Если ты наблюдаешь внимательно, ты увидишь, что, если негативное слишком мучит тебя, значит, позитивное это только прикрытие. Что ты имеешь в виду, когда говоришь, что ты счастлив? Вот что: «В это мгновение мое несчастье прикрыто». Что ты имеешь в виду, когда говоришь: «Сейчас я расслаблен»? Это просто говорит о том, что все напряжения ушли глубже в бессознательное; теперь ты не замечаешь их.

* отпустить: здесь и дальше — англ. *to let go*, дословно: позволить чему-либо уйти, не совершая специального усилия; не пытаться это удержать; расслабиться и не использовать возможность двигаться в это.

Но рано или поздно они утвердят себя, рано или поздно придет время и для них. Ты не можешь всегда оставаться в позитивном. Позитивное и негативное всегда уравновешивают друг друга: у тебя будет столько счастья, сколько ты готов принять несчастья.

И это одна из загадок: чем более процветает общество, тем более оно несчастно. Нет страны более несчастной, чем Америка, по той простой причине, что сейчас Америка достигла пика счастья; она не может избежать и глубочайшей долины. Вершины возможны только в сочетании с долинами — чем выше вершина, тем глубже долина.

В Индии люди чувствуют себя очень удовлетворенными. Причина в том, что они не знают вершин счастья; не знают они и глубин несчастья. Они живут более или менее на нейтральной территории, ни позитивной ни негативной. Это не истинное удовлетворение, это просто отсутствие позитивных переживаний — поэтому отсутствуют и негативные.

Америка это действительно умственное мучение, великий психологический переворот. Ни одно общество никогда не приходило в такое состояние. Кроме, конечно, отдельных индивидуальностей.

Гаутама Будда был сыном короля. У него были все радости — именно поэтому он стал осознавать страдание жизни. Не случайно все двадцать четыре *тиртханкары* джайнов были королями. Будда был королем, Рама и Кришна были королями, все индуистские *аватары* были королями. В этом что-то есть, что-то очень фундаментальное. Почему нищие не становились *тиртханкарами*, аватарами, буддами? По той простой причине, что они не знали, что такое счастье — как они могли осознать несчастье жизни?

Будда говорит: жизнь это *дуккха* — чистое страдание. Это может сказать только будда, потому что он знал вершины. Узнать вершины означает одновременно узнать и долины. Если ты живешь интенсивно, страстно,

ты будешь понимать смерть лучше, чем человек, который лишь тлеет, который только существует, который не страстен и не интенсивен в своей жизни. Он не может быть внимательным и к смерти. Чем глубже ты ныряешь в жизнь, тем лучше ты будешь осознавать смерть. Позитивное и негативное постоянно уравнивают друг друга.

Индийцы сыграли трюк сами с собой. Они стали нейтральными: «Не поднимайся на пики радости; это хороший способ избежать глубин страдания, боли, отчаяния». Но это не истинная революция. Истинная революция не происходит в равнодушии, в тлении, в оупении. Настоящая революция случается в трансценденции.

Эти два слова нужно понять, потому что различие между ними очень тонко: «равнодушие» и «трансценденция». Равнодушие просто означает, что ты избегаешь позитивного и негативного. Трансценденция означает, что ты ничего не избегаешь: ни позитивного, ни негативного. Ты проживаешь позитивное во всей полноте, ты проживаешь негативное во всей полноте, с новым качеством — и это качество свидетельствования. Ты живешь тотально, но в то же время остаешься молчаливо внимательным, осознающим.

Ты знаешь, что тебя окружает счастье, но это не ты; ты знаешь, что тебя окружает несчастье, но это не ты. Ты знаешь, что ты жив, но это не ты, затем, когда ты будешь умирать, ты будешь знать, что это не ты. Это трансценденция.

Нетти, нетти — ни это ни то — вот тайная формула трансценденции: ни позитивное ни негативное. Но это не значит не проживать негативное и позитивное. Если ты избегаешь жизни, ты становишься тупым, очень тупым; ты теряешь всю разумность.

Вот разница между старой саньсой и моим видением новой саньсы. Старая саньса учит тебя равнодушию, нейтральности: «Не поднимайся высоко, и тогда не

нужно будет низко падать». Простая математика! «Не будь счастливым, и тогда ты не будешь несчастным». Как ты можешь быть несчастным, если ты никогда не был счастливым? «Не радуйся, и не будет страдания, не смейся, и тогда будут невозможны слезы». Это простая математика, но это не истина трансценденции, не истина настоящей саньсы.

Настоящая саньса означает: смейся глубоко, но помни, что ты не этот смех; плачь глубоко, позволь слезам течь, будь в этом тотален и в то же время бдителен — будь пламенем, наблюдающим все это изнутри.

Хариш, тебе нужно трансцендировать, не отречься. Если ты отречешься, ты упустишь всю суть. И когда я говорю: «Отпусти!», я просто имею в виду: «Не цепляйся». Я не говорю тебе: «Не пытайся быть счастливым». Приложи все возможные усилия, чтобы быть счастливым и радостным, но помни, что за этим последует печаль — это естественно. Прими ее, и когда она придет, не убегай от нее, не пытайся от нее скрыться. Она также красива, это часть жизни, часть роста; без нее не может быть зрелости. Иди в нее глубоко.

Радость может привнести нечто в твой рост — но и страдание. Радость приносит свежесть, свежесть утренней росы. Радость приносит юность, радость приносит танец в твое сердце. Печаль также приносит многие дары, но ты бежишь от нее; поэтому ты никогда не узнаешь ее даров. Печаль приносит молчание, которое не может принести никакая радость. Радость всегда немного шумна; печаль совершенно молчалива. Радость всегда немного пуста; печаль глубока, в ней есть глубина. Радость всегда заставляет тебя забыть себя; легче утонуть в радости, опьяниться радостью. Она делает тебя несознательным. Печаль приносит осознанность, потому что ты не можешь утонуть в ней. Ты не можешь участвовать, тебе придется стоять снаружи — потому что ты не хочешь ее!

Первые уроки свидетельствования случаются в печали. Человек учится свидетельствованию в печали, и

лишь потом то же самое свидетельствование может быть применено к мгновениям удовольствия. Но именно в свидетельствовании человек выходит за пределы.

И когда я говорю: «Отпусти все это: позитивное и негативное», я просто говорю не цепляться, не отождествляться. Я не говорю: «Отрекись!» Живи, и все же живи сверху. Ходи по земле, но нет, не позволяй ногам касаться земли. Да, это целое искусство.

И в этом вся моя саньяса: искусство жить в мире, не становясь его частью, искусство жить жизнь, не отождествляясь с ней. Вот в чем смысл того, чтобы «отпустить».

Старая саньяса это исповедует равнодушие. В точности это слово используется в старых писаниях: саньясин становится *удасином* — равнодушным ко всему, что есть — *вайрагье*. Он становится холодным и отрешенным. Он бежит от мира двойственности. Он уходит в монастырь в пещерах Гималаев и живет один, без радости, без печали.

Его жизнь это своего рода смерть: он живет уже в могиле, он не живет. Его жизнь не достойна называться жизнью. Он пал ниже человечества; он ближе к животным, чем к человеческим существам. Поэтому он ищет пещеры, леса, джунгли, горы, пустыни — он боится быть с человеческими существами. Он хочет пасть ниже человеческих существ, потому что человеческие существа неизбежно разделяет эта великая полярность, позитивное и негативное, и он этого боится.

Если ты станешь более сознательным, ты отпустишь все, и в то же время будешь здесь и сейчас, и более, чем когда-либо раньше. Ты будешь есть и чувствовать больше вкуса. Ты будешь любить и испытывать более глубокие оргазмические переживания. Ты будешь играть, и в твоей игре будет больше духовного. Твоя обычная жизнь станет священной.

Лишь одному нужно научиться: свидетельствованию.

Второй вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я все острее и острее чувствую, что эта жизнь волшебна. Так ли Ты видишь жизнь? Это ли ты подразумеваешь под божественностью, которая окружает нас со всех сторон?

Да, Ананд Нур, я имею в виду в точности это. Под «Богом» я не подразумеваю личность. Под «Богом» я подразумеваю волшебство, которое окружает нас, таинственное, чудесное. Под «Богом» я подразумеваю не того, кто создал мир, но само создание. Сам процесс творчества есть Бог.

Поэтому ты не можешь поклоняться Богу, ты не можешь молиться Богу. Все молитвы ложны, потому что они адресованы лично Богу — а Бога как личности не существует. Ты не можешь разговаривать с Богом, ты не можешь называть его Матерью, Отцом. Это не личность; отношения невозможны. Как тогда поклоняться, как молиться? Тебе придется научиться новым способам поклонения и молитвы.

Быть творческим значит поклоняться. Быть творческим значит участвовать в великом процессе творения — участвовать в творении значит участвовать в Боге. На мгновение ты перенесен в другой мир. Когда ты пишешь картину, тебя больше нет; ты стал просто творческой силой. Когда ты играешь музыку, если ты не техник, а настоящий музыкант, влюбленный в музыку, тогда ты исчезаешь — тогда эго больше нет. По крайней мере, в эти редкостные, подобные бриллиантам, безмерно драгоценные мгновения открываются некоторые окна. Тебя больше нет, тебя нет как эго.

Бог это не личность, это не эго. И если ты хочешь встретить Бога, тебе нужно быть чем-то подобным: не-эго, не-личностью. Бог это присутствие. Если ты хочешь как-то общаться с Богом, тебе придется научиться быть присутствием, а не личностью; бдительным, полностью бдительным, но без всякой идеи о «я».

Лучшим способом позволить этому «я» исчезнуть является не аскеза, не йога, не пост — нет. Это творчество. Я учу йоге творчества, потому что для меня это единственная йога. Слово «йога» означает союз; когда ты в состоянии творчества, ты в союзе с Богом. Стойка на голове мало чем поможет; на самом деле, совершенно ничем. Ты можешь стоять на голове многие жизни — и результат будет только один: ты будешь становиться все глупее!

Я высказываю научную истину, я не шучу; в этом я очень серьезен. Если ты будешь подолгу стоять на голове, ты станешь глупым, потому что мозг состоит из очень деликатной системы нервов. Эти нервы такие тонкие... тоньше чем волосы. В твоей маленькой голове есть миллионы нервных окончаний; ты не можешь увидеть их невооруженным глазом, такие они маленькие. Если ты слишком долго стоишь на голове, кровь приливает в голову, и это разрушает нервы.

На самом деле ученые говорят, что человек обрел ум, мозг, потому что он стоял на двух ногах — прямо. Животные еще не достигли ума, потому что они продолжают оставаться в положении, параллельном земле. В их головы притекает слишком много крови, поэтому они не могут развить тонкой системы нервов. Лишь человек был способен развить тонкую нервную систему, которая может вмещать великое сознание, великий разум.

Очень редко можно встретить так называемого *йоги*, который был бы разумен — я не встретил еще ни одного! У людей, которые искажают свои тела, делают всевозможные цирковые трюки и стоят на головах, возможно, хорошие тела, — возможно; такая гимнастика обязательно даст тебе более здоровое тело, более подобное животному, — но у них нет разума. Я еще не встретил *йоги*, который был бы действительно разумен, и одна из причин в том, что к их тонкой и деликатной системе нервов приливает слишком много крови.

Ты не можешь всю ночь спать без подушки. Знаешь почему? — потому что в голову поступает

слишком много крови. Это заставляет всю нервную систему вибрировать. Тебе нужны подушки. Благодаря подушкам к голове приливает меньше крови; ты можешь спать, ты можешь расслабиться, ты можешь отдохнуть.

Под «йогой» я подразумеваю точный перевод: союз, единение. Когда ты пишешь картину, играешь музыку, танцуешь или поешь, ты в состоянии *йоги*.

В моей коммуне *йогой* будет это: ты должен творить. Чем более ты творческий, тем острее твоя разумность. Чем более ты творческий, тем более доступными становятся неисчерпаемые источники творчества — то есть Бог. Чем больше ты творишь, тем более ты становишься проводником — проводником волшебства, которое течет по тебе.

Да, Ананд Нур, под «Богом» я подразумеваю волшебство, которое окружает тебя. Можешь ли ты почувствовать волшебство, которое окружает тебя в каждое мгновение — в это самое мгновение? Звуки птиц... деревья в полном молчании, в состоянии медитации... и вы все здесь со мной, из дальних стран... воцаряется молчание. Вы совершенно сонастроены со мной, дышите со мной, ваши сердца бьются вместе с моим сердцем. Видите ли вы волшебство сейчас, волшебство здесь, красоту и благословение? Это Бог!

Бога не найти в храмах, мечетях, *гурудварах* и церквях. Бога можно найти лишь в компании будд, потому что лишь в компании будд ты начинаешь осознавать волшебное существование.

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Почему люди до такой степени против тебя?

Судхир,
Они не столько против меня, сколько боятся меня. Они

против из страха, но коренная причина — страх. Почему они боятся? — потому что они не понимают. Это недопонимание. Так бывает всегда, это неизбежно; это не новость.

Я говорю одно, они понимают что-то другое, потому что их умы предубеждены. Они были воспитаны в определенной традиции, а я разрушаю все традиции! Они были приучены мыслить определенным образом, а все мои усилия здесь направлены на то, чтобы выйти за пределы мышления. Люди — конформисты, они подвержены условностям и традициям. А для меня религия это восстание — восстание против всех условностей, всех установок, всех традиций. Религия никогда не традиционна; она не может быть традицией. Наука может быть традицией, но религия — никогда.

Наука это действительно традиция. Уберите Ньютона — просто представьте, что Ньютона никогда не было — и тогда не будет Альберта Эйнштейна. Альберт Эйнштейн возможен, лишь если сначала есть Ньютон. Наука это традиция, это континуум. Удалите один кирпич, и рухнет все здание.

Но я был бы возможен, даже если бы не было никакого Христа. Я возможен не потому, что были Махавира и Патанджали, не потому, что были Будда, Конфуций и Лао-цзы. Религия это не континуум; это индивидуальное явление, это индивидуальное цветение. Ты можешь стать пробужденным, даже если ты не знаешь, что кто-то был пробужден раньше. Ты не связан с прошлым таким же образом, как в науке.

Именно поэтому многие научные истины, однажды открытые, становятся достоянием каждого. Альберт Эйнштейн тяжело работал тринадцать лет, чтобы открыть теорию относительности; теперь ты можешь прочитать о ней все за несколько часов — тебе не нужно открывать ее заново. Эдисон работал много лет, по меньшей мере, три года, чтобы открыть первую электрическую лампочку — теперь не нужно Эдисона,

чтобы их производить. Эту работу могут делать обычные рабочие, ничего не знающие об электричестве — и они делают ее.

Но религиозные истины совершенно другие: ты должен открывать их заново снова и снова. То, что открыл Будда, не становится достоянием вселенной, но умирает вместе с ним, исчезает вместе с ним; это индивидуальный аромат. В этом красота религии: она никогда не становится рыночным товаром. Поэтому науке можно учить в школах, колледжах, университетах; религии учить нельзя. Религии вообще нельзя учить; нельзя информировать тебя о религии. Ты должен открыть ее сам.

Да, ты можешь получить вдохновение, но вдохновение, а не информацию. Ты можешь быть вдохновлен близостью будды, ты можешь загореться. Ты можешь достичь пылающего желания стать таким же, как будда, но тебе придется открывать все самому. И ты не сможешь передать это своим детям в наследство. Все, что ты можешь дать, все, что ты можешь сообщить, это интенсивную жажду истины, вот и все — но не саму истину.

Поэтому массам очень трудно понять то, что я говорю. Это было трудно во времена Будды, это было трудно во времена Иисуса — и будет трудно всегда, потому что массы живут согласно прошлому. Они выращены и воспитаны традиционным образом. Им сказали, что хорошо, а что плохо, им сказали, есть ли Бог, и они выучили все эти вещи. Они накопили столько информации, что их умы наполнены знаниями; они думают, что они уже знают.

Поэтому, когда кто-то приходит и приносит в мир новые решения, когда кто-то приносит новые откровения, когда кто-то достигает Бога, становится проводником Бога, люди обеспокоены, их предрассудки поколеблены. Их старые концепции не усиливаются — наоборот, они начинают чувствовать: «Если этот человек прав, мы были

неправы во всем... и не только мы, но и наши деды, и деды наших дедов». Это противоречит их эго. Они более склонны цепляться за свое эго, чем прислушиваться к истине.

И тогда из-за этих предрассудков они продолжают слышать то, что никогда не было сказано. Я говорю что-то одно, и они немедленно истолковывают это как что-то другое согласно своим собственным идеям. Они не слушают в молчании; они слушают сквозь всевозможные мысленные преграды.

Например, есть иудеи, мусульмане, индуисты, христиане, джайны, буддисты, сикхи — все эти люди собрались здесь. Вы думаете, когда я говорю что-то, иудей слышит то же самое, что и джайн, мусульманин слышит то же самое, что и христианин, буддист слышит то же самое, что и индуист? Невозможно! У мусульманина свои собственные идеи...

Например, если я говорю о рождении заново, мусульманин, иудей и христианин немного встревожены, — бессознательно, — потому что им говорили, что есть только одна жизнь; они не могут поверить в то, что жизнью много. Но когда я говорю о рождении заново индуисту, он очень доволен и счастлив. Буддист доволен, джайн доволен, абсолютно доволен. С их умами нет проблем. Дело не в том, что они соглашались со мной — они счастливы, потому что я соглашаюсь с ними! И так происходит с каждой фразой.

У слов нет никаких четко очерченных значений — и не может быть; иначе любое общение было бы очень научным. У слов есть много значений, много оттенков, и когда вы слышите слово, вы окрашиваете его в собственный цвет. Вы можете услышать его своим личным, частным образом. У вас есть свой собственный личный смысл.

Когда я говорю о Боге, слушающий меня буддист тотчас же перестанет слушать, это происходит абсолютно автоматически. Он автоматически отключается. Бог? — ему говорили, что вся эта идея бессмысленна. А если

Будда сказал, что это чепуха, значит, так и есть. И не только Будда — за двадцать пять столетий многие другие мистики, достигшие Бога, говорили ему, что Бога нет. Но индуист, мусульманин, христианин, иудей — они будут очень рады, что да, я говорю о Боге — об их Боге! Джайн и буддист не обрадуются; они не верят в Бога.

Когда я говорю о душе, джайн счастлив, индуист доволен, мусульманин, христианин, иудей — все, кроме буддиста. Он не верит и в душу. Он говорит, что нет индивидуальных сущностей, есть лишь общий поток. В точности как Ганг постоянно меняется в каждое мгновение, в точности как вы не можете вступить в одну реку дважды, вы больше не можете встретить ту же индивидуальность. Нет ничего постоянного, вообще ничего. Кроме перемен, меняется все. И буддист, в то мгновение, когда я начну говорить о душе или Боге, перестанет слушать. Он скажет: «Это не для меня». Не то чтобы он делал это сознательно — есть бессознательные привычки, обусловленность.

Дело не сколько в том, что люди против меня; в действительности они не понимают, о чем я говорю, или понимают это как что-то другое, о чем никто не говорил. Они не понимают, что я делаю здесь. Они не приходят сюда, они полагаются на газеты. Приходит какой-то третьесортный журналист и пишет репортажи — какой репортаж можно написать о медитации? Он никогда не медитировал.

Посмотрите на глупость мира! Вы не посылаете журналиста писать репортаж о хирургии, если он ничего не понимает в хирургии — или посылаете? Если происходит конференция по хирургии, вы посылаете того, кто хорошо знаком с миром хирургии; только он может написать репортаж. Если встречаются физики, читают и обсуждают свои работы, и вы кого-то посылаете, вы пошлете специалиста, который знает, что такое физика. А современная физика это очень развитое явление; она требует многих лет изучения. Человек должен быть физиком. Вы не можете положиться на журналиста

широкого профиля, который пишет репортажи о посредственных политиках и их глупых речах. Вы не можете послать журналиста того же типа, когда разговаривают физики; вы должны послать специального человека, или назначить физика, чтобы написать отчет о конференции, потому что только он сможет понять.

Говорят, что при жизни Альберта Эйнштейна только двенадцать человек действительно понимали — во всем мире! — о чем он говорил. Кто может написать о нем репортаж? Только один из этих двенадцати может написать такой репортаж о Альберте Эйнштейне и его теории относительности, чтобы по меньшей мере какие-то проблески стали возможны для обычных масс.

Но когда вы посылаете журналиста сюда, вы никогда не исследуете, не заботитесь о том, чтобы он был медитирующим, чтобы он что-то знал о медитации, о йоге, о суфизме, дзен, дао, тантре. Нет, этого никто не требует.

Любой Том, Гарри или Дик считается абсолютно пригодным для того, чтобы писать репортажи о медитации, о тантре, о дао, о дзен, о суфизме. И люди полагаются на эти репортажи, хотя он никогда в жизни не медитировал. Он не знал ни мгновения медитации. Он ничего не знает о состоянии не-мысли. Он ничего не знает об этих интервалах, пространствах, когда исчезает ум, исчезает эго, исчезает время. Как он может понять? Просто наблюдая за людьми, сидящими в молчании, можете ли вы что-нибудь понять? Если кто-то сидит в молчании с закрытыми глазами?.. Вы можете сфотографировать этого человека, но вы не сможете сфотографировать то, что происходит внутри. Вы можете увидеть, что люди танцуют, что они похожи на суфиев, кружащихся дервишей; вы можете увидеть, что они танцуют, и вы напишете репортаж о том, что эти люди танцуют и прыгают — но как вы собираетесь узнать их внутренний мир?

Вам нужно участвовать! Вы должны танцевать сами. Вы должны почувствовать этот вкус. Лишь тогда, возможно, вы сможете что-то написать — лишь что-то, не все, потому что все описать невозможно, это невыразимо.

И когда пишут люди, которые не понимают, их репортажи поверхностны. Затем их читают массы, и они воспринимают в соответствии со своими идеями. Тогда непонимание нагромождается на непонимание, слой за слоем! Должно быть, в этот момент я самый непонимаемый человек в этой стране.

Ожидая своей очереди на регистрацию в мотель, Кэролайн, путешествующий коммивояжер, услышала, как служащий сказал Заброскому, стоящему перед ней, что он получил последнюю комнату. Она подождала, пока поляк отойдет от стойки, и подошла к нему.

— Вокруг на много миль нет ни одной гостиницы, а я смертельно устала, — взмолилась она. — Послушайте, вы не знаете меня, я не знаю вас, они не знают нас, мы не знаем их. Как насчет того, чтобы я провела ночь у вас в комнате?

— Мне все равно, — ответил Заброски.

Они пришли в его комнату; он разделся, разделась и она.

— Послушайте, — сказала она, — вы не знаете меня, я не знаю вас, они не знают нас, мы не знаем их. Давайте выпьем. У меня есть бутылка.

Когда они немного развеселились, она прижалась к нему и сказала:

— Вы не знаете меня, я не знаю вас, они не знают нас, мы не знаем их — давайте устроим вечеринку.

— Как так, — сказал поляк, — если вы не знаете меня, я не знаю вас, они не знают нас, мы не знаем их — кого же, черт возьми, мы будем приглашать?

Все проблемы от слова «вечеринка»! Поляк поймет это слово в соответствии со своим представлением о вечеринке. Кэролайн имела в виду что-то совершенно другое — *настоящую* вечеринку!

То, что я говорю, *совершенно* отличается от того, что понимают посторонние люди. Но это естественно, и я принимаю это. Я не жалею и не ворчу. Именно так и будет всегда.

Меня могут понять лишь те, кто глубоко любит меня, кто глубоко доверяет мне. Меня могут понять лишь те, кто готов отложить ум в сторону. В этом состоянии молчания что-то во мне касается ваших сердец, и это может начать процесс понимания.

Четвертый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Где встречаются восстание и самоотдача*?*

Прем Раджо,
Восстание и самоотдача встречаются в представлениях эго. Брось эго, и тотчас же случится самоотдача — и восстание тоже.

Я знаю, что ты хочешь сказать своим вопросом. Ты хочешь сказать, что самоотдача и восстание кажутся полярными противоположностями — как они могут встретиться? Как человек может быть бунтовщиком и преданным? Вот твой вопрос. Вот как ум думает о восстании и самоотдаче; смотря умом, ты не можешь увидеть, где они встречаются.

Человек, который отдал себя, не выглядит бунтовщиком. Бунтовщик никогда не будет подчиняться — как он может сдаться? Он умрет, но не сдастся.

* самоотдача: здесь и дальше — англ. *surrender*, дословно: сдача, капитуляция, прекращение борьбы.

Ты знаешь только один способ сдаться: когда тебя принуждают, когда это не то, что ты делаешь, а то, что тебя заставляют делать — тебя заставляют сдаться с ножом у горла. Это не то, о чем я говорю.

Я говорю о совершенно другом. Тебя никто не заставляет — ты видишь уродство эго, ты видишь страдание эго, ты видишь зловоние эго, и ты используешь мастера как предлог, чтобы отбросить эго. Мастер это всегда предлог — помни это.

Когда ты сдаешься мне, ты не сдаешься никому в частности — потому что меня как личности нет. И когда ты сдаешься, я не принимаю твою капитуляцию, помни — потому что тебе нечего сдавать, кроме ложной идеи эго.

Ты похож на человека, который считает, что он богат, но у него ничего нет, и он приходит ко мне и говорит: «Я кладу к твоим ногам все свое королевство». Я отвечаю: «Хорошо, я принимаю».

Я принимаю, чтобы ты мог избавиться от этой чепухи. У тебя ее нет, поэтому это не создаст для меня никаких трудностей.

Когда ты отдаешь свое эго, ты не отдаешь ничего настоящего, только идею. Если бы это было что-то настоящее, мастер был бы обременен столькими эго, он бы погиб! Ему пришлось бы носить Гималаи эго, жить было бы невозможно, даже ходить, даже дышать. У меня во всем мире сто тысяч саньясинов — если бы мне пришлось носить сто тысяч эго, Вивек сошла бы с ума!

Но она все равно сходит с ума по поводу других вещей — за которыми ей приходится ухаживать. Столько подарков, и она хочет, чтобы я избавлялся от них немедленно, потому что для нее становится обременительным постоянно их собирать, следить за тем, где и что, и подерживать их в чистоте. Сейчас она очень беспокоится о моих чернильных ручках. Каждый день она спрашивает: «Когда ты их раздашь?» — потому что для нее это становится проблемой. Я думаю, у меня их должно быть двести или больше, и я жду того момента, когда я смогу

дать каждому саньясину по крайней мере по одной ручке — я жду! Сейчас это стало бы проблемой для меня: кому дать, а кому не дать, поэтому я продолжаю отвечать Вивек: «Подожди немного, подожди!» И я говорю людям: «Несите еще!» Сейчас Ниранджана едет на запад специально для того, чтобы привезти как можно больше чернильных ручек. Но если бы мне пришлось хранить все эти эго, это было бы невозможно — в Лао-цзы* слишком мало места!

Я радостно принимаю ваши эго, потому что это совсем не трудно. Вы не даете мне ничего, я ничего не беру у вас. Но вы избавляетесь от этой идеи, этой фантазии, и в этом избавлении вся суть. Ты не сдаешься, потому что тебя заставляют; ты сдаешься из своего собственного понимания.

И тогда бунт случается сам собой, потому что человек без эго это самый большой бунтовщик в мире. Снова помни: когда я использую слово «бунт», я использую его не в политическом смысле. Человек без эго никогда не может быть политиком. Для политики нужны великие эгоисты; вся политическая игра это игра эго; это путешествие эго.

Когда тебя больше не обременяет эго, когда ты освободился от этого бремени, когда мастер отнял у тебя твое так называемое эго, твоя жизнь становится жизнью восстания, невероятной революции. Ты не будешь индуистом, ты не будешь христианином, ты не будешь мусульманином, ты не будешь джайном. Это революция. Ты не будешь немцем, ты не будешь японцем, ты не будешь индийцем. Это революция. Ты не будешь принадлежать ни к одной религии, ни к одной секте, ни к одному обществу, ни к одной традиции. Это революция.

И поскольку эго нет, Бог может течь сквозь тебя; становится возможным великое творчество. Это революция! Теперь ты тотально отпускаешь себя; на самом деле, в

* Лао-цзы — дом Ошо.

тебе живет Бог — не ты. А Бог не может быть рабом, Бог не может быть принижен до раба, не можешь быть низведен до раба и ты.

Прем Раджо, восстание и самоотдача несомненно встречаются — в отбрасывании эго. Но не пытайся просто понять эти вещи теоретически. Сделай нечто практическое, чтобы то, что я говорю, стало твоим опытом — потому что лишь опыт освобождает.

Пятый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я все время слышу, как индийцы слишком хвастаются своей духовностью. Что Ты об этом скажешь?*

Саджахо,
Индийцам больше нечем хвастаться! Прости их, будь к ним сострадательным. У них нет денег, у них нет больших домов, у них нет больших машин, у них нет ничего от науки, технологии. Им очень трудно поддерживать свое эго; духовность это их приют. Духовность это товар. Ею можно очень легко хвастаться, потому что никто не может доказать, что ее у вас нет, как и никто не может доказать, что она у вас есть. Она так невидима, что вы либо принимаете ее, либо не принимаете — но вы не можете ее доказать.

А почему духовность? Иногда случается так, что если ты очень жадный, ты можешь изобразить прямо противоположное, потому что это единственный способ скрыть жадность. Если ты очень злой человек, ты можешь притвориться очень вежливым, сострадательным, любящим, потому что это единственный способ скрыть свой гнев. Если ты одержим сексом, ты можешь начать говорить о брахмачарье — безбрачии. Противоположная крайность это способ это скрыть.

Индийский ум очень материалистичен, и единственный способ это скрыть это начать говорить — хвастаться — о духовности. Да, в этой стране у нас есть несколько людей, — Будда, Махавира, Патанджали, Кришна, — которые очень духовны. Но такие люди есть везде! Гераклит, Пифагор, Сократ, Плотин в Греции — такие же люди, такого же качества, такого же аромата. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Ли-цзы, Менси в Китае — тот же аромат. Христос, Экхарт, Франциск, Беме — то же измерение. Духовные люди есть везде; это не чья-либо собственность. Но индийцы хвастаются этим, я знаю.

Саджахо, я могу понять твой вопрос, потому что то, что ты видишь вокруг, это прямая противоположность. Именно поэтому они хвастаются духовностью. Каждый индеец думает, что поскольку он индеец, он Будда. Быть Буддой не так легко! Будда не имеет ничего общего с индийским происхождением.

Фактически, Будда не был индийцем, он был непальцем. Он родился на границе Индии и Непала; на самом деле, это была часть Непала. А на тех статуях Будды, которые ты видел, он не выглядит как непалец, не правда ли? Это не настоящие статуи. Он не выглядит как Бахадур! Непальцы ближе к китайцам, тибетцам, японцам — монголоидный тип. Будда совсем не выглядит как непалец.

Эти статуи не были созданы ни при жизни Будды, ни когда он умер. Эти статуи были созданы пятьсот лет спустя. И ты удивишься, когда узнаешь, что эти статуи изображают Александра Великого. В то время Александр пришел в Индию, и у него было красивое лицо, греческие черты. Статуи Будды греческие! Этот человек был непальцем, а его статуи изображают грека.

Все писания, которые вы читаете о Будде, не подлинны. Некоторые из них были переведены в тибетского, некоторые — с китайского, некоторые — с японского. Оригиналы были уничтожены индуистами — теми

самыми индуистами, которые провозглашают себя наследниками Будды. Индийцы убивали буддистов!

Пришло время, через семьсот или восемьсот лет после смерти Будды, когда все буддисты либо были убиты, либо вынуждены бежать из Индии. Индия была совершенно очищена от буддистов. Да, их убивали, сжигали заживо. Тем, кому повезло, удалось бежать. В каком-то смысле это было благословением, потому что те, кто бежал, отправились в Тибет, в Китай. Те, кто не был сильно напуган, пришли в Тибет — Тибет очень близко. Те, кто был очень напуган, пришли в Китай, Монголию, Корею, Тайвань, они просто не останавливались, шли и шли! Так была обращена в буддизм вся Азия. Вся заслуга принадлежит индуистам. А сейчас те же самые индуисты заявляют: «Мы дали рождение Будде!» Стыдитесь!

Но Индия бедна и очень материалистична. Люди не могут по-другому; бедный человек обязательно материалистичен, грубо материалистичен. Чем тогда подкармливать свое эго? Индии больше нечем похвастаться. Духовность это хороший товар — невидимый, недоказуемый. Кто угодно может сказать: «Я познал Бога». Ты не можешь доказать обратное. Возможно, он прав, возможно — неправ, но доказать это или обратное невозможно.

Пусть тебя не волнуют эти глупые люди, которые так много говорят о духовности, не зная даже ее азов. Да, возможно, они что-то знают о Ведах и Упанишадах. Возможно, они заучили несколько сутр и повторяют их как попугаи, но они не понимают, что говорят — потому что их жизнь опровергает это.

— Извините, сэр, — говорит индеец, — не вы ли тот человек, который вчера вытащил моего сына из озера?

— Да, это я, а что? — говорит смущенный спаситель. — Но все в порядке, давайте не будем больше об этом говорить.

— Не будем больше об этом говорить? — кричит индус. — А где его шапка?

Он даже не благодарен! Он пришел к этому человеку не для того, чтобы поблагодарить его за то, что он спас жизнь его сыну. Он беспокоится о шапке...

Мексиканец, итальянец и индеец обсуждают, что бы они сделали, если бы, проснувшись однажды утром, оказались миллионерами.

Мексиканец сказал, что он построил бы арену для боя быков.

Итальянец построил бы тридцать борделей, по одному на каждый день месяца.

Индеец сказал, что он снова ляжет спать и попытается заработать еще один миллион.

Если вы наблюдаете индийский ум, он действительно материалистичен. И он материалистичен не только сегодня — так было всегда, потому что двадцать пять веков назад, когда Будда говорил людям не быть материалистами, он говорил с индийцами. Даже еще до Будды, за двадцать пять веков до Будды, Парванатх говорил индийцам не быть материалистами.

Индия дала миру величайшую материалистическую философию — философию Чарвак. Греческая философия Эпикура это ничто в сравнении с той философией, которую дали миру Чарваки. Слово *чарвака* значительно; оно происходит от слова *чарувак*. Чарувак означает сладкое послание, красивое послание. Второе название философии чарвак — *локаят*. Локаят означает «популярный», «то, во что верит большинство людей». Может быть, Будда, Махавира, Паршванатх, Неминатха были возможны лишь благодаря индийскому материализму. Если люди слишком материалистичны, все

это обязательно нагоняет скуку на немногочисленных разумных людей. Это становится отвратительным, тошнотворным! Жизнь действует очень странным образом: когда общество материалистично, немногие передовые люди становятся духовными.

Сейчас Запад очень материалистичен, и там возникает великая жажда духовности. Вот почему ты здесь. Ты видишь здесь немного индийцев. Они считают, что они уже знают. Они считают, что им ничего не нужно делать — больше никаких поисков, никаких исследований. И они становятся очень хитрыми. Бедные люди обязательно становятся очень хитрыми.

Бедность это коренная причина всех грехов, всех преступлений. Поэтому они учатся окольным путям. Они становятся лицемерами: они говорят одно, делают другое. Они учатся носить маски. Ты можешь это увидеть не только в обыкновенных людях, но и в так называемых лидерах и святых, политических и религиозных. Ты больше нигде не найдешь таких лицемеров.

Самолет пересекал Атлантический океан. Мотор сломался. Выбросив весь багаж, чтобы облегчить судно, пилот сообщил пассажирам, что три человека должны выпрыгнуть из самолета, чтобы спасти всех остальных.

— Нам нужно три добровольца.

Тотчас же англичанин поднялся со своего места, закричал: «Боже храни королеву!» — и прыгнул.

Через некоторое время встал француз, сказал: «Да здравствует Франция!» — и прыгнул.

Еще через пять минут поднялся индийский политик в белоснежных домотканых одеждах, крикнул: «Да здравствует Махатма Ганди!» — и выбросил за борт мексиканца.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Как мы можем быть «радостными и безмятежными»
под угрозой атомного уничтожения?*

Джулия Брэдли,
А что нам еще делать? Времени мало — танцуй, пой, будь радостной! Если бы не было никакой атомной угрозы, ты могла бы откладывать. Ты могла бы сказать: «Мы потанцуем завтра». Но теперь, возможно, не будет никакого завтра; ты не можешь откладывать.

Впервые существование завтра очень сомнительно. Оно всегда было сомнительно, но сейчас оно абсолютно сомнительно. Индивидуально оно всегда было сомнительно: завтра может не наступить, следующее дыхание может не случиться. Индивидуальности всегда угрожала смерть, но сейчас это нечто глобальное, вселенское. Вся Земля может исчезнуть, взорваться; не только человеческие существа, но и птицы, животные, деревья, вся жизнь на земле может быть уничтожена.

Джулия Брэдли, все в твоих руках. Ты можешь стелать, рыдать и биться головой об стену; это не остановит угрозу атомного уничтожения. Фактически, это может даже приблизить ее, потому что печальные люди, несчастные люди опасны. Страдание порождает разрушительность.

Но если все человечество могло бы начать танцевать, наслаждаться, праздновать — видя, что эта угроза очень близка... В любое мгновение может начаться Третья Мировая война. У глупых политиков есть достаточно атомной энергии, чтобы уничтожить эту землю, и не только один раз — семьсот раз. Накопилось столько атомных бомб, водородных бомб, что мы можем убить каждого человека семьсот раз, хотя человек и умирает лишь однажды. Но политики хотят, чтобы все было наверняка, поэтому вас нужно убить семьсот раз. Это не обязательно, хва-

тит и одного раза — потому что мы слышали только одну историю о воскресении; это был Иисус Христос. И даже если один Иисус Христос воскреснет, и больше не будет никого, что он будет делать? Ему придется покончить с собой.

Радуйся! — потому что тогда есть возможность. Если эта Земля наполнится радостью, ее уничтожение станет менее вероятным — потому что кто будет уничтожать? Мы люди; от нас зависит решение, хотим ли мы жить или совершать самоубийство. Если мы дадим миру новый климат — климат радости, танца, пения, медитации, молитвы — если люди станут полными блаженства, веселья, смеха... Если мир будет полон смеха, очень возможно, что мы избежим угрозы ядерного уничтожения, потому что радостные люди не хотят разрушать, они хотят создавать.

А ты, Джулия Брэдли, в любом случае рано или поздно умрешь. Сохранится ли вся Земля, не имеет значения. Ты умрешь, это совершенно точно. Какое значение имеет, будет ли продолжаться мир после того, как ты умрешь? Если он продолжается, хорошо; если он не продолжается, тоже хорошо. Какое значение это имеет для тебя? Тебя больше не будет. Насколько это касается тебя, смерть абсолютно определена. И все же ты любишь, все же ты поешь, все же ты слушаешь музыку, так какое это имеет значение?

Если разрушение станет глобальным, мы должны сделать глобальным смех и танец — в той же пропорции, чтобы его уравновесить. О чем грустить? И чего ты добьешься грустью? Как это поможет? Возможно, это лишь трюк ума, пытающегося заставить тебя быть печальной; возможно, это просто защита. Должно быть, ты печальна; теперь ты пытаешься придумать как можно больше рационализаций. И это прекрасный повод: «Что ты говоришь! Ты говоришь людям петь, танцевать и радоваться, когда мир на грани разрушения? Скажи людям, чтобы они были печальны; скажи людям плакать и рыдать, чтобы они

забыли о любви и смехе!» Поможет ли это чем-нибудь? Это только приблизит вселенское самоубийство.

Но где-то в тебе есть печаль, которая не хочет покидать тебя, и это печаль пытается найти объяснения.

Дэвид происходил из ортодоксальной семьи. Однажды он объявил:

— Мама, я женюсь на ирландской девушке по имени Мэгги Койл.

Женщина застыла в шоке.

— Это очень хорошо, Дэвид, — сказала она, — но не говори папе. Ты знаешь, у него слабое сердце. И я бы не стала говорить твоей сестре Иде — вспомни, как она строга в религиозных вопросах. И не говори своему брату Льюису — он может дать тебе по лбу. Что до меня, то со мной все нормально. Я в любом случае собираюсь покончить с собой.

Должно быть, где-то глубоко внутри у тебя есть суицидальный инстинкт. Ты находишь объяснения.

Да, я знаю, над миром нависла опасность, но каждая индивидуальность всегда должна смотреть в лицо угрозе смерти. И все же Иисус говорит: Возрадуйтесь! Возрадуйтесь! И снова и я говорю вам: Возрадуйтесь! На самом деле, Иисус говорил людям: «Этот мир скоро будет уничтожен. Судный День близок». Он никогда не был так близок, как сейчас. Иисус ошибался! Прошло двадцать столетий, а он говорил людям: «При своей жизни вы увидите Судный День!» Его пророчество не исполнилось.

Фактически, он был не пророком, он был мистиком. Он говорил все эти вещи с совершенно иной целью. Он говорил: «Близок Судный День — трансформируйте себя! Не тратьте время, не откладывайте!»

Сейчас день вселенской смерти действительно близок, так что, Джулия, не откладывай. Возрадуйся, возраду-

йся, я говорю тебе снова и снова, возрадуйся — потому что, если ты можешь умереть радостно, ты трансцендируешь смерть, ты выйдешь за пределы смерти.

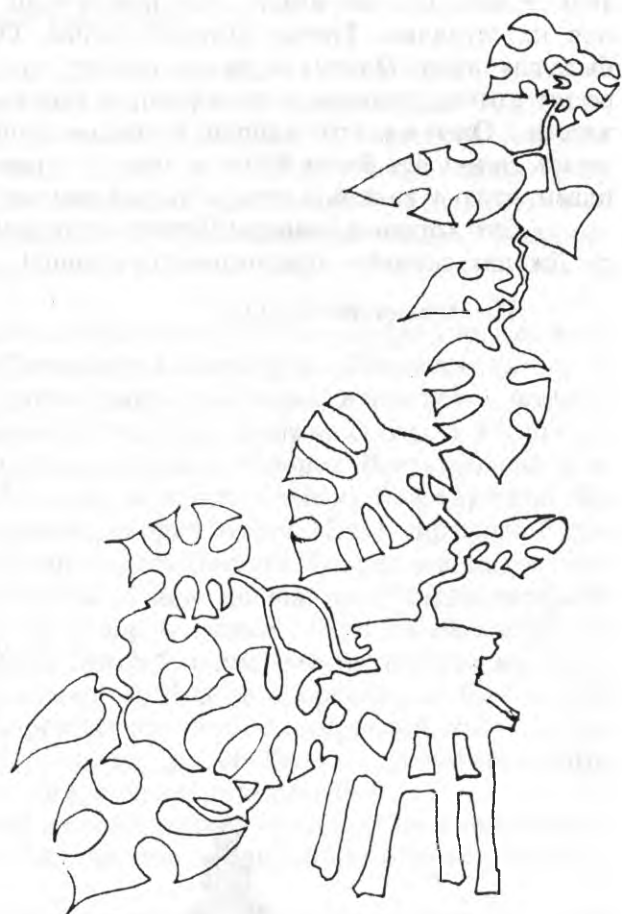
Тот, кто умирает блаженно, никогда не умирает, потому что в смерти он познает бессмертие.

И если времени мало, вы должны распространить оранжевый смех по всему миру. Пришло время, когда мы должны сделать людей более радостными. Скажите им, что смерть может пасть на Землю в любое мгновение — дни сочтены — потому что политики — дураки, и в руках этих дураков столько власти, что просто чудо, как до сих пор не случилась Третья Мировая война. Она должна была случиться. Почему ее до сих пор нет, это загадка. Со всеми этими глупыми политиками, у которых столько власти... Одно нажатие кнопки, и процесс пошел, и через десять минут вся Земля будет в огне — в огне, который плавит сталь и камень, в огне, который сжигает все.

Это хорошая новость! У тебя нет времени на ерунду. Джулия, скорей — присоединяйся к танцу!

На сегодня достаточно.

Глава 7
Видь Себя В Других

*Все существа содрагаются перед насилием.
Все боятся смерти.
Все любят жизнь.*

*Видь себя в других.
Кого тогда ты можешь обидеть?
Какой вред причинить?*

*Тот, кто ищет счастья,
Обижая тех, кто ищет счастья,
Никогда не найдет счастья.*

*Ибо твой брат подобен тебе.
Он хочет быть счастливым.
Никогда не вреди ему,
И, когда ты покинешь эту жизнь,
Найдешь счастье и ты.*

*Никогда не говори жестоких слов,
Ибо они вернутся к тебе.
Злые слова ранят
И возвращается боль.*

*Как сломанный гонг
Будь тих, будь молчалив.
Познай спокойствие свободы,
Где больше нет стремления.*

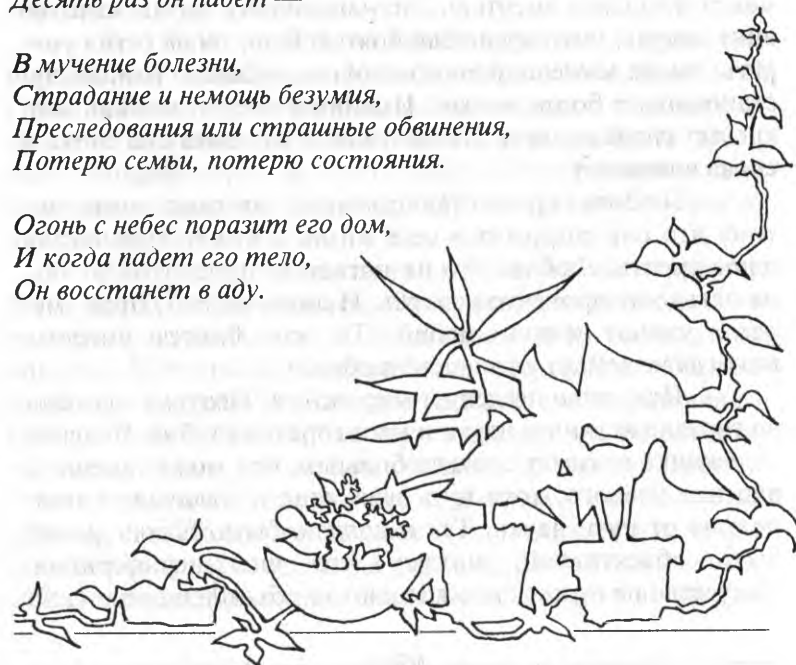
*Как пастухи, гонящие коров в поля,
Старость и смерть погонят тебя.*

*Но дурак, забываясь в своем заблуждении,
Разжигает огонь,
В котором однажды сгорит.*

*Тот, кто вредит безвредному,
Или обижает невинного,
Десять раз он падет —*

*В мучение болезни,
Страдание и немощь безумия,
Преследования или страшные обвинения,
Потерю семьи, потерю состояния.*

*Огонь с небес поразит его дом,
И когда падет его тело,
Он восстанет в аду.*

Что есть величайшая тайна существования? Это не жизнь, это не любовь — это смерть.

Наука пытается понять жизнь; поэтому она остается частичной. Жизнь это только часть всей тайны, и крошечная часть — поверхность, периферия. В ней нет глубины, она мелка. Она знает много и знает в подробных деталях, но это знание остается поверхностным — если ты знаешь океан только по его волнам и никогда не нырял в его глубины, ты не знаешь его бесконечности.

Жизнь конечна, мгновенна. В это мгновение она есть, в следующее — нет. Это порыв ветра, приходящий и уходящий... он не остается. Поэтому претензия науки на знание всей истины ошибочна. Она знает лишь частичную истину, и воспринимать часть как целое это одна из абсурдностей научного подхода. То, что знает наука, истинно, но это не вся истина. В то мгновение, когда ты объявляешь часть целым, ты искажаешь даже часть.

Любовь это полпути. Она в точности посередине между жизнью и смертью. Это наполовину жизнь, наполовину смерть; поэтому любви боятся. Если ты не готов умереть, ты не можешь познать любовь — лишь умирая, ты становишься более живым. Именно в смерти любовь воскресает снова и снова. Именно в исчезновении она снова и снова возникает.

Любовь гораздо таинственнее, чем сама жизнь, потому что она содержит в себе жизнь и что-то еще: жизнь плюс смерть. Любовь это на пятьдесят процентов жизнь, на пятьдесят процентов смерть. И лишь те, кто готов умереть, узнают жизнь любви. Те, кто боится умереть, никогда не войдут в таинство любви.

Искусство исследует мир любви. Поэтому искусство гораздо истиннее науки и идет гораздо глубже. Видение художника вмещает гораздо большее, чем может вмещать видение ученого, хотя путь искусства и отличается полнотой от пути науки. Так и должно быть. Наука может быть объективной, потому что она периферийна. Искусство не может быть абсолютно объективным; оно на

пятьдесят процентов объективно, на пятьдесят процентов субъективно. Оно не может быть свободным от наблюдающего.

Наука старается быть совершенно свободной от наблюдающего; наблюдающий не должен входить, не должен участвовать, должен оставаться абсолютно нейтральным, безучастным, зрителем. Он не должен привносить в это себя. Это научный взгляд.

Но как можно избежать знающего? Если ты действительно хочешь знать, знающий обязательно проникнет в знание.

Сейчас самые восприимчивые ученые начинают осознавать, что невозможно быть абсолютно беспристрастным: наблюдатель обязательно отражается в своих наблюдениях. Он не может быть чистым зрителем. Он будет толковать, он будет строить теории, он будет создавать гипотезы и придет с этими гипотезами. Он будет выбирать, потому что детали бесконечны. Ему придется сфокусироваться.

Кто будет решать, на чем фокусироваться, что выбирать, чего не выбирать, в каком направлении двигаться? Существование многомерно, и вы не можете двигаться сразу во всех направлениях, вы можете выбрать лишь одно направление, и этот выбор будет обязательно подвержен влиянию знающего. Но искусство понимало это с самого начала.

Когда ученый смотрит на цветок, он старается быть просто наблюдателем. Он просто отмечает, что он видит; он не привносит в наблюдение свои мечты, свое видение. У поэта больше свободы, у художника больше свободы. Он глубже движется в явление цветка. Он участвует в его таинстве, он не отделен; на несколько мгновений он становится единым с ним. Бывают мгновения, когда поэт танцует с цветком — на ветру, на солнце, под дождем. Бывают мгновения, когда поэт становится цветком, когда наблюдающий становится наблюдаемым. Бывают мгновения, когда поэт не только

смотрит на цветок, но и из цветка, он становится глазами цветка. Естественно, он погружается глубже, чем наука; он находит большие бриллианты, гораздо более драгоценные камни.

Поэзия, живопись, скульптура, музыка — они подходят к реальности ближе, потому что они готовы участвовать. Но они лишь на полпути.

Религия в основном занимается смертью. Смерть содержит все: смерть содержит жизнь, смерть содержит любовь и что-то еще, чего не может содержать ни жизнь, ни любовь. Смерть это кульминация всего, крещендо, высочайший пик. Жизнь это основание, смерть это пик — любовь где-то между ними.

Религиозный человек, мистик пытается исследовать таинство смерти. Исследуя таинство смерти, он неизбежно приходит к тому, что такое жизнь, что такое жизнь, что такое любовь. Они не являются его целью. Его целью — проникнуть в смерть, потому что, кажется, нет ничего более таинственного, чем смерть. В жизни есть некоторая тайна благодаря смерти.

Если бы исчезла смерть, в жизни не было бы тайны. Поэтому тайны нет в мертвых вещах, в трупe нет тайны — он больше не может умереть. Вы думаете, в нем нет тайны, потому что исчезла жизнь? Нет, в нем нет тайны, потому что он больше не может умереть. Смерть исчезла, а вместе с нею автоматически исчезает жизнь. Жизнь это лишь одно из средств выражения смерти.

В трупe нет тайны, потому что с исчезновением смерти исчезает любовь. Лишь мгновение назад была великая тайна; теперь нет ничего. Вы только можете пойти и похоронить мертвого, сжечь мертвого. Точка поставлена. Процесс остановился. Именно смерть приводит процесс в движение. Именно смерть заставляет вас осознавать нечто таинственное, чудесное, волшебное.

Религия основывается на исследовании смерти, а понять смерть значит понять все. Испытать смерть значит испытать все, потому что в переживании смерти ты не

только испытываешь жизнь в ее высочайшей высоте, любовь в ее глубочайшей глубине; переживая смерть, ты входишь в божественное. Смерть это двери божественного. Смертью называются двери храма Бога. Медитирующий умирает добровольно.

Есть два вида смерти. Один — это обыкновенная смерть; ею умирает каждый. Смерть мистика другая. Обыкновенная смерть случается вопреки тебе; ты идешь в нее неохотно. Ты не хочешь в нее идти, ты цепляешься за жизнь. Ты не делаешь шаг ей навстречу, ты не открываешься ей. Поэтому ты продолжаешь упускать суть.

Ты много раз умирал, но каждый раз ты умирал настолько одержимым жизнью, что не мог увидеть, что такое смерть. Твои глаза были сфокусированы на жизни, ты цеплялся за жизнь. Ты был вырван из жизни, а единственный способ вырвать тебя из жизни это сделать тебя бессознательным.

Когда хирург оперирует тебя, он делает тебя бессознательным, он делает анестезию. Именно это смерть делала веками, вечно. Если ты не можешь войти в нее радостно, танцуя, есть встроенная анестезия: перед смертью люди теряют сознание. Вот почему вы не помните своих прошлых жизней — потому что вы были так глубоко бессознательны перед смертью, что эта глава осталась закрытой.

Если человек может умереть сознательно, бдительно, он будет помнить свою прошлую жизнь. Именно так Индия открыла, что есть не только одна жизнь; вы жили миллионы жизней. Вы здесь не новички, вы очень древние паломники. Но каждый раз вы умирали неохотно, бессознательно; поэтому вы забыли все.

Мистик умирает добровольно. Мистик умирает прежде настоящей смерти; он умирает в медитации. Влюбленные что-то знают об этом, потому что половина любви это смерть. Вот почему любовь очень близка к медитации. Влюбленные знают что-то о медитативности; они натываются на нее случайно. Влюбленные знают молчание, спо-

койствие. Влюбленные знают состояние без времени; они натыкаются на него — хотя это и не было их поиском.

Мистик идет на это очень сознательно, намеренно. Медитация это тотальная смерть, добровольная смерть. Человек умирает в самом себе. Прежде чем наступит смерть, мистик умирает. Он умирает каждый день. Он входит в смерть каждый раз, когда медитирует. Он достигает этих высот, этих глубин, и мало-помалу, по мере того, как медитация становится естественной, он начинает проживать смерть. Тогда каждое мгновение его жизни это и мгновение смерти. В каждое мгновение он умирает для прошлого и остается свежим, потому что в то мгновение, когда ты умираешь для прошлого, ты становишься живым для настоящего.

Он постоянно умирает и остается свежим, как капли росы на листьях лотоса в лучах утреннего солнца. Своей свежестью, своей юностью, своей свободой от времени он обязан искусству смерти. И когда приходит настоящая смерть, ему нечего бояться, потому что он знал смерть тысячи раз. Он взволнован, очарован; он танцует! Радостно он хочет умереть. Смерть не создает в нем страха; наоборот, она чрезвычайно привлекает, притягивает его.

И поскольку он умирает радостно, он не теряет сознания и познает полностью секрет смерти. Зная это, он получает волшебный ключ, которые открывает все двери. Он владеет ключом, который открывает двери Бога.

И теперь он знает, что он не отдельная индивидуальность. Идея отделенности очень глупа. Сама идея отделенности была у него лишь потому, что он не понимал смерть. Ты считаешь себя отдельным эго, потому что ты не знаешь, что такое смерть. Если ты узнаешь смерть, его испарится. И в то мгновение, когда испаряется эго, ты начинаешь чувствовать как все существование.

Вот почему Будда учит ненасилию. Это не моральное учение, как учение Махатмы Ганди. Все учение

Махатмы Ганди — моральное, социальное, политическое. Оно обыденно; в нем нет мистицизма. Ненасилие Будды совершенно иное, качественно иное. Когда он учит ненасилию, он говорит, что нет никого, кроме тебя. Причинить кому-то вред значит причинить вред самому себе. Что-то разрушить значит разрушить себя. Быть враждебным, недружелюбным, кому-то противостоять значит идти против собственного существа — потому что есть лишь одно существо, которое пропитывает и пронизывает все.

Будда никогда не употребляет слово «Бог», но тонкими намеками он снова и снова указывает на него. Это его способ указания. Его уважение к Богу так огромно, что он чувствует, что использовать слово «Бог» было бы преступлением. Это мое понимание Будды. Он не использует это слово из огромного уважения, почтения. Его не понимали — так бывает всегда. Все будды были непоняты, потому что люди, которые пытаются их понять, не имеют прозрения, они слепы, глухи.

Будда считается атеистом. Ничто не может быть дальше от истины. Считается, что Будда против Бога. Ничто не может быть более неправильным. Почтение Будды столь велико, что он не может использовать слово «Бог». Произнести слово «Бог» значит сознать разделение; как будто «Бог» отделен от «меня». Неразделимость столь велика, единение с Богом столь велико, что даже слово не может быть произнесено.

Это было традицией в древнем Израиле: веками слово «Бог» не произносилось. Это было позволено лишь верховному священнику в храме Иерусалима, и то в полном одиночестве и лишь раз в году. Никому другому не позволялось упоминать имя Бога. Лишь один день, один раз в году, верховный священник, чистейший, самый благочестивый, самый святой из всех евреев, входил в алтарь, в сокровенный алтарь храма. Все двери должны были быть закрыты. Тысячи людей собирались вокруг храма, просто чтобы присутствовать при том, как верхов-

ный священник назовет имя Бога. Никто его не слышал — священник произносил его шепотом.

Вы не можете выкрикивать имя Бога; его можно лишь прошептать в тишине — и лишь один раз. Это красивая традиция. Она показывает почтение. Иначе такие красивые слова как «Бог» загрязняются, профанируются. Они становятся уродливыми.

Даже сейчас евреи, употребляя слово Бог, пишут его по-другому. Они не пишут полностью «Б-о-г». Они просто пишут «Б-г», пропуская «о», чтобы показать: «Мы недостаточно компетентны, чтобы использовать имя полностью». Существенная часть, центр этого слова, сама его душа пропускается. И это «о» красиво, потому что это также и символ ноля. Это не только «о», но и ноль, а ноль это сокровенное ядро Бога.

Будда называет его *шуньятой* — пустотой. «Б» и «г» это лишь периферия; это нормально, их можно использовать, но сокровенное ядро остается невыраженным. Именно из-за огромного почтения к Богу, к существованию Будда не использует это слово. Но есть намеки; для чувствительных, для восприимчивых это бесценные намеки. Намек есть в каждом предложении.

В то мгновение, когда ты сознательно умираешь в медитации, рождается Бог — потому что ты исчезаешь как эго. Что тогда остается? Тишина, тишина, несущая огромный потенциал, молчание, которое беременно — беременно целым. Когда ты исчезаешь, исчезают границы. Ты таешь и сплавляешься со всем остальным.

Поэт лишь изредка становится сонастроенным с цветком, с рассветом, с птицей в полете. Мистик становится единым с существованием навсегда. Он — цветок, и он — солнце, и он — облако, и он — луна, и он — звезды. Он начинает жить многомерно, потому что вся жизнь целого — его жизнь. Он живет в дереве как зеленый цвет, он живет в розе как алый цвет. Он — крылья птицы, он — рык льва, он — волны океана. Он есть все... как он может

быть насильственным? Как он может ранить? Как он может быть разрушительным?

Вся его жизнь становится созиданием.

Мистик предельно созидателен.

Сутры:

Все существа содрожаются перед насилием.

Все боятся смерти.

Все любят жизнь.

Простые слова, но с великим смыслом.

Все существа содрожаются перед насилием. Даже неосознательные животные дрожат перед насилием. Хотя вы и не можете заставить их осознавать, что их убивают, но все же, когда овцу собираются убить, она дрожит. Сейчас ученые обнаружили, что то же самое чувствуют и деревья. Когда дровосек приходит в сад или в лес, деревья дрожат.

Сейчас существуют такие сложные инструменты как кардиограф, которые отмечают дрожь в сердце дерева, которые могут наглядно показать, что происходит у дерева внутри. Даже когда дровосек входит в лес... Он еще ничего не сказал, он еще не срубил ни одной ветки, но в каком-то интуитивном центре возникает дрожь, которая заставляет деревья осознавать.

Ученые наблюдали это чудо: тот же самый дровосек с топором на плече входит в лес. Если он не срубил ни одного дерева, — если он просто идет мимо, направляясь в какое-то другое место, — ни одно дерево не дрожит. Кажется, будто бы само намерение дровосека — только намерение, не действие — воспринимается, предвидится деревьями.

И они открыли еще одну вещь. Возможно, вы не рубите деревья; возможно, приходит охотник и убивает тигра — но все деревья, растущие вокруг этого места, дрожат. Даже смерти тигра достаточно, чтобы сделать их

грустными, чтобы испугать их. То, что ученые поняли лишь сейчас, в последние три или четыре года, мистики знали веками.

Будда говорит: *Все существа содрогаются перед насилием*. Насилие против природы. Религиозный человек не может быть насильственным — не дело не в том, что он практикует ненасилие, помните. Если ты практикуешь ненасилие, ты становишься последователем Ганди, лжецом. Последователь Ганди это не религиозный человек. Он практикует ненасилие, он пытается быть ненасильственным — у него нет понимания. Он создает характер, но глубоко внутри у него нет сознания, которое может действовать как центр этого характера.

Мистик сначала создает сознание, затем характер следует сам собой. А моралист создает характер, но сознание не следует за этим характером. Характер это очень поверхностная вещь. В этой стране можно найти... тысячи людей практикуют ненасилие, в особенности джайны.

Буддисты забыли все, что сказал Будда. В тот день, когда Буддизм оставил Индию, он оставил и ненасилие. Сейчас все буддисты едят мясо — китайцы, японцы, корейцы. Конечно, они нашли этому объяснение. Вот это объяснение: «Мы едим мясо лишь тех животных, которые умерли естественной смертью». Поэтому в Китае, Японии и других буддийских странах вы найдете надписи на магазинах: «Здесь продается только мясо животных, которые умерли естественной смертью». Не может быть, чтобы естественной смертью умирало так много животных, чтобы обеспечить мясом всю Азию. Но этого достаточно — люди хитры.

Джайны в Индии все еще практикуют ненасилие. Но поскольку они его практикуют, оно остается фальшивым, близким к лицемерию. Это не трансформирует их существа, это не делает их сияющими, это не придает им грации и красоты. В их обычной жизни они так же полны гнева, полны амбиций, как и все остальные — и даже более. Это «более» нужно понять; для него есть причина.

Они каким-то образом заставили себя быть ненасильственными. Куда теперь девается все их насилие? Ему приходится искать новые выходы, новые клапаны. И все потому, что Махавира, который был современником Будды, сказал им: Создайте сознание, и за ним последует ненасилие — то же самое сказал Будда. Таким же образом буддисты не поняли Будду, они нашли вполне законный выход.

«Не убивайте», — говорит Будда. И они отвечают: «Мы не убиваем; мы едим только мясо животных, которые умерли естественной смертью». Это вполне законный выход.

Джайны просто последовали посланию Махавиры и стали выполнять его буквально без всякого понимания... потому что Махавира сказал: Не убивайте животных, не рубите деревья — и джайны последовали его словам, не понимая их смысла и глубины, понимая лишь мертвые буквы. Они последовали буквально и перестали заниматься садоводством, потому что при этом вам придется подстригать кусты и деревья.

Они перестали быть воинами. Махавира по рождению принадлежал к расе воинов; все двадцать четыре *тир-тханкары* джайнов были воинами. Абсолютно точно можно сказать, что все люди, которые заинтересовались джайнскими тиртханкарами, происходили — по крайней мере, большинство — из *кишатриев*, расы воинов, самураев Индии. Но они больше не могли быть воинами, им пришлось отбросить мечи.

Они не могли быть воинами, они не могли быть крестьянами, а брамины не позволили бы им быть браминами. Они и не хотели быть браминами, потому что их не интересовали писания браминов — потому что эти писания полны насилия.

В этих писаниях разрешается принесение в жертву животных; и не только: разрешаются и человеческие жертвы — вы можете приносить человеческие жертвы на алтарь Бога. Иногда даже сейчас, в двадцатом веке, это

происходит в Индии: иногда приносят в жертву ребенка, человека — даже сейчас!

Они не могли стать браминами, они не могли остаться кшатриями, воинами. Они не хотели становиться шудрами. Они не могли стать сапожниками, потому что это насилие, и их это не позволяло им стать метельщиками. Единственным выходом было стать деловыми людьми. Поэтому все эти джайны стали деловыми людьми, и все их подавленное насилие стало их амбициями, жадностью.

Поэтому джайны Индии, небольшая группа, очень небольшая группа, управляет и контролирует большинство благосостояния страны. Это богатейшая группа. Все насилие стало направлено только на одно — деньги. Вы можете обижать людей тем, что вы богаты, не обижая их никаким видимым образом. Вы можете эксплуатировать людей. Для этого не нужно их убивать, не нужно пить их кровь, но все же вы можете эксплуатировать их так, что в них не останется никакой крови. Вот что произошло с джайнами. И так будет случаться всегда, если вы сначала делаете поверхностное.

Это так же глупо, как если бы я пригласил на обед вашу тень — мне не нужно ее приглашать, она и так придет с вами. Если я приглашу тень, она не придет; она не может прийти, не можете прийти и вы, потому что вас вообще никто не приглашал.

Характер это теневое явление, сознание является центром. Характер просто отражает сознание. Поэтому эти сутры нужно понимать не как моральное учение, но как духовные прозрения. *Все существа содрожаются перед насилием.* «Все существа» значит деревья, животные, птицы, люди...

Мы так хитры, что мы продолжаем говорить, что человек — хозяин. Животные созданы для его удовольствия, деревья созданы для него. И мало того, что мы создаем разделения и различия на людей, животных и планы существования, мы создаем разделения и среди людей.

Например, Адольф Гитлер считал, что немцы, особенно нордические, самые чистые немцы, созданы Богом, чтобы главенствовать над всем миром. Все остальные расы немного ниже, чем чистые арийцы. Если они не уступят, не сдадутся, их нужно уничтожить.

Евреи всегда думали, что они избранный народ. Индуисты всегда думали, что они самые благочестивые люди, люди Бога; Бог всегда приходит в индуистские семьи, больше никуда. Индуисты всегда думали, что эта страна, Индия, это единственная священная страна. Но в этой глупости индуистов нет ничего особенного; так думают все.

Мусульмане думают, что Бог дал Мухаммеду настоящее и окончательное откровение в Коране. Больше не нужно никакого мастера, никакого Будды. Коран это точка; на Коране эволюция остановилась. На мусульман возложена ответственность и привилегия обратить все человечество в ислам. И если люди сопротивляются, их нужно убивать для их же собственного блага.

Так же и с христианами, потому что их Иисус это единокровный сын Божий, и вы можете достичь небес лишь через Иисуса — не через Будду, не через Кришну, не через Заратустру. Нет, Иисус это единственный путь, единственная истина!

Таким образом мы создали иерархию не только среди деревьев и животных, мы создали иерархию и среди людей. Все люди одинаковые. Да, есть поверхностные различия — и это хорошо. Будет очень грустно, если эти поверхностные различия исчезнут. Они делают жизнь более чарующей; они придают ей разнообразие, цвет. Они превращают жизнь в сад, полный разных цветов и разных ароматов. Небольшие различия красивы; их нужно лелеять, их нельзя уничтожать. Людей нельзя переделывать в человечество одного рода. Эти различия — между иудеями, индуистами, мусульманами и христианами — прекрасны. Различия между китайцами, японцами,

немцами, англичанами, французами, итальянцами прекрасны, но это поверхностные вещи.

В центре все человеческие существа равны и одинаковы.

Поместите двух мужчин и одну женщину на необитаемый остров, и это наверняка случится:

Если они евреи, мужчины будут играть в карты, чтобы выяснить, кто получит женщину.

Если они англичане, они будут обсуждать погоду и игнорировать женщину, потому что им интереснее друг с другом.

Если они французы, мужчины разделят женщину.

Если они итальянцы, женщина убьет одного из мужчин.

Если они эскимосы, один из мужчин объявит женщину своей и будет одалживать ее другому.

Если они американцы, они до сих пор обсуждают этот вопрос, пытаясь найти справедливое и приемлемое для всех решение проблемы.

Эти различия существуют, но они прекрасны, и их нужно лелеять. Они очаровательны, они делают землю красивой; без них было бы очень скучно.

В личном разделе лондонской газеты появилось объявление: «У нас с мужем четыре сына. Может ли кто-нибудь сказать нам, как родить дочь?»

Письма посыпались со всего мира. Американец написал: «Если не получается сразу, попробуйте еще раз».

Ирландец прислал бутылку Скотча с инструкцией выпить на ночь все содержимое.

Немец предложил свою коллекцию хлыстов.

Мексиканец рекомендовал диету из тако и жареных бобов.

Индиец предложил йогу и в особенности *сиршасану* — стойку на голове.

Француз просто написал: «Не могу ли я помочь?»

Эти различия хороши, красивы; им нужно помогать расти. Но в основе, в фундаменте это существо одно и то же, и не только у человеческих существ, но и у всех существ. Дерево имеет существо — только его тело отличается от вашего тела; у тигра есть существо — только его тело отличается от вашего тела. Различия только на периферии. Центр называется Богом.

Все существа содрожаются перед насилием. Все боятся смерти. Все любят жизнь. Нет необходимости это доказывать. Это простые наблюдения, доступные каждому. Но из них можно вывести несколько заключений. Если все существа содрожаются перед насилием, значит в насилии есть что-то неправильное, абсолютно неправильное. Оно против природы.

Разрушительность не естественна, естественно творчество. Естественна не насилие, но сострадание, не насилие, но любовь. Не гнев, не ненависть, потому что все эти вещи ведут к насилию, это семена. Любовь, сострадание, щедрость — это естественно. А быть естественным значит быть религиозным.

Все боятся смерти; поэтому: не убивай. Лучше помоги людям понять смерть. Они боятся из-за неведения. Они боятся смерти, потому что смерть это величайшее из неизвестного. Нет способа познать смерть, кроме как умереть. Помоги людям познать смерть в медитации, потому что это способ умереть и в то же время остаться живым.

Все любят жизнь; поэтому: люби. Создай контекст, пространство, в котором может вырасти больше любви. Вот что я делаю здесь: создаю пространство, где могут

течь энергии вашей любви, где у них нет преград, препятствий.

Все общества мира были слишком ориентированы на войну, поэтому они позволяли возникнуть любви — потому что, если вы позволите течь любви, война исчезнет. Если вы впустите любовь, если вы поможете любви, если вы создадите контекст, в котором она может вырасти и случиться, больше не будет возможным, чтобы люди боролись друг с другом и убивали друг друга.

Поэтому с самого начала мы должны дать военное обучение. С самого начала детей нужно учить ненависти. Индуисту говорят ненавидеть мусульманина, мусульманину говорят ненавидеть индуиста. Христианин ненавидит иудея, иудей ненавидит христианина, и так далее, и тому подобное. Каждая нация ненавидит другую нацию, и в каждой нации есть разделения, небольшие группы, которые в свою очередь ненавидят друг друга: Махараштра ненавидит Гуджарат, Гуджарат ненавидит Махараштру.

Индия это одна страна, но Север ненавидит Юг, а Юг ненавидит Север. Люди, говорящие на хинди, ненавидят людей, не говорящих на хинди, а люди, не говорящие на хинди, против тех, кто говорит на хинди.

Кажется, нас воспитали таким образом, что ненавидеть легко, привычно; мы привыкли к ненависти, и любовь стала почти невозможной. Вокруг столько ненависти, столько врагов, и ты ненавидишь почти всех. Как ты можешь любить свою жену? Как ты можешь любить своих детей? Как ты можешь любить своих родителей? И тогда к тебе предъявляются невыполнимые требования: тебе говорят любить свою жену, любить своего мужа и ненавидеть всех остальных в этом мире. Это противоречие. Ты можешь либо любить всех, либо всех ненавидеть; ты не можешь разделять.

Человек, который всех ненавидит, не может любить свою жену — это невозможно. Он привыкает к ненависти. Ненависть течет в его крови, циркулирует в его

существо. Если двадцать три часа в день ты ненавидишь, борешься, сражаешься, соревнуешься, ты думаешь, что один час дома со своей женой ты будешь любящим? Невозможно! Эти двадцать три часа подспудно продолжаются.

Поэтому полицейский становится полицейским двадцать четыре часа в сутки. Даже когда он дома со своей женой, он ведет себя как полицейский. Мэр становится мэром, служащий становится служащим двадцать четыре часа в сутки — не только в офисе, он носит папки у себя в голове целый день. Даже занимаясь любовью со своей женой, он считает, у себя в уме он делает тысячу и одну вещь. Он может быть в офисе, может быть и где-то в другом месте...

Просто понаблюдай, где ты, когда ты занимаешься любовью со своей женой. Здесь ли ты? На самом деле, с твоей женой занимается любовью кто-то другой — это просто механическое действие. И, ты думаешь, твоя жена здесь? Она тоже не здесь. Возможно, она на кухне, или думает о том, что хорошо бы купить новый холодильник — возможно, она уже идет в магазин. Возможно, она здесь; возможно, она совершенно в другом месте.

Вот почему твоя любовь тебя не удовлетворяет; наоборот, она оставляет тебя в большом разочаровании. Можешь ли ты любить своих детей? Невозможно! Как ты можешь любить своих родителей? — это люди, которые научили тебя всем видам ненависти.

Нам нужен совершенно другой мир, другое воспитание, которое не учит ненависти. Мир, который мы создали, такой странный! То, что мы до сих пор делали с человечеством, действительно невероятно: с одной стороны, мы учим их ненависти, с другой стороны, мы говорим: «Вы все братья». Мы говорим о братстве, а готовимся к войне; мы говорим о мире в мире, а готовимся к войне. Это суший невроз, это ненормально! Поэтому человек остался сумасшедшим, а причиной этого является неправильное воспитание.

Мы еще не прислушались к буддам. Пришло время! Теперь нам придется прислушаться к буддам. Если мы не прислушаемся, еще несколько лет, и человечество обречено... Мы больше не можем позволить себе не прислушиваться.

Все любят жизнь. Помогите людям больше любить. Любите себя. Радуйтесь в любви.

Видь себя в других.

Кого тогда ты можешь обидеть?

Какой вред причинить?

Поймите суть: это не моральное учение — это духовное возрождение, революция. *Видь себя в других.* Не только философски — экзистенциально. Отложи эго в сторону, и ты сможешь увидеть, что ты есть все, что жизнь едина. *Кого тогда ты можешь обидеть? Какой вред причинить?*

Тот, кто ищет счастья,

Обижая тех, кто ищет счастья,

Никогда не найдет счастья.

Если ты пытаешься искать счастья, обижая тех, кто тоже ищет счастья, ты не сможешь найти счастье, потому что ты не понимаешь даже основных вещей в жизни. Как ты можешь быть счастлив в таком невежестве?

Просто посмотри вокруг, посмотри любящими глазами, посмотри с лишенным эго умом, и ты увидишь, что жизнь абсолютно против разрушения. Жизнь это творческая энергия. Даже если иногда люди совершают самоубийство, они делают это не ради смерти, но ради жизни.

Люди, которые совершают самоубийство, это те, кто был безумно влюблен в жизнь и чувствует разочарование. В эти мгновения потери иллюзий они сходят с ума. Те люди, которые совершают самоубийство, не против

жизни, помните. Вот что обычно думают об этих людях: они против жизни. Нет, они слишком за жизнь; они настолько за жизнь, что она не может осуществить их требований. В полном разочаровании они совершают самоубийство.

Мулла Насреддин так разочаровался в жизни, что решил совершить самоубийство. Однажды вечером он ушел из города, взяв с собой хлеб. Дойдя до железнодорожной развилки, он улегся на рельсы. Проходящий мимо крестьянин остановился, удивленный странным зрелищем.

— Что ты делаешь, — спросил он, — на этих рельсах?

— Я собираюсь совершить самоубийство, — ответил Мулла.

— Тогда зачем тебе хлеб? — спросил крестьянин.

— В этой стране, — ответил Мулла, — ожидая, пока придет поезд, можно умереть с голоду.

Никто не хочет умирать. Это значит, что жизнь хочет продолжаться вечно. Фактически жизнь действительно вечна. Смерть изменяет лишь форму, она не разрушает — но создает страх, потому что это совершенно незнакомое явление.

Страх исчезает, лишь когда в глубокой медитации ты узнаешь: «Я не тело, я не ум. Как тогда может быть смерть?» Тело уйдет в землю, — прах возвратится в прах, — но сознание останется навсегда. Тогда страх исчезает. И когда исчезает страх, возникает великое желание помочь и другим рассеять этот страх — потому что люди, живущие в страхе, живут в страдании. Их жизнь, окруженная страхом, это кошмар.

Жизнь должна быть окружена любовью, не страхом. Именно страх создает гнев. Именно страх в конечном счете порождает насилие. Вы не замечали? Страх это лишь

женственная форма гнева, а гнев это мужественная форма страха. Страх это пассивная форма гнева, а гнев это активная форма страха. Поэтому вы можете очень легко преобразовать страх в гнев, а гнев в страх — очень легко.

Иногда люди приходят ко мне и говорят:

— Мы очень боимся.

Я говорю:

— Идите и бейте подушку, злитесь на подушку.

— Как это поможет?

— Просто попытайтесь, — говорю я. И это становится откровением даже для них. Если они могут побить подушку в настоящем горячем гневе, страх тут же исчезает, потому что та же самая энергия переходит в активную форму. Пока она не была активной, она была страхом.

Страх является коренной причиной ненависти, гнева, насилия.

Помогите людям не бояться. Но как помочь людям не бояться, если вы сами не знаете, что такое бесстрашие?

Тот, кто ищет счастья, обижая тех, кто ищет счастья, никогда не найдет счастья. Ты можешь найти счастье, лишь помогая другим найти счастье. Ты не можешь найти счастье один; вот что ты пытаешься сделать. Ты пытаешься быть счастливым сам и отправить всех остальных в ад. Ты не так одинок; мы соединены друг с другом. Если все остальные отправляются в ад, ты не можешь попасть на небеса, помни.

Есть прекрасная притча о Гаутаме Будде:

Он прибывает к вратам рая. Двери распахиваются перед ним, его встречает прекрасная музыка и ангелы с гирляндами цветов, но Будда отказывается войти. Он говорит:

— Я обожду здесь. Я не могу войти в двери, прежде чем войдет последнее из существ.

Ангелы убеждают его:

— Но для этого потребуется вечность... для каждого — мужчин, женщин, слонов, муравьев... Если ты хочешь, чтобы сначала вошли все существа, это займет целую вечность!

— Не стоит беспокоиться — я обожду. Я умею ждать, я знаю, как ждать. Я уже блажен навечно — что еще могут дать мне небеса? Нет ничего больше этого. Поэтому я обожду здесь, но я не могу войти в рай, пока не войдут все существа.

И история говорит, что Будда все еще ждет у врат; ангелы все по-прежнему пытаются его разубедить. Вновь и вновь они пробуют разные аргументы, но им до сих пор так и не удалось убедить его войти. Двери открыты, и Будда ждет...

У этой прекрасной притчи может быть тысяча и одно толкование. Сегодня я хочу напомнить вам об одном: даже если бы Будда и хотел войти один, он бы не смог. Он это понимает и поэтому говорит: Пока не войдет последнее существо, не войду и я — потому что он понимает, что это невозможно.

Все мы едины, мы не отдельные. Невозможно, чтобы одна моя рука вошла в рай; даже если она войдет, это будет мертвая рука, она не будет действительно моей рукой. Невозможно, чтобы один мой глаз вошел в рай, а все тело осталось снаружи. Либо я могу войти как целое существо, либо вообще не могу войти. Вот что говорит Будда.

Будда говорит: «Я только часть — целое снаружи. Я не могу войти. Я войду только с целым».

Если ты это понимаешь, весь твой подход, все твои отношения с жизнью приобретут совершенно иной аромат. Ты увидишь, что все — друзья, ты подружишься с жизнью. И в самой этой дружбе ты начнешь становиться счастливым. В этой любви ко всему в тебе возникнет великое блаженство.

*Ибо твой брат подобен тебе.
Он хочет быть счастливым.
Никогда не вреди ему,
И когда ты покинешь эту жизнь,
Найдешь счастье и ты.*

Эта сутра была неверна толкуема по меньшей мере двадцать пять столетий.

И, когда ты оставишь эту жизнь, найдешь счастье и ты. Это снова и снова истолковывалось как указание на следующую жизнь: «Когда ты оставишь эту жизнь, когда ты оставишь это тело, ты найдешь счастье» — как будто счастье это нечто, что происходит только после смерти и не может произойти при жизни. Таким образом это толковали буддисты.

Я не буддист. Буддисты толковали это в свете отрицания жизни. Мое толкование совершенно другое. И я говорю, что именно это в точности имел в виду Будда, потому что я не предлагаю философское толкование — это было и мой опыт. Что касается опыта, он не может быть другим; он не отличается от опыта Будды.

Когда Будда говорит: *И, когда ты покинешь эту жизнь...* он не имеет в виду смерть. Он просто имеет в виду этот образ жизни, этот глупый образ жизни: эту жизнь желаний, амбиций, гнева, обладания, ревности — этот глупый образ жизни. Каждый, кто не идет глубоко в медитацию, живет глупой жизнью.

Визники и Поласек пришли на распродажу, чтобы купить машину. Так как у них не хватило денег, продавец дал им верблюда.

— Эта штука работает? — спросил Визники.

— Конечно, — ответил продавец. — Этот верблюд останавливается на красный свет и бежит на зеленый.

Визники и Поласек уехали на спине верблюда, но через двадцать минут пришли обратно без животного.

— Что случилось? — спросил продавец.

— Верблюд действительно делает все, что вы сказали, — воскликнул Поласек. — Мы остановились на красный свет, и ребята в машине затормозили рядом с нами. Один из них закричал: «Смотрите на этих придурков на верблюде!» Мы слезли, чтобы посмотреть на придурков, и верблюд убежал!

Если ты согласишься на свою жизнь, если ты внимательно понаблюдаешь, ты увидишь, какой ты дурак, какой ты придурок!

Жить без медитации значит быть глупцом, потому что все, что бы ты не делал, будет неправильно. Ты не можешь поступать правильно без медитации, потому что правильные поступки растут лишь на почве медитации. На почве ума возникают амбиции, желания. А когда есть амбиции, возникает соревнование, а когда есть соревнование, ты не друг другим людям. Ты враг другим, а они враги тебе. Соревнующийся ум живет во вражде, в ненависти, в ревности; все его действия исходят из ревности. И из-за этого образа жизни человек страдает, он остается несчастным.

Когда Будда говорит: *И, когда ты покинешь эту жизнь, найдешь счастье и ты...* он имеет в виду, что, если ты оставишь жизнь амбиций, ревности, ненависти, соревнования, что, если ты оставишь эту жизнь эго, ты найдешь счастье — тотчас же, немедленно, здесь-и-сейчас. Это не случается после смерти. Дело не в том, что после смерти ты станешь счастливым. Ты можешь быть счастливым в это самое мгновение — тебе нужно только изменить образец своей жизни.

Образец жизни можно изменить двумя способами: либо снаружи, извне, — и это характер, нравственность, — либо изнутри — и это религия.

Не будь моралистом. Это не путь настоящей революции, это цирковой трюк. Моралист это эгоист нового вида. Он живет в страдании. Лишь на того, кто стал жить из центра, кто входит в свою субъективность в глубоком молчании, изольется счастье.

*Никогда не говори жестоких слов,
Ибо они вернуться к тебе.
Злые слова ранят,
И боль возвращается.*

Основа жизни: что бы ты не делал, это вернется к тебе. Если ты говоришь жестокие слова, они вернуться. Если ты обижаешь людей, обида вернется.

Однажды я был в Матхеране с несколькими друзьями. Мы пошли в одно место, которое называет Точка Эхо. С нами был один человек, и он стал лаять как собака, и все горы и долины вокруг залаляли как тысячи собак.

Я сказал этому человеку:

— Почему бы тебе не спеть песню? — потому что эти горы отразят ее. Если ты лаешь как собака, они станут собаками. Почему бы не спеть песню?

И этот человек запел песню... и до нас донеслась его прекрасная песня. Со всех гор и долин песня вернулась к нам.

Я сказал людям, которые были со мной, что жизнь это также Точка Эхо. Она дает вам то, что вы даете ей. Вам придется собрать урожай, что бы вы ни посеяли раньше. Сея семена яда, не надейтесь пожать нектар; вы не сможете получить нектар, посеяв семена яда. Яд принесет еще больше яда. Сейте семена нектара, и вы пожнете нектар.

Никогда не говори жестоких слов, ибо они вернуться к тебе. Злые слова ранят, и боль возвращается.

*Как сломанный гонг,
Будь тих, будь молчалив.*

*Познай тишину свободы,
В которой больше нет жажды.*

Это самая содержательная сутра из всех сегодняшних сутр. В этом секрет медитации, в этом заключается вся медитация.

Как сломанный гонг, будь тих, будь молчалив. Познай тишину свободы... Что такое «тишина свободы»? — свобода от желаний. Именно желания создают в тебе шум. И желание не одно, желаний тысячи, и все они пытаются привлечь внимание, требуют, тянут, подталкивают тебя им последовать. Ты разваливаешься на части, потому что тебя постоянно тянут в разные стороны.

Познай тишины свободы... Это значит «свободу от желаний». Тогда наступает тишина.

...Где больше нет жажды. Когда нет желания, нет и жажды. Когда больше нет цели, нет и жажды. Когда в тебе больше нет никаких амбиций — ни мирских, ни потусторонних, ни материальных, ни духовных, — когда ты совершенно лишен амбиций, какой шум может быть в твоём существе? Все смолкает. Это истинное молчание.

Есть и другой вид молчания. Ты можешь сидеть в позе йоги, делать глубокие вдохи, читать мантру, ты можешь снова и снова насиловать свой ум: месяцы, годы. Если ты делаешь такие вещи, через несколько лет практики ты можешь достигнуть определенного спокойствия, но оно будет навязанным, искусственным. И если ты глубоко заглянешь в себя, ты найдешь, что весь этот шум только был подавлен; он все еще бродит глубоко внутри. Его больше нет на поверхности, он ушел на дно. И это даже более опасно, потому что, если что-то есть в сознательном, от этого легко избавиться; если что-то становится бессознательным, избавиться от него становится невозможно.

Поэтому психоанализ старается привести все в сознательное, чтобы вы могли от этого избавиться. Он приносит в сознательное ваши сны, послания бессознатель-

ного — потому что единственный путь от чего-либо избавиться это начать полностью осознавать это. Тогда от вас зависит, сохранить это или выбросить, но оставаться не-сознательным значит быть жертвой. Кто-то невидимый дергает вас за веревочки, и вы не знаете, кто. Вы просто марионетка, которую тянут из стороны в сторону. Вы просто следуете неосознанным желаниям.

Психоанализ приносит ваши неосознанные желания в сознательное, но он не может сделать этого полностью — потому что даже присутствия психоаналитика достаточно, чтобы заставить вас подавлять. Лишь медитация может помочь полностью, потому что вы не выкладываете все это перед кем-то другим, вы выкладываете это перед собственным существом. Вы можете быть абсолютно свободны. Не нужно бояться, что подумают другие.

Присутствие другого всегда вызывает подавление, хотя психоаналитик и говорит: «Не беспокойся, не бойся. Я никому этого не открою — это останется в тайне, это умрет со мной». Что бы он ни говорил, его присутствия достаточно, чтобы вызвать подавление, потому что не судить для него невозможно. Если вы говорите что-то, что идет против его ума, вы можете увидеть по его глазам, что возникло суждение.

Именно поэтому Зигмунд Фрейд обычно сидел за шторой; он никогда не смотрел пациенту в лицо. Он полностью осознавал, что лицо, глаза, жесты выдают суждения, то, что вы судите. А если вы судите, возникает страх и вызывает подавление. Но даже если вы сидите за шторой, человек знает, что вы там — другой вызывает подавление.

Поэтому психоанализ помогает лишь частично. И вы прекрасно знаете, что ваш психоаналитик так же болен, как и вы, или, возможно, даже больше. Психоаналитики сами обращаются к другим психоаналитикам за психоанализом, они страдают теми же проблемами.

Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг ехали вместе в поезде; это было до того, как Юнг перестал быть учеником и предал своего мастера. Разговор шел о психоанализе, и внезапно Юнгу в голову пришла мысль. Он сказал:

— Вы психоанализировали нас всех, но вы сами так и не прошли анализ. Не хотите ли вы, чтобы кто-то из нас психоанализировал вас? Я готов! Если хотите, я могу действовать как ваш психоаналитик.

Фрейд задрожал, испарина появилась у него на лбу, и он сказал:

— Нет, никогда!

— Почему? — спросил Юнг.

— Это разрушит весь мой престиж.

— Тогда ваш престиж уже разрушен: если вы боитесь, как вы можете говорить всем остальным, чтобы они не боялись — если боитесь даже вы?

Зигмунд Фрейд боялся, потому что он носил в себе много подавленного. Некоторые вещи были настолько подавлены, что это редко можно найти в ком-то другом. Он проделал большую работу, чтобы вынести секс в сознательное человека из мира подавленного. Он сослужил человечеству великую службу, разрушив сексуальное табу, но у него самого были очень странные идеи о сексе. Он сам не понимал своего секса, сексуальности. Он сам носил все возможные мертвые, гнилые идеи о сексе. И еще он очень боялся смерти. Однажды или дважды при упоминании о смерти он даже упал в обморок; только упоминание о смерти — и он упал в обморок, потерял сознание.

И это основатель психоанализа — падающий в обморок услышав слово «смерть» и носящий в себе очень странные, глупые представления о сексе. Что говорить о других психоаналитиках — они в той же лодке, что и их пациенты, и пациенты прекрасно об этом знают.

Нет, вы не можете тотально раскрыть себя перед кем-то другим. Поэтому на Востоке мы никогда не развивали ничего подобного психоанализу — мы развивали медитацию. Это раскрытие себя перед самим собой. Это единственная возможность быть правдивым, потому что страха нет.

Свобода от желания, свобода от бессознательного, свобода от всех возможных целей приносит определенный род спокойствия, естественного спокойствия, которое возникает внутри вашего существа и начинает переполнять вас. Это могут почувствовать даже другие; это почти осязаемо.

*Как пастухи гонят своих коров в поля,
Старость и смерть погонят тебя.*

Смерть придет рано или поздно. Прежде чем придет смерть, научись умирать в медитации.

*Но дурак, забываясь в своем заблуждении,
Разжигает огонь,
В котором однажды сгорит.*

Дурак продолжает создавать себе несчастья. Вы создаете себе несчастья, потому что действуете из бессознательного, действуете из шумного, затуманенного ума. Вы не действуете из ясности; ваши действия не спонтанны; ваши действия не исходят из медитативного молчания. Они создают огонь. Вы можете думать, что создаете его для других, но все обязательно вернется к вам.

*Тот, кто вредит безвредному,
Или обижает невинного,
Десять раз он падет —*

*В мучение болезни,
Страдание и немощь безумия,*

*Преследования или страшные обвинения,
Потерю семьи, потерю состояния.*

*Огонь с небес поразит его дом,
И когда падет его тело,
Он восстанет в аду.*

Огонь с небес поразит его дом... Дело не в том, что на небесах кто-то сидит и наказывает вас: вы плюете в небо, и плевок падает вам в лицо, вы бросаете в небо огонь, и он падает на вас. Вы плывете против течения — в этом все ваше страдание.

Двигайтесь с природой. Двигайтесь в полной сонности с природой, не против течения, по течению. Не толкайте реку, плывите с нею. И жизнь будет блаженством, и жизнь будет экстазом, и жизнь будет благословением. Иначе пламя с небес поразит твой дом. *И когда упадет его тело, он восстанет в аду.* Это происходит каждый день.

Когда вы засыпаете, многим из вас снятся кошмары. Многие пишут мне: «Что делать с кошмарами?» Вы не можете ничего сделать с комарами непосредственно; вам придется изменить образец своей жизни. Кошмары порождаются тем, что вы делаете или думаете в течение дня. Ночь это просто отражение. Если ваш день полон красоты, блаженства, любви, вам не могут сниться кошмары. Если ваш день полон молчания, спокоен, совершенно лишен мыслей, содержания, — абсолютно чистый, целый, не знающий никакого беспокойства, — все сны исчезнут. Ночью вы будете спать без снов.

То же самое происходит, когда приходит смерть. Когда падает тело, тотчас же вы переживаете небеса, — если вы жили правильно, внимательно, медитативно, — или вы переживаете ад. Это не географические точки; это мгновение, когда вы покидаете тело. Ум, предоставленный самому себе, сходит с ума. Ум,

предоставленный самому себе, незанятый, создает нечто, для чего вы сеяли семена всю свою жизнь.

Сейчас мало-помалу психологи соглашаются с тем, что, когда человек умирает, тотчас же — фактически, во время смерти — он уже входит либо в кошмарный сон, — ад, — либо в очень красивое пространство — рай.

Третья возможность это не рай и не ад, не счастье и не несчастье, но лишь чистая осознанность. Это нирвана, это мокша. Нет слова, чтобы это перевести, потому что все не индийские религии — христианство, иудаизм, ислам — говорят только о двух словах: небеса и ад. Третье упускается, высочайшее упускается.

Вот почему я говорю, что эти три религии немного примитивны в сравнении с буддизмом. Буддизм достигает высочайших высот — он трансцендирует и рай, и ад.

Человек может умереть в абсолютном молчании — полностью осознавая и не испытывая ни боли, ни удовольствия. Тогда он больше не рождается. Тогда он выпрыгивает из уродливого колеса рождений и смертей. Он стал единым с космосом. Стать единым с космосом — это нирвана. Он прекратил существование отдельного существа и стал единым с целым.

Стань тихим — не насильственное молчание, не практикуемое молчание — стань естественно тихим. Понимая тщетность желания, видя абсолютную абсурдность амбиций, стань тихим — путем понимания, а не путем практики.

Как сломанный гонг, будь тих, будь молчалив. Узнай тишину свободы, в которой больше нет жажды, и ты вышел за пределы и стал запредельным...

Это цель саньясы, это цель религии. Это центральное ядро всей духовности. Наука знает лишь часть; искусство знает немного больше. Религия знает целое.

На сегодня достаточно.

Глава 8

Немного медитации...

Первый вопрос:

Возлюбленный Мастер,

Я всегда думал, что смысл науки заключается в ее пользе для человеческих существ; в том, что она помогает обеспечить достаточное количество пищи, находит лекарства от болезней, создает машины, чтобы избавить человека от тяжелой и глупой работы, и так далее, и тому подобное.

До сих пор я всегда был убежден, что что-то не так не столько с самой наукой, сколько с популярным отношением к ней: что она открывает внутренние законы жизни.

Сейчас я услышал Твои слова о том, что наука это коренная причина страдания мира, потому что она разрушает таинства жизни и таким образом ведет к нерелигиозному подходу. Против ли Ты науки?

Прем Питер,

Я не против науки, но конечно, я за науку другого рода, другого качества. Такая, как она существует сейчас, наука очень однобока; она принимает во внимание лишь материальное, она игнорирует духовное — и это очень опасно.

Если человек это только материя, из жизни исчезает весь смысл. Какой может быть смысл у жизни, если человек это лишь материя? Какая может быть поэзия, какой смысл, какая слава? Идея о том, что человек это лишь материя, отнимает у человека все достоинство. Так называемая наука отнимает у человека всю его славу. Вот почему во всем мире преобладает такое чувство бессмысленности жизни.

Люди чувствуют себя совершенно пустыми. Да, сейчас у них есть более совершенные машины, более совершенные технологии, лучшие дома, лучшая пища, чем когда-либо раньше. Но все это процветание, весь этот материальный прогресс не имеет никакой ценности, если у тебя нет прозрения — если ты никогда не чувствовал вкуса запредельного. А запредельное отрицается наукой.

Наука делит жизнь на две категории: известное и неизвестное. Религия делит жизнь на три категории: известное, неизвестное и непознаваемое. Смысл приходит из непознаваемого. Известное это то, что было неизвестным вчера, а неизвестное это то, что станет известным завтра. Между известным и неизвестным нет качественной разницы, это лишь вопрос времени.

Непознаваемое качественно отличается от мира известного и неизвестного. Непознаваемое означает, что сохраняется тайна; как бы глубоко ты в нее ни проник, ты не можешь ее рассеять. Фактически, напротив, чем глубже ты в нее идешь, тем глубже становится тайна. В жизни религиозного исследователя наступает момент, когда он исчезает в тайне, как капля росы на утреннем солнце. Остается лишь тайна. Это высочайший пик исполнения, удовлетворенности; человек приходит домой. Ты можешь назвать это Богом, нирваной или как тебе угодно.

Я не против науки — мой подход научен в своей основе. Но у науки есть ограничения, и я не останавливаюсь там, где останавливается наука; я иду дальше, я иду за пределы. Используй науку, но не будь используем ею. Хорошо иметь великие технологии; несомненно, это помогает избавиться от глупой работы, несомненно, это помогает человечеству освободиться от многих видов рабства. Технология может помочь и людям, и животным. Животные также страдают; они очень страдают от того, что мы их используем. Их могут заменить машины, машины могут делать всю работу. И люди, и животные могут быть свободны.

И я бы хотел, чтобы все человечество было свободно от работы, потому что в этом состоянии вы начнете расти — в эстетическом смысле, в чувствительности, в расслаблении, в медитации. У вас появится лучшее художественное чувство, и вы станете более духовными, потому что у вас появится время и энергия.

Я не против науки, я совершенно не антинаучен. Я бы хотел, чтобы мир становился более и более научным,

чтобы для человека открылось нечто высшее, то, чего бедный человек не может себе позволить.

Религия это высшая роскошь. Бедный человек вынужден думать о хлебе с маслом — у него не получается даже это. Он должен думать о крове, одежде, детях, лекарствах, и у него не получаются даже эти небольшие вещи. Вся его жизнь обременена этими банальностями; у него нет ни пространства, ни времени, чтобы посвятить Богу. И даже если он идет в церковь или храм, он продолжает просить лишь материальных вещей. Его молитва это не истинная молитва, она исходит не из благодарности; это требование, желание. Он хочет это, он хочет то — но мы не можем его осудить, это простительно. У него есть потребности, и он постоянно находится под давлением этих потребностей. Как он может найти несколько часов, чтобы сидеть в молчании, ничего не делая? Он должен думать о завтра.

Иисус говорит: Посмотрите на лилии в полях; они не трудятся, они не думают о завтрашнем дне. Но можно ли требовать этого от бедного человека? Если он не думает о завтра, это для него смерть. Он должен подготовиться к нему; он должен придумать, как он будет добывать пищу, где он будет работать. Он должен думать. У него есть дети и жена, у него есть старая мать и старый отец. Он не может жить как лилии в полях. Как он может избежать напряжения, работы, труда? — это было бы самоубийством.

Лилии несомненно прекрасны, и я совершенно согласен с Иисусом, но утверждение Иисус еще не может быть применено к большей части человечества. Пока человечество не станет богатым, это утверждение останется лишь теорией; у него не будет никакой практической пользы.

Я бы хотел, чтобы мир был богаче, чем он есть. Я не верю в бедность, я не верю в то, что бедность имеет какое-то отношение к духовности. Веками нам говорили,

что бедность это нечто духовное; это было просто утешением.

Вчера французская пара написала мне письмо. Должно быть, они недавно приехали, потому что они не понимают меня. Должно быть, они приехали с определенными предрассудками. Они были обеспокоены, очень обеспокоены. Они написали в своем письме: «Мы не понимаем некоторых вещей. Почему этот ашрам выглядит так роскошно? Это против духовности. Почему вы ездите в такой красивой машине? Это против духовности».

По сути дела, последние три или четыре дня я приезжал на «Импале». Это не очень красивая машина; в Америке это машина водопроводчиков! Но в некотором смысле я тоже водопроводчик — водопроводчик ума! Я вожусь с шариками и роликами. Это машина для небогатого человека. В Америке люди, которые ездят на «Шевроле Импаля» и подобных машинах — эти районы называют районами Шевроле, то есть бедными районами.

Но у этой французской пары, должно быть, есть идея о том, что в бедности есть что-то духовное. Человек так долго жил в бедности, что он вынужден был придумывать себе утешения, иначе это было бы нестерпимо. Ему пришлось убедить себя, что бедность духовна.

Бедность не духовна — бедность является источником всех преступлений.

И я хотел бы сказать этой паре: «Если вы хотите цепляться за свои верования и предрассудки, это место не для вас. Пожалуйста, уберите к черту! — и чем скорее, тем лучше, потому что здесь вас могут развратить. Вам опасно меня слушать».

Для меня духовность это совершенно иное измерение. Это высочайшая роскошь — когда у вас есть все, и внезапно вы видите, что, хотя у вас и есть все, глубоко внутри остается вакуум, который нужно заполнить, пустота, которую нужно превратить в изобилие. Человек начинает осознавать внутреннюю пустоту, лишь когда снаружи у него есть все. Наука может совершить это чудо. Я

люблю науку, потому что она может создать возможность для того, чтобы случилась религия.

До сих пор религия еще не случилась на земле. Мы говорили о религии, но она не произошла; она не коснулась сердец миллионов. Лишь изредка какой-то человек был способен стать просветленным. Если в огромном саду, где растут миллионы цветов и деревьев, лишь раз в тысячу лет на одном из деревьев появляется цветок, вы не назовете это садом. Вы не будете благодарны садовнику. Вы не скажете: «Это потрясающий садовник, смотрите: через тысячу лет одно из миллионов деревьев в конце концов зацветет!» Если происходит так, это просто показывает, что это случилось вопреки садовнику! Он почему-то забыл об этом дереве, каким-то образом он пренебрег этим деревом, и оно вырвалось из его когтей.

Человек жил нерелигиозно: конечно, продолжая говорить о Боге — продолжая ходить в церковь, в храм, в мечеть — и все же в его жизни не чувствуется аромата религии.

Я вижу религию совершенно по-другому. Она не имеет ничего общего с бедностью. Я бы хотел, чтобы вся земля стала богатой как рай — богаче чем рай — чтобы люди перестали думать о рае. Рай был создан бедными людьми лишь для того, чтобы себя утешить: «Вот, мы страдаем, но это ненадолго. Лишь еще несколько дней или несколько лет, и смерть придет и перенесет нас в рай». И, — какое утешение! — те, кто был богат здесь, будут брошены в ад.

Иисус говорит, что скорее верблюд пройдет в игольное ушко, чем богатый человек в ворота рая. Какое утешение! Бедные люди, должно быть, чувствовали себя очень удовлетворенными, довольными: «Дело всего лишь за несколькими днями: тогда ты попадешь в ад, а я буду сидеть у Бога на коленках, со всей роскошью и богатствами, со всеми радостями, которых я лишен здесь и которые имеешь ты». Идея о рае кажется всего лишь мезью.

Я бы хотел, чтобы эта земля была раем — а этого не может случиться без науки. Как я могу быть антинаучным? Питер, я не могу быть антинаучным. Но наука это еще не все. Наука может создать только периферию; центр должен быть за религией. Наука это внешнее, религия это внутреннее. И я бы хотел, чтобы человек был богат с обеих сторон: внешнее должно быть богато, внутреннее должно быть богато. Наука не может сделать тебя богатым в мире внутреннего; это под силу только религии.

Если наука продолжает говорить, что внутреннего мира нет, тогда я, несомненно, против таких утверждений — но это не значит, что я против науки, просто я против отдельных утверждений. Эти утверждения глупы, потому что люди, которые делают эти утверждения, ничего не знают о внутреннем.

Карл Маркс говорит, что религия это опиум для народа — а этот человек никогда не переживал опыта медитации. Все время своей жизни он провел в Британском Музее, думая, читая, делая заметки, подготавливая огромную работу, «Капитал». И он так старался приобрести как можно больше знаний, что много раз случалось так, что он падал в обморок в Британском Музее! Его приходилось нести домой. И почти каждый день его приходилось выгонять из Музея насильно — потому что его иногда закрывают, он не может оставаться открытым двадцать четыре часа в сутки.

Он никогда не слышал о медитации; все, что он знал, это мышление. И все же в определенном смысле он прав, старая религия действовала как своего рода опиум. Она помогала бедным людям оставаться бедными; она помогала им оставаться удовлетворенными тем, что у них есть; надеясь на лучшее в следующей жизни. В этом смысле он прав. Но он неправ, если принять во внимание Будду, Заратустру, Лао-цзы — здесь он неправ. А это действительно религиозные люди, не массы; массы не знают ничего о религии.

Я бы хотел, чтобы вас обогатили Ньютон, Эдисон, Эддингтон, Резерфорд, Эйнштейн; я бы также хотел, чтобы вас обогатили и Будда, Кришна, Христос, Мухаммед, чтобы вы стали богатыми и в том и в другом измерениях — внешнем и внутреннем. Наука хороша в том, что в ее досягаемости, но это немного — не может быть много. Я не говорю, что она может все и не делает этого. Нет, она не может идти вовнутрь вашего существа. Сама методология науки мешает ей идти вовнутрь. Она может идти только вовне, она может изучать лишь объективное; она не может проникнуть в саму субъективность. Это функция религии.

Обществу нужна наука, обществу нужна религия. И если вы спросите меня, что должно быть первым приоритетом — наука должна быть первым приоритетом. Сначала внешнее, периферия, затем внутреннее — потому что внутреннее более тонко, деликатно.

Наука может создать на Земле пространство, в котором сможет существовать настоящая религия.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему люди поклоняются мошенникам, а таких людей
как Иисус, Будда и Сократ осуждают, бьют камнями и
убивают?*

Сародж, .
Будд всегда осуждали обычные массы, но обычные массы не ответственны за это. Они несознательны. Мы не можем возложить на них ответственность. Они не могут с этим ничего сделать — они крепко спят. А будды беспокоят их сон; будды совершают все возможные усилия, чтобы их разбудить. Никто не хочет, чтобы его сон беспокоили; ему могут сниться прекрасные сны, сладкие, милые сны...

Люди хотят оставаться несознательными. Сознание им незнакомо, и они, естественно, боятся незнакомого. В известном они чувствуют себя уютно, безопасно, и все остальные в точности такие же, как они.

Когда приходит будда, возникает огромное беспокойство. Они не могут по-другому. Когда они становятся пробужденными, они познают такое блаженство, такое молчание, такие высоты экстаза, такую оргазмическую радость, что все это начинает переполнять их, и в них возникает великое сострадание. Они видят, что люди движутся, ходят во сне; они начинают трясти, будить их.

Это абсолютно естественное явление. Люди злятся, потому что ты беспокоишь их сны — и их гнев можно понять. Будды становятся сострадательными — они ничего не могут с этим сделать. Когда ты блажен, сострадание приходит как тень, она следует за тобой. Из своего сострадания они начинают будить людей. Естественно, возникает конфликт.

Люди просто не хотят, чтобы их беспокоили. Они не хотят пробуждения, они хотят опиума. Им становится хорошо; по меньшей мере, он позволяет им забыть о настоящих проблемах жизни.

Будды прекрасно знают, что пытаться будить людей значит подвергать себя опасности. Но оно того стоит... И поскольку они узнали, что они неуничтожимы — они узнали в себе вечное, что люди могут сделать с ними? Они могут распятать — пусть распинают. Тело в любом случае умрет. Они могут их мучить, но мучения не могут достичь будд. Страдание остается на поверхности, оно не может проникнуть вовнутрь. Будды остаются бдительными, внимательными, свидетельствующими. Все остается снаружи; ничто не может проникнуть во внутренний центр.

Поэтому они не чувствуют, почему они не должны будить людей, беспокоить людей. В то мгновение, когда они становятся пробужденными, они спешат к массам. Пока они не были пробужденными, они шли в леса, в горы, в

такие места, где они могли остаться в одиночестве. Все будды, — Иисус, Мухаммед, Махавира, Заратустра, — все они искали уединения. Они избегали масс, пока спали сами. Но в то мгновение, когда они проснулись, в то мгновение, когда они увидели красоту и благословение жизни, они поспешили обратно в мир, — все они, — чтобы передать людям послание, потому что людям не хватает духовной пищи, хотя они и не осознают, что они не получают этого питания. Их души спят; они живы, но на самом деле не живы.

Когда будды говорят с этими людьми, они приносят с собой совершенно новый язык. Люди не могут его понять. Они могут только неверно понять его — и они обязательно поймут неправильно, он такой новый!

Якобс пришел в магазин одежды Левина и спросил, сколько стоит костюм на витрине.

— Вы выбрали лучший костюм в моем магазине, — сказал Левин, — и, чтобы показать вам, как мне нравится иметь дело с человеком с хорошим вкусом, я делаю вам специальное предложение. Я не попрошу с вас сто долларов за этот костюм. Я не попрошу девяносто долларов. Я не попрошу семьдесят. Он обойдется вам в шестьдесят долларов, мой друг.

— Я не дам вам шестьдесят долларов, я не дам вам пятьдесят долларов. Я предлагаю сорок, — ответил Якобс.

— По рукам, — сказал Левин. — Вот как я люблю вести дела: без торга.

У людей есть определенный язык — их язык. Будды говорят на совершенно другом языке; он происходит с другого плана. Люди живут в страхе; будды живут в свободе. Люди живут в страдании; будды живут в экстазе. Как они могут общаться? Общение невозможно.

Ланаган, восьмидесяти лет от роду, умирал, и Отец Финэй пытался благословить его в последний путь.

— Откройте глаза, — сказал отец, — мы должны спасти вашу бессмертную душу.

Ланаган открыл один глаз, закрыл его и попытался заснуть. Он так сладко спал.

— Давайте, давайте, — закричал священник. — Если вы не хотите исповедоваться, по крайней мере, ответьте мне: отрекаетесь ли вы от Дьявола и всех его творений?

— Не знаю, Отец, — сказал Ланаган, открывая глаза. — В такой момент было бы не слишком умным раздражать кого бы то ни было!

Люди хотят, чтобы их оставили в покое — не беспокойте их. Но будды обязательно их беспокоят. Если кто-то и ответствен, то ответственны будды, потому что они сознательные люди. И я вправе это сказать: если люди против меня, отвечаю за это я, не они — потому что они делают то, что естественно. Но что могу сделать я? Я тоже делаю то, что естественно — но мы живем на разных планах.

Эта борьба неизбежно будет продолжаться вечно.

Три исследователя — священник, бизнесмен и суфий — проходили через опасные джунгли. С течением дней количество враждебных диких зверей вокруг них все увеличивалось, и они окружали их все теснее и теснее. В конце концов, им пришлось искать убежища на дереве.

Посоветовавшись, они решили, что один из них должен пойти за подмогой, потому что, если бы они оставались сидеть на дереве, постепенно страх, голод и усталость заставили бы их упасть прямо в пасти жадных хищников.

Но они не могли решить, кто должен идти.

— Не я, — сказал священник, — потому что я человек Бога, и должен остаться, чтобы утешить того, кто останется здесь.

— Не я, — сказал бизнесмен, — потому что я оплачиваю все это путешествие.

Суфий ничего не сказал, но внезапно столкнулся с его ветки. Он упал на землю, и тут же его схватила стая злых гиен, отогнала всех остальных животных и почтительно положила его на спину самой большой гиены. Затем, охраняя его, они повезли его в безопасное место.

— Чудо! — сказал бизнесмен. — Провидение вмешалось, чтобы спасти этого доброго человека от твоей жестокости. С этого момента и впредь, я обращен в праведную жизнь.

— Успокойся! — сказал суфий. — Потому что есть еще одно объяснение.

— Какое еще может быть объяснение? — закричал бизнесмен.

— Простое: чтобы узнать подобное, нужно подобное, — сказал суфий. — И меньшие всегда узнают своего вожака и почитают его...

Сародж, ты спрашиваешь меня: Почему мошенникам поклоняются, а будд мучают?

Мошенников легко понять; они говорят на том же языке, что и люди. Мошенников понимают, потому что мошенники служат людям в их сне, предлагают им опиум. Мошенников понимают, уважают, им поклоняются, потому что мошенники не создают никакого беспокойства — совершенно никакого.

П. Д. Успенский посвятил свою великую книгу — величайшую книгу из когда-либо написанных, «В поисках чудесного» — своему мастеру, Георгию Гурджиеву, со словами: «Моему мастеру, Георгию Гурджиеву, который потревожил мой сон навечно».

Третий вопрос:

Возлюбленный Мастер,
Я не знаю, кто я, и никогда могла узнать, кто Ты. Все, что я знаю, это что кто-то, кто бы то ни был, любит Тебя, кто бы Ты ни был.
О Возлюбленный Мастер, — Ты такое сладкое яблоко, которое можно съесть в темноте.

Прем Анурадха,
Человек никогда не узнает, кто он. Если человек узнает, кто он, должно быть, он неправ — потому что бесконечность, живущая в тебе, непознаваема, не неизвестна. Ты можешь продолжать ее исследовать...

Чтобы отправить тебя в это приключение, будды говорили тебе снова и снова: Познай себя. Не понимай их неправильно — их понимали неправильно. Поскольку Сократ говорит: Познай себя, люди думают, что они могут познать; иначе зачем бы Сократ говорил: Познай себя? Сократ не говорит, что ты можешь познать себя; он говорит попытаться познать себя. Пытаясь познать себя, ты столкнешься с непознаваемым. Само усилие познать себя приведет тебя к безбрежному океану жизни.

Ты никогда не знаешь, кто ты, ты не сможешь ответить. Ты не сможешь сказать: «Я — А, Б или В». Каково бы ни было определение, оно будет неправильным.

Когда ты становишься молчаливым, предельно молчаливым — ответа нет, все ответы, которые были у тебя раньше, растворились в новом ответе, который появился у тебя, и ты больше не помнишь даже вопроса... Когда нет ни вопроса, ни ответа, в этом глубоком молчании, в этой тишине есть новый вид знания, который никогда не становится информацией — некая осознанность, свет, который просветляет тебя, и в то же время ты не можешь никому о нем рассказать. Ты даже не можешь создать для себя историю о нем. Ты совершенно теряешь дар речи.

Анурадха, это прекрасный опыт. Именно так и должно быть. Именно это ты чувствуешь, когда подходишь ближе и ближе к сатори, к самадхи.

Ты говоришь: «Я не знаю, кто я».

Это начало настоящего знания. Состояние осознания своего невежества это первый шаг в храм Бога.

Ты говоришь: «Я не знаю, кто я, и никогда не могла узнать, кто ты».

Это также правда. Если ты не можешь узнать, кто ты, как ты можешь знать, кто я? — потому что мы это одно и то же, мы едины. Ты непознаваема, я непознаваем; мы принадлежим к одной и той же тайне, мы — части одного и того же оргазмического целого.

Это экстаз, это блаженство. Это благословение. Ты можешь танцевать это, ты можешь переполниться любовью, но это никогда не станет знанием. Да, иногда это может стать песней, Песней Соломона...

Медитируй на Песню Соломона. Это одна из самых прекрасных песен, которые когда-либо были спеты — и ее не понимали ни евреи, ни христиане. Фактически, они чувствуют некоторое смущение, потому что она кажется сексуальной. Она, несомненно, кажется сексуальной, потому что секс это единственный язык, который ближе всего подходит к духовному. Именно секс становится духовной энергией. Поэтому совершенно нормально, что Песнь Песней, Песня Соломона имеет в себе чувственность. Она так чувственна, так неподражаемо чувственна! Ничто другое не может быть написано, спето с такой глубокой чувственностью.

Но так называемый религиозный человек думает, что религиозный человек должен быть абсолютно анти-чувственным, антисексуальным; он не может быть чувствительным, он не может быть чувственным. Это совершенно неправильно. Религиозный человек гораздо чувственнее, чем кто-либо другой, потому что он более живой. А если ты хочешь выразить высочайшее, единственный способ выразить его заключается в

глубочайшем человеческом опыте — сексуальном оргазме. Экстаз нельзя выразить никаким другим путем.

Мы являемся частями органического, оргазмического целого. Все существование пребывает в глубокой чувственной игре. Да, ты можешь ее почувствовать, ты можешь ощутить ее вкус, но ты не можешь знать ее. Забудь все о том, чтобы знать! Все эти усилия это упражнение в бесполезности.

Хорошо, Анурадха, что ты понимаешь, что не можешь узнать себя, хорошо, что ты понимаешь, что не можешь узнать и меня.

Ты говоришь: «Все, что я знаю, это что кто-то, кто бы то ни был, любит тебя, кто бы ты ни был».

Это поразительно прекрасное переживание. Анурадха просто утверждает нечто невыразимое. Трудно выразить это, но она подошла очень близко; она почти попала в цель. Да, именно это происходит между мастером и учеником, потому что это величайшее любовное приключение из всех возможных. Оно ощущается в точности так: «Все, что я знаю, это что кто-то, кто бы то ни был, любит тебя, кто бы ты ни был».

Чувствуется лишь великая любовь — любовь, пульсирующая между мастером и учеником. Мало-помалу ученика и мастера становится все меньше; остается лишь великая любовь.

Ты говоришь: «О Возлюбленный Мастер, ты такое сладкое яблоко, которое можно съесть в темноте».

Да, любовь это вкус — вкус дао. Но, Анурадха, почему в темноте?

Это напомнило мне:

Раввина спросили:

— Почему еврейская жена закрывает глаза, когда занимается любовью?

— Небеса запрещают ей видеть, как ее муж хорошо проводит время!

Анурадха, почему в темноте? Позволь и мне хорошо провести время! Позволь и мне увидеть и пережить это.

Но я могу понять, почему она это говорит. Да, в темноте вкус чувствуется острее. Поскольку наши глаза бездействуют, вся энергия, которая движется в глаза, становится доступной для остальных чувств. В темноте вы лучше слышите. Если вы хотите слушать музыку, хорошо слушать ее в темноте; вы будете лучше слышать. Поскольку ваши глаза больше не работают, энергия начинает поступать в уши.

В темноте вы будете чувствовать вкус острее, потому что вся энергия будет поступать в язык, а глаза используют восемьдесят процентов вашей энергии. Когда вы едите, если вы видите, восемьдесят процентов энергии поглощается видением, и лишь двадцать — остальными четырьмя чувствами, поэтому каждое из них получает около пяти процентов. Поэтому наши остальные чувства становятся недоразвитыми. Мы не чувствуем вкуса, мы не слышим, мы не прикасаемся. Если вы прикасаетесь в темноте, вы будете чувствовать больше, вы почувствуете текстуру поверхности. А если вы слушаете в темноте, музыка проникнет в само ваше сердце.

Глаза становятся угнетателями, эксплуататорами — они становятся диктаторами. Они потребили всю энергию, на которую у них не было никаких прав; она должна быть перераспределена. Каждое чувство должно получать по меньшей мере двадцать процентов энергии. Да, иногда, если вы хотите почувствовать что-либо более глубоко, вы можете направить в это чувство все сто процентов энергии. Закройте уши, заткните их; закройте глаза, завяжите их повязкой; заткните нос — и тогда ешьте. И вы будете удивлены: вы никогда не знали таких

тонких оттенков вкуса, потому что все сто процентов вашей энергии движутся в язык.

Поэтому я понимаю, почему Анурадха говорит: «О Возлюбленный Мастер, ты такое сладкое яблоко, которое можно съесть в темноте».

Но, Анурадха, яблоко это такая опасная штука! Ты знаешь, что случилось с Адамом и Евой... Но я предлагаю вам такие же яблоки, потому что я считаю, что змей, соблазнивший Адама и Еву съесть яблоко, был величайшим благодетелем человечества. Без него вообще не было бы никакого человечества. Вас не было бы; не было бы ни Будды, ни Иисуса, ни Мухаммеда, ни Бахауддина, ни Мансура... Все это из-за змея. Змей это настоящий отец-основатель человечества — вся заслуга принадлежит ему. Это яблоко, как оказалось, имеет огромное значение.

Я ничего вам не запрещаю — никаких запретов. Я делаю все радости жизни доступными для вас. Ешьте их, питайтесь ими. Я против библейской идеи о создании запретов, наказаний, табу. Я против самой идеи о Боге, запрещающим Адаму и Еве есть яблоки с определенного дерева. Это против свободы, это против роста, это против зрелости.

Но именно так религии действовали в прошлом. Эти истории созданы так называемыми священниками. Все их представления о религии сводятся к подавлению, потому что лишь при помощи подавления человека можно обратить в рабство. Только путем подавления человека можно эксплуатировать, угнетать. Только путем подавления можно уничтожить человеческую разумность.

Ешьте все яблоки, которые только жизнь предоставляет вам. Ничто не запрещено — потому лишь путем опытов всех возможных видов человек обогащается. Пока вы не богаты по-настоящему в области опытов, — хороших ли, плохих ли, — вы никогда не станете просветленными. Просветление не доступно тем, кто жил лишь бедной, праведной жизнью. Оно не для тех, кто жил бедной жизнью грешника. Оно для тех, кто жил жизнь во всей ее

тотальности, кто познал все, что есть темного, и все, что есть светлого, кто двигался во все полярные противоположности.

Настоящая зрелость наступает, когда вы научаетесь ходить по канату: иногда наклоняясь чуть влево, чтобы сохранить равновесие, иногда наклоняясь чуть вправо, чтобы сохранить равновесие. Когда канатоходец чувствует, что он может упасть влево, он тотчас же отклоняется вправо. Если он слишком сильно наклоняется вправо, чтобы уравновесить это, он начинает наклоняться влево. Наклоняясь влево и вправо, он удерживает себя посередине.

Не верь в лево, иначе ты упадешь; не верь в право, иначе ты упадешь. Будь обоими, и в таком равновесии, в таком синтезе, чтобы ты мог идти по этому канату. Жизнь это канат, натянутый между двумя вершинами холмов. Если ты не идешь с полной осознанностью, чувствительностью, разумностью, ты не достигнешь другого берега.

Будда говорит о другом берегу. Другой берег доступен лишь тем, кто растет в разумности. Священники хотят, чтобы вы оставались глупыми, а будды хотят, чтобы вы становились более и более разумными. Отсюда весь конфликт между священниками и буддами.

Иисус был распят не преступниками, но раввинами, священниками. Сократ был распят уважаемыми людьми, не плохими людьми. Почему? — потому что Сократ пытался сделать жизнь во всей ее тотальности доступной для своих учеников. В чем было его преступление? Его преступление, за которое люди Афин — уважаемые люди, высшие круги общества — притащили его в суд, заключалось в том, что он развращал умы молодежи. Он делал жизнь во всей ее тотальности доступной для своих учеников — и был обвинен в растлении молодежи.

Меня также обвиняют в растлении молодежи. Кажется, человечество совершенно не выросло; мы движемся по кругу. Если Сократ вернется, для него не составит труда понять человека. Ему будет очень трудно понять

машину, радио или телевизор; он даже представить себе не сможет, что это за вещи и как они работают. Обычных вещей, о которых вы никогда не думаете — таких как электричество — он не сможет понять. Он будет способен прекрасно понять человека, потому что человек совсем не вырос. Человек остался прежним — он думает то же самое, он ведет себя так же по-дурацки.

Люди против меня, потому что я предоставляю вам все яблоки. Ешьте их. Живите жизнь во всей ее тотальности.

И скоро, Анурадха, — этот день недалек, — многие из вас станут просветленными при этой жизни. Я вижу, что вы движетесь ближе и ближе к той точке, в которой исчезает эго.

Сейчас Анурадха в затруднении: ее память пропадает, она не может помнить многого. И, конечно, Аруп встревожена, потому что Анурадха помогает ей писать письма, и она ничего не помнит... Даже на то, чтобы написать одно-единственное письмо, у нее уходит час. Но, насколько это касается меня, я очень доволен — это проблема Аруп! Я очень доволен. Когда прошлое исчезает, память становится совершенно другой. Теперь происходят более важные вещи, которые нужно помнить; обыденное, повседневное помнить невозможно.

Эго исчезает. Анурадха становится почти пустой. Я говорю «почти» — осталось лишь немного. Как только исчезнет это немного, на нее начнет изливаться запредельное. Первые цветы начали раскрываться, весна близка.

Анурадха, будь блаженна. Весна очень близка, и я безмерно доволен тобой.

Четвертый вопрос:

Возлюбленный Мастер,
«Он укротил своих лошадей...» Да! Но как это сделать? Как их укротить? Я либо контролирую, подавляю и

сдерживаю себя, либо мои чувства ведут меня, и меня захватывает мое «животное». И в том и в другом я чувствую напряжение, и я постоянно двигаюсь из одной крайности, подавления, к другой — захваченности.

Как выбраться из этой ловушки? Наблюдение и осознанность: все ли это, что можно сделать?

Прем Сохан,

Ты думаешь, что наблюдение и осознанность это так мало? Ты спрашиваешь меня: «Наблюдение и осознанность: все ли это, что можно сделать?»

Просто сделай это! — и ты узнаешь, что больше не нужно ничего делать. Не философствуй в этом, не размышляй над этим. Конечно, слово «осознанность» не кажется чем-то большим. И если ты посмотришь в словарь, ты найдешь значение: в нем нет ничего фантастического, потустороннего.

Ты знаешь свои проблемы экзистенциально, а решение ты знаешь лишь интеллектуально — вот в чем проблема. Тебе придется узнать экзистенциально и решение. Осознанность содержит все религии мира, все писания мира, все, что только было когда-либо сказано просветленными. Это простое слово содержит все; оно подобно маленькому ключу. Не выбрасывай его... «он такой маленький — как он может открывать двери, все двери великого дворца?» Это главный ключ! Все остальные ключи не так важны; тебе не нужен грузовик, чтобы везти его, ты можешь носить его в кармане. Он такой маленький, но он способен открыть великие двери, многие двери. Это главный ключ, который может отпереть все замки.

Осознанность это ключ.

Ты говоришь: «Как укротить?.. Я либо контролирую, подавляю и сдерживаю себя, либо меня ведут мои чувства, и меня захватывает мое «животное»»

Да, это две возможности, если ты не достиг осознанности. Либо ты подавляешь и контролируешь — а это

уродливо, это может сделать тебя неестественным, напряженным с самим собой, и в конце концов приведет тебя к безумию... потому что ты подавляешь свои собственные энергии, которые необходимо трансформировать, не подавить. Все эти подавленные энергии опасны; они взрываются.

У всех твоих чувств есть собственная жизнь. Если ты подавляешь их, они становятся тупыми, ты становишься нечувствительным. Ты становишься нечувствительным к красоте, к радости, к музыке, к поэзии, ко всему, что имеет внутреннюю ценность.

Поэтому так называемые монахи, ваши махатмы совершенно нечувствительны. Они ни в чем не умеют видеть никакой красоты, они ни в чем не находят радости. И если ты поживешь с ними хотя бы несколько дней, ты увидишь, что они убивают радость; они разрушат и твою радость, они заставят тебя чувствовать неловкость, если ты счастлив. Они будут задавать такие вопросы: «Почему ты счастлив? Что хорошего в этой жизни? Жизнь это страдание! Чему ты радуешься и смеешься? Что тут забавного? Если ты плачешь, это хорошо, слезы приемлемы — это религиозно. Но смех? — это нерелигиозно».

Только вчера один человек написал мне: «Должно быть, ты первый просветленный, который шутит шутки». Да, это правда, — по крайней мере, в этом я могу претендовать на оригинальность! Вообще-то очень трудно быть оригинальным в этом мире; ничего нового нет под солнцем. Человек существовал миллионы и миллионы лет, существовали тысячи и тысячи просветленных людей; они сделали почти все, что только можно было сделать. Я действительно искал, что еще можно сделать — что-то новое! И тогда я наткнулся на шутки. Я сказал: «Вот оно!»

Если ты подавляешь себя, у тебя не будет никакого юмора, ты потеряешь все чувство юмора. Ваши святые не могут смеяться, а человек, который не может смеяться, это не человек; он становится ниже человека. Лошади не смеются, буйволы не смеются, ослы не рассказывают друг

другу анекдотов. Смех это что-то абсолютно человеческое; ни одно другое животное не смеется. И если однажды утром, идя на прогулку, осел засмеется, ты сойдешь с ума! Ты даже не сможешь никому об этом сообщить; все подумают, что ты сумасшедший.

Смех это привилегия человека. В смехе есть нечто божественное; в смехе есть нечто, что открыто только человеку. Только человек умеет смеяться, потому что лишь человек может почувствовать абсурдное, нелепое; поскольку он умеет видеть вещи насквозь, он умеет видеть, что вся эта глупость вокруг притворяется мудростью, дураки притворяются умными, интеллектуальными — интеллигенцией.

Никогда не подавляй. Подавление разрушит все, что в тебе есть человеческого. А если уничтожено человеческое, ты не можешь достичь божественного, потому что человечность является мостом.

Человек является мостом между животным и божественным. Животное также прекрасно, потому что в животном есть живость. Вот в точности значение этого слова: «животное» происходит от того же корня, что и живость, жизнь, жизненность. Ваши святые стали безжизненными, потому что они разрушили животное. Они не укротили его, они его разрушили — они решили, что разрушить легче.

Для укрощения требуется искусство, великое искусство. Убить тигра легко. А оседлать тигра и приехать на нем домой... это опасно, трудно и требует великого искусства. И так же со всеми твоими чувствами: у них есть собственная чувствительность, некий собственный разум. Ты не замечал? — у твоих чувств есть собственный разум, их собственные маленькие умы.

Ты спишь, и по твоей ноге начинает ползти таракан, — что это может быть еще в Индии? — таракан ползет по твоей ноге, и ты продолжаешь спать; нога просто сбрасывает таракана. У ноги есть собственный ум, некая встроенная бдительность; она действует сама по себе.

Твой сон остается спокойным. Ты ешь — должно быть, твой желудок также разумен; иначе как он справился бы с таким сложным процессом пищеварения, трансформации хлеба в кровь? Ученым еще не удалось сделать это механическим способом — а он делает это и ни о чем тебя не спрашивает. Когда ты глотаешь что-то, ты забываешь об этом; теперь вся работа предоставлена желудку. А работа действительно сложная, крайне сложная: отсортировать разные элементы, отправить эти элементы в разные части тела...

Ты поранил руку. Тотчас же твоя рука, твоя кровь, твое тело начинает процесс излечения. Ум совершенно не нужен.

Помни, что, если ты силой приводишь чувства в подавленное состояние, это отнимет у тебя живость. Ты не будешь свежим, ты не будешь молодым, ты не будешь текучим. Вот что случилось с человечеством в целом: из-за ошибочных религиозных учений люди стали тупыми, глупыми.

В Советской России есть одна женщина, которая умеет читать пальцами — и не книги для слепых; она умеет читать обычные книги пальцами, с закрытыми глазами, с завязанными глазами. Она говорит, что она может видеть пальцами. Есть люди, у которых такие чувствительные пальцы, что, прикасаясь к тебе, они узнают о тебе такие вещи, которых ты даже не осознаешь сам. Просто рукопожатие скажет им о тебе многое. Твоя рука дает им всю информацию: холодная она или горячая, дружелюбная, враждебная или безразличная. Чувствительный человек, лишь обменявшись с тобой рукопожатием, уже осознает о тебе многое, знает о тебе многое.

У каждого чувства есть чем обогатить твою разумность. Поэтому, пожалуйста, не подавляй, не контролируй.

Бродя по железнодорожным путям, Исаак нашел двадцать долларов. Он прошел еще немного вперед и почувствовал, что у него на ноге мозоль.

— Ножки, — сказал он. — Я куплю вам пару новых туфель.

Он пошел дальше и вскоре почувствовал, что солнце печет ему голову.

— Макушка, — сказал он. — Я куплю тебе шикарную прохладную шляпу.

Как раз в этот момент у него забурчало в животе.

— Хорошо, брюхо, — сказал он. — Я куплю тебе хороший обед.

Исаак продолжил свое путешествие. Через пять минут он остановился, посмотрел на верх своих штанов и воскликнул:

— Эй, бездельник, а тебе кто сказал, что у нас завелись деньги?

У каждого чувства в теле есть собственный разум. Не нужно сдерживать ни одно чувство; каждому чувству нужно радостно предоставить свободу. В каждом чувстве нужно лелеять жизнь. Лишь тогда ты узнаешь, что все твои чувства создают оркестр и играют прекрасную мелодию.

Но я понимаю твою проблему; это проблема почти что каждого в этом мире. Либо ты подавляешь, либо начинаешь потакать, и ты не знаешь, как оставаться точно посередине. Потакание разрушительно. Подавление разрушительно, потакание разрушительно — потому что это две крайности. Человек постится много дней; он пытается контролировать, подавлять свой голод, потребность своего тела. Другой ест слишком много, продолжает набивать себя пищей.

Говорят, что вокруг Неро всегда было четыре врача, потому что он любил, безумно любил пищу; он был одержим пищей. Он ел слишком много, и работа врачей заключалась в том, чтобы заставить его стошнить, чтобы он снова смог есть. И он делал это много раз в день. Иначе, если ты живешь в первобытной, дикой части Африки, ты можешь есть только один раз в день... потому что веками люди ели только один раз, и этого было достаточно. Если ты живешь в Индии, ты будешь есть два раза, если в Америке — четыре раза. Но Неро ел двадцать раз в день. Это потакание, безумное потакание! И это опять же притупляет чувства. Должно быть, у него в животе было полное расстройство, должно быть, его тело чувствовало себя совершенно ненормально.

Человек должен держаться середины, золотой середины. Это учение Будды.

Вот прекрасная история из жизни Будды:

Он пришел в Шравати, один из прекраснейших городов его времени. Должно быть, это был индийский Париж тех дней, потому что его красота описывается во многих писаниях. И Будда, должно быть, очень любил его, потому что за сорок два года своего учения он приходил в Шравати, по меньшей мере, двадцать раз; ни в одно другое место он не приходил чаще. В Сарнатх он приходил только один раз — из-за комаров. В Сарнатхе действительно большие комары; комары Пуны ничто по сравнению с ними!

Когда я жил с буддийским монахом, он целыми днями сидел под сеткой — он в своей кровати, я — в своей, и мы говорили... Я сказал ему:

— Это мой первый раз здесь, и он же последний. Я больше не приеду в Сарнатх.

— А знаете, сам Будда больше не вернулся сюда.

Я этого не знал.

— Расскажите мне об этом...

— Да, он приходил сюда только один раз — в Шарвати двадцать раз, а в Сарнатх только один раз. В чем причина?

Мы стали шутить.

— Причина ясна: у него не было сетки от комаров. Должно быть, его очень мучили комары. И это настоящие чудовища, а не комары — такие большие! Должно быть, бедный Будда убежал!

Он пробыл там только один день. В Шравати он приходил двадцать раз; двадцать сезонов дождей он провел в Шравати. Сейчас Шравати почти исчез; сейчас на его месте лишь маленькая деревня. Это был большой город — десять тысяч человек — и один из прекраснейших в стране.

Королем Шравати был Шрона. Должно быть, он любил красоту; он сделал город таким красивым — прекрасные озера, дороги и дворцы. И он приглашал к себе всех художников, музыкантов, поэтов — его двор был полон талантливых людей. Вокруг него были красивейшие женщины. Он жил в большой роскоши. Он проводил свое время, двигаясь от одного удовольствия к другому. Естественно, вскоре он пресытился, ему надоело, он устал.

И тогда пришел Будда. Этот Шрона чувствовал, что ему так наскучила жизнь, что он пришел послушать Будду — может быть, ему есть, что сказать. Он чувствовал такую безысходность, такую полную безысходность, что в последнее время стал подумывать о самоубийстве. Увидев Будду и его божественную красоту, его грацию, — а Шрона был очень эстетическим человеком, — он тут же влюбился в него.

Он не вернулся во дворец. Он сложил руки и попросил Будду:

— Дай мне саньясу. Посвяти меня.

Будда чувствовал некоторое колебание, потому что он все знал о Шроне и его жизни; ему было бы трудно. Наверное, он не пробовал воды много лет; вино было единственным, что он пил. Он так потакал себе, что мгновение Будда колебался.

Но Шрона сказал:

— Не нужно колебаться. Я пресытился своей жизнью, с ней покончено! Если ты не дашь мне саньясу, я покончу с собой — и это будет на твоей совести!

Это и мое собственное наблюдение: человек действительно становится саньясином, лишь когда он подходит к такой точке, где у него есть лишь две возможности: самоубийство или саньяса.

Будда тотчас же дал ему посвящение, потому что он не хотел быть ответственным за его самоубийство. Но произошло то, чего Будда не ожидал. Шрона стал прямой противоположностью того, чем он был до сих пор. До сих пор он полностью потакал себе абсолютно во всем. Теперь он стал великим аскетом, и до такой степени, что начал мучить свое тело, он стал мазохистом. Он лежал на колючках, он стоял на жарком солнце. Он не жил так, как жили другие саньясины: разумно, уравновешенно, жизнью золотой середины. Нет, он ударился в другую крайность. Через шесть месяцев его стало невозможно узнать, таким он стал худым и темным. Он был красивым человеком; он стал безобразным. Он морил себя голодом. Буддийские саньясины обычно ели один раз в день, он же ел три раза в неделю — и то немного!

Так бывает: люди легко ударяются в противоположную крайность. Ум живет в крайностях — он легко бросается из одной крайности в другую. Труднее всего оставаться посередине, потому что, чтобы оставаться посередине, нужна осознанность. Раньше ты был бессознательным

человеком и потакал себе, теперь ты бессознателен в качестве великого аскета. Сначала ты набивал себя пищей и был несознателен, теперь ты моришь себя голодом и остаешься несознательным.

Человек сознания живет посредине: ни слишком мало, ни слишком много. Он всегда дает уму и телу все, что им нужно. Его жизнь имеет очень ритмичное качество. Он отзывается на требования своего тела очень сознательно, ответственно, но не впадает ни одну из безумных крайностей.

Через шесть месяцев Будде пришлось прийти к нему. Все тело Шроны было в ранах, потому что он лежал на колючках. Он вонял, потому что он перестал мыться; он подумал, что и это слишком роскошно...

В Индии джайнские монахи не моются и не чистят зубы, потому что это считается слишком материалистичным — вы украшаете тело. С джайнскими монахами очень трудно разговаривать. Они обычно приходили сюда раньше, но, к счастью, больше не приходят. С ними было трудно говорить, потому что их дыхание пахло просто невероятно, и запах их тел был просто нестерпим! Но это считается великим отречением.

Будда пришел поговорить со Шроной. Он был болен и весь изранен, почти при смерти. Будда задал ему один вопрос:

— Шрона, я пришел, чтобы задать тебе один вопрос. Я слышал, что когда ты был королем, ты очень красиво играл на ситаре. Ты очень любил ситар и учился играть всю жизнь.

— Да, это правда, — сказал Шрона.

— Поэтому я пришел, чтобы спросить тебя об одном: если струны ситара слишком свободны, получится ли какая-нибудь музыка?

— Нет, как может получиться музыка? Если струны слишком спущены, играть музыку нельзя.

— А если струны натянуты слишком туго, получится ли музыка?

— Нет, это тоже невозможно. Если струны натянуты слишком туго, они порвутся.

— Скажи мне, когда возможна музыка?

— Есть одна точка точно посредине, когда нельзя сказать, что струны слишком спущены, и нельзя сказать, что они слишком натянуты. Привести струны к этой средней точке это великое искусство — точно посредине, не отклоняясь ни в ту, ни в другую сторону; вообще не отклоняясь, точно посредине.

Будда встал и сказал:

— Шрона, мне больше нечего сказать. Я просто пришел, чтобы напомнить тебе, что жизнь следует тому же закону. Будь посредине. Из слишком вольной жизни ты ударился в слишком строгую. Вот почему ты не достигаешь музыки, которая называется нирваной, которая называется медитацией.

Прем Сохан, точную середину нельзя найти без осознанности. И не говори: «Наблюдение и осознанность: все ли это, что можно сделать?»

Да, это все. Это больше, чем тебе нужно и больше, чем тебе когда-либо понадобится. Это удовлетворит все твои нужды. Это научит тебя, как не потакать и не подавлять. Это сделает тебя таким бдительным, что ты станешь просто свидетелем. А когда человек это просто свидетель своих чувств, он наслаждается, и все же остается сверху. Он становится листом лотоса, живущим в воде, и все же не касающимся воды.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Я очень ревнивый человек, особенно если это касается
моей жены. Я прихожу в ярость, даже если она на кого-
нибудь смотрит. Что мне делать?*

Гьянешвар,
Это не имеет ничего общего с твоей женой. Если бы не
было жены, ты чувствовал бы ревность по какому-то дру-
гому поводу.

Всегда помни: не заботься слишком о внешних
причинах, потому что причины у тебя внутри. Снаружи
только поводы; причины у тебя внутри. Ты полон
ревности; жена действует просто как повод. Не
беспокойся слишком о поводе, потому что это пустая
трата времени. Загляни внутрь себя: ты ревнив?

Ревность означает эго, ревность означает несозна-
тельность. Ревность означает, что ты не узнал ни одного
мгновения радости и блаженства; ты живешь в страдании.
Ревность это побочный продукт страдания, эго, несозна-
тельности.

Забудь о своей жене; иначе, если ты будешь беспо-
коиться о жене, это будет способом убежать от настоящей
причины. Настоящая причина всегда внутри. И это каса-
ется не только ревности, помни, но и всех проблем — жад-
ности...

Кто-то приходит ко мне и говорит: «Я очень жад-
ный к деньгам. Как мне избавиться от жадности к день-
гам?» Дело не в деньгах. Жадность есть жадность. Если ты
избавишься от жадности к деньгам, ты станешь жадным к
Богу; жадность все равно сохранится.

В тот вечер, когда Иисус прощался со своими учениками,
один из них сказал ему:

— Господи, ты покидаешь нас. В умах всех твоих
учеников есть лишь один вопрос. В Царстве Божьем ты
будешь сидеть по правую руку самого Бога — очевидно,
ты будешь правой рукой. А кто будет сидеть рядом с
тобой? Кто из двенадцати апостолов будет сидеть рядом с
тобой? Это самое важное для нас. Пожалуйста, скажи что-
нибудь; иначе, когда ты уйдешь, мы не сможем этого
решить и будем все время ругаться и ссориться друг с
другом.

Вот это ревность! Что за ученики были у Иисуса?
Насколько я могу заметить, Иисусу не очень повезло с
учениками. Будде повезло гораздо больше. Никогда за
всю его жизнь ни один из его учеников не задавал ему
таких дурацких вопросов. И это апостолы, двенадцать
апостолов — его посланники миру!

Помни, если отброшена жадность к деньгам, она
тут же фокусируется на чем-то другом. Поэтому вот пер-
вое, что нужно помнить: жена тут совершенно не при чем,
все дело в тебе. Забудь о жене совершенно, не впутывай ее
в эту проблему. Проблема не в ней, проблема в тебе! При-
ми ответственность, и вещи начнут меняться.

Если ты принимаешь ответственность, если ты ду-
маешь: «Я за это отвечаю и никто другой», ты не будешь
злиться на свою жену. Вы не будете ссориться и пилить
друг друга, ты не будешь ее изводить. Ты начнешь смот-
реть глубже и глубже. И в самом этом поиске ты начнешь
осознавать. Именно это осознанность, именно так человек
становится осознающим.

И когда ты полностью осознаешь свою ревность,
тебя ждет сюрприз: когда ты полностью осознаешь ее, она
исчезает. Она просто исчезает, исчезает бесследно.

Двое мужчин пресытились миром и решили оставить
своих жен, детей и работу ради спокойствия дикой

природы. Они остановились, чтобы закупить припасы, в магазине, который содержал один мудрый старик.

— Возьмите вот это, — сказал отшельникам старый владелец магазина, и протянул им доску, обшитую мехом норки, с небольшим отверстием посредине, которое также было обшито мехом.

— Ни в коем случае! — закричали они. — Мы знаем, для чего эта доска, и я тебе скажу: с этим покончено навсегда!

Но мудрый старик сунул доску в одну из сумок так, чтобы они не заметили.

Через три года один из отшельников снова пришел в магазин этого старика.

— Привет, привет! — крикнул владелец магазина. — Где твой товарищ?

— Мертв.

— Что случилось?

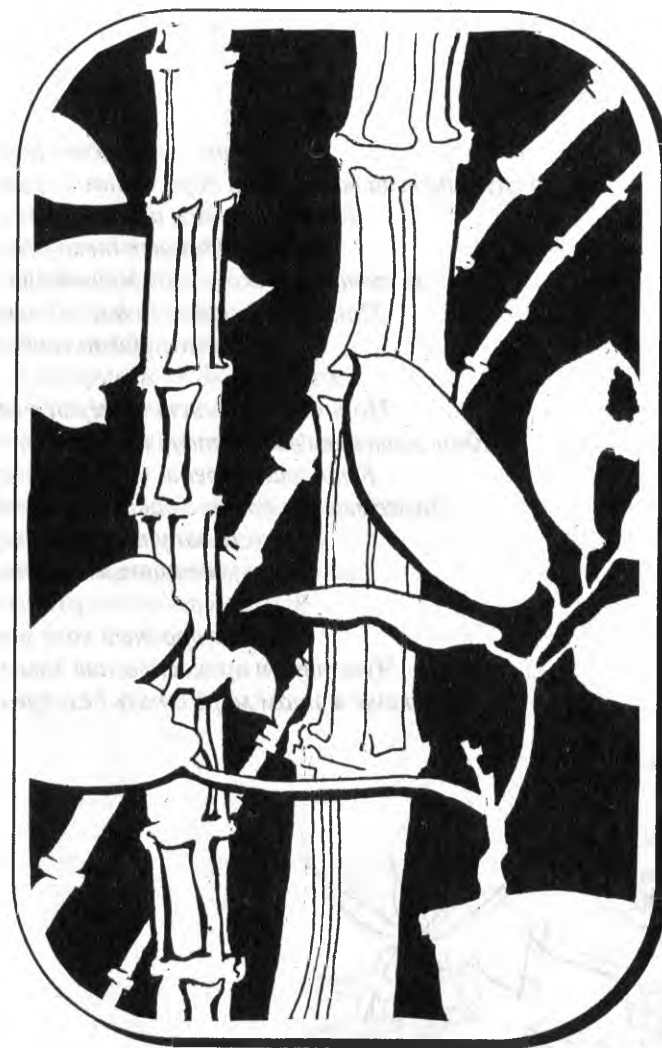
— Я поймал его в постели с моей доской и застрелил.

Дело не в жене — подойдет даже доска: «Моя доска...» Это вопрос эго, а эго существует, лишь если ты живешь в бессознательном, в темноте. Эго существует лишь в темной ночи души.

Привнеси вовнутрь немного света. Немного медитации... Сиди в молчании, ничего не делая, глядя вовнутрь. Сначала ты найдешь только мусор. Не беспокойся — продолжай смотреть. Через некоторое время, от трех до девяти месяцев, мусор кончится, и тебя начнет озарять молчание, и возникнет спокойствие.

В этом спокойствии ты начнешь осознавать себя и все, что окружает тебя. Это состояние — самадхи, и познать его значит познать все, быть им значит быть всем.

На сегодня достаточно.

Глава 9

Проснись Для Закона

Тот, кто ходит голый,
Со спутанными волосами и обрызганный грязью,
Кто постится и спит на земле,
Осыпает тело пеплом
И сидит в бесконечной медитации —
Пока он не свободен от сомнений,
Он не найдет свободы.

Но тот, кто чист и уверен в себе,
Кто живет в спокойствии и добродетели,
Кто лишен вреда, обид и упреков,
Даже если он носит красивые одежды,
Пока у него есть вера,
Он — истинный искатель.

Благородный конь редко
Чувствует прикосновение хлыста.
Кто еще в этом мире столь безупречен?

Тогда как благородный конь,
Послушный шпоре,
Пылай и будь быстр.
Верь, медитируй, видь.
Будь безвреден, будь безупречен.
Проснись для закона.
Освободись от всего страдания.

Крестьянин подводит воду к своей земле.
Лучник оперяет свои стрелы.
Плотник обрабатывает дерево.
А мудрец овладевает собой.

Гаутама Будда не имеет никакой философии жизни. Он вообще не философ. Он — человек прозрения, он мудр; он знает, как видеть жизнь, реальность. У него есть способ видения, но не философия жизни. У него есть способ жить, но не философия жизни.

Философия жизни это ложный заменитель — способ избежать трансформации своего существа. Ты можешь научиться красивым словам, системам мысли, идеологиям, и ты можешь так огрубеть от них, что совершенно забудешь, что ты так и не знаешь самого себя, что ты не умеешь видеть собственную слепоту, что ты не сумел создать свет в собственном сердце, что этого пламени нет, что ты живешь в глубокой темноте; что твоя жизнь может быть очень изощренной, культурной, но это не истинная жизнь. Ты живешь на поверхности жизни; ты не знаешь ее глубин и ее высот. У нее есть и высокие вершины, и глубокие долины, но чтобы достичь этих долин и вершин, тебе придется пройти через алхимический процесс.

Будда — алхимик. Он показывает тебе способ трансформировать свои энергии из их низкого состояния к высочайшему центру действия, из грязи в лотос, из грубого металла в золото, из камней в бриллианты. Он — ученый внутреннего. Его подход очень научен; это совершенно не философия.

Именно поэтому он не соответствует индийскому уму; индийский ум слишком философский. Индийский ум выучил слишком много жаргона, он стал очень искусен в том, чтобы создавать путаницу. Будда совершенно не заботится об этой чепухе. Он подходит к проблеме непосредственно.

Проблема в том, что мы живем с темнотой в сердце — как превратить эту темноту в сияние? У нас есть потенциал, но мы не знаем, как претворить этот потенциал в жизнь. Будда очень прагматичен, очень практичен, первый человек, который настолько прагматичен в отношении внутреннего мира, в отношении субъективности. Людей очень интересуют философии

жизни. Если у них нет никакой философии, они чувствуют, что им чего-то не хватает. Людей интересуют фальшивые слова, потому что они ничего не стоят. Ты можешь быть индуистом, ты можешь читать Веды, Гиту и Упанишады, и ты станешь очень знающим. Ты можешь стать великим попугаем, ты можешь стать пандитом, великим школяром, ты можешь часами говорить о великих вещах, но твоя жизнь останется обыкновенной — она будет лишена прикосновения запредельного.

Ты можешь быть мусульманином или христианином — в мире тысячи идеологий — ты можешь быть католиком или коммунистом. Неважно, во что ты веришь. Вот что действительно имеет значение: способен ли ты видеть? Есть ли у тебя глаза, чтобы увидеть таинство существования? Есть ли у тебя сердце, чтобы почувствовать его волшебство? Открыт ли ты, доступен ли ты, уязвим ли ты для неизвестного? И когда зовет неизвестное, достаточно ли у тебя храбрости, чтобы плыть в необозначенные на картах моря, не зная, что будет дальше? Хватит ли тебе духу?

У Гольдберга было смутное чувство, что ему чего-то не хватает в жизни. Однажды вечером он был особенно подавлен и сказал своей жене о своей тоске неизвестно по чему.

— Но Сэм, — заверила его жена, — у тебя есть все!

— Я знаю, я знаю! Но у меня нет философии жизни — и я хочу ее иметь.

— Сэм, зачем она тебе? Ее нет ни у одного из наших соседей!

Но это действительно проблема — у соседей она есть. Кто-то индуист, кто-то мусульманин, кто-то христианин, кто-то иудей, кто-то коммунист; кто-то говорит о «Капитале», кто-то говорит о Гите, кто-то говорит о Ко-

ране, и ты начинаешь чувствовать, что тебе чего-то не хватает, потому что ты не можешь говорить о великих вещах. Ты начинаешь чувствовать, что, должно быть, эти люди знают, о чем они говорят. Они ничего не знают. Они так же слепы, как и ты, а может быть, еще более слепы. По меньшей мере, ты свободен от философий — а это основное препятствие к видению.

Первое, что нужно понять о Будде и его подходе: он не пытается дать вам никакого учения. Несомненно, он хочет дать вам науку — но он не заинтересован в том, чтобы сделать более изощренными ваши умы. Он хочет, чтобы вы отбросили ум. Изощренный он или нет, ум это препятствие, которое преграждает дорогу. Не-ум это способность видеть; ум это способность верить, но это не способность видеть.

Поэтому Будда придал медитации совершенно новый смысл. До него медитация была концентрацией в начале и созерцанием в конце.

Но и концентрация, и созерцание это части ума; ум прекрасно умеет играть в эти игры. Ум очень заинтересован в концентрации, потому что в ней он становится сильнее. Концентрация это питание. Ум заинтересован и в созерцании, потому что в созерцании становится доступной более тонкая пища, более тонкое питание.

Если ты концентрируешься, ты становишься ученым, изучающим объективный мир; если ты созерцаешь, ты становишься великим философом. Но пока ты не узнаешь, что такое медитация, тебе никогда не стать мистиком; а не будучи мистиком, ты упустишь все — вся твоя жизнь будет пустой растратой.

Эти сутры чрезвычайно значительны. В некоторых местах перевод не очень аккуратен, но в целом он дает вам суть. Каждый раз, когда я увижу, что перевод неаккуратен, я напому вам об этом. Эти несоответствия неизбежны — потому что на западе никто не говорил так, как Будда; поэтому ни на один западный язык перевести слова Будды аккуратно, адекватно невозможно.

Иисус был буддой, но его манера говорить не была манерой Будды. Иисус говорил так, будто бы он обращался к детям в начальной школе — и именно так и было. Люди, с которыми он говорил, были в очень, очень начинающем состоянии. Ему приходилось использовать притчи, метафоры. Ему приходилось использовать антропоцентрические выражения: Царство Божье — нет ни Бога, ни Царства. И Иисус это знал! — но ему приходилось говорить словами, которые люди могли понять.

Люди могут понять, что такое король — и тогда Бог это величайший король. Но разница в количестве, не в качестве. У королей есть королевства; поэтому у Бога, величайшего из королей, должно быть и величайшее королевство. Но снова различие в количестве, а не в качестве. И, поскольку это не качество, это упускает всю суть, промахивается мимо мишени.

Бог это не человек, но присутствие. И у Бога нет царства, потому что сам Бог это пронизывающее все присутствие жизни, красоты, музыки, поэзии. Он распространяется по всему космосу; он не отделен от него. Он не творец, он — само явление творчества. Но Иисус не мог так говорить — а Будда мог.

Будда говорил с очень древним народом, с народом, который был хорошо знаком с высшими высотами — и даже эти люди не могли понять. Иисусу приходилось использовать язык, который можно было понять. Иисус был сыном плотника; он сам знал лишь язык обычных людей. Будда происходил из королевской семьи, он был сыном короля, — очень утонченным, — он знал все о философии и пресытился этим; он знал все прекрасные притчи, истории, мифы, и покончил с ними. Он видел их насквозь, он видел то, что они занимают людей, но не трансформируют их. Он отбросил все это как несущественное; он говорил только о существенном. Он был лаконичен как телеграмма: он не говорил ни одного лишнего слова. Он использовал слово, лишь если это было абсолютно необходимо.

И, конечно, он изменял смысл слов; это всегда происходит, когда пробужденный, будда, использует слова. Он придает древним словам новый цвет, новые оттенки, новые значения. Будда преобразовал слово «медитация». Медитация всегда была умственным явлением, а Будда привнес новое качество, совершенно новое значение, диаметрально противоположное старому: он сказал, что медитация это состояние не-ума. Это не концентрация, это не созерцание. Это не мышление, это не размышление о Боге. Это даже не молитва — потому что мышление принадлежит уму, интеллекту; молитва эмоциональна. Это другая сторона головы, не очень далеко от ума; другой язык, используемый другой стороной головы.

Сейчас ученые соглашаются с тем, что в мозге есть два полушария. Левое полушарие говорит языком интеллекта, логики, арифметики; правое полушарие говорит языком эмоций, чувств, сантиментов. Но и то и другое это стороны одной и той же головы.

Будда был первым, кто на это указал: концентрация, созерцание принадлежат одной стороне головы, левому полушарию; молитва, поклонение принадлежат правому полушарию. Но и то и другое от головы, а истинный ищущий должен выйти за пределы головы; он должен трансцендировать двойственность головы, разделение головы. Лишь когда ты трансцендируешь разделение, ты можешь стать единым.

Поэтому он придает совершенно новое значение слову медитация, *дхиана*. Он придает этому значение: не-ум. Вам придется постоянно об этом помнить. Каждый раз, когда появляется слово «медитация», помните, Будда имеет в виду не-ум.

И второе: когда вы встречаете слово «верование», будьте осторожны. Будда никогда не имеет в виду то, что вы подразумеваете под словом «верование». Его слово — *шраддха*. Шраддха означает не верование и даже не веру; он имеет в виду доверие, а это совершенно иное явление.

Шраддха означает состояние тотального доверия. Верование это не тотальное доверие; сохраняется подавленное сомнение. Верование это маскировка. Ты сомневаешься, но накрываешь это сомнение одеялом — верованием. Ты боишься сомнения. Сомнение беспокоит тебя, и ты цепляешься за верование, но верование никогда не выведет тебя за пределы сомнения.

Верование это сомнение, стоящее на голове, вот и все. Сомневающийся сомневается, верующий верует, но оба они слепы. Они в одной и той же лодке, возможно, сидя друг к другу спиной, но они в одной и той же лодке. Поэтому верующий всегда боится, что кто-то вызовет в нем сомнения, а сомневающийся всегда на страже своего сомнения, опасаясь, как бы кто-то не убедил его в пользу того или иного верования. Оба они барахтаются в одной и той же ловушке.

Что такое доверие? Доверие превосходит и верование, и сомнение. Верование всегда верует в определенную идею; доверие всегда доверяет тому, что есть — не идее, но самому существованию, снаружи и внутри. Между верованием и доверием есть еще одно слово, «вера» — остерегайтесь и его. Будда никогда не подразумевает веру, когда говорит «шраддха», а он всегда говорит «шраддха». Вера как раз посередине: верование верует в идею, вера верит в личность, а доверие доверяет самому существованию. Будда не хочет от вас веры, потому что вера создает фанатиков, вера создает невроз.

Только вчера вечером ко мне пришла женщина, чтобы принять саньясу. Когда она подошла ко мне, я понял, что она страдает неврозом. Но я никогда никому не говорю нет.

Кто знает, всегда есть возможность, — никто не может знать наверняка, — что неврастеник выздоровеет. По крайней мере, если она хочет принять саньясу, значит у нее осталось немного здравого смысла; возможно, ей можно помочь.

Я предвидел осложнения — то, как она вошла, то, как она села... И в конце концов, когда я позвал ее подойти поближе, она отказалась подойти. Она встала, подняла вверх руки и сказала: «Я — Иисус Христос!» Я ничего ей не сказал, хотя мне хотелось сказать: «Так ты вернулся, старина! Ты что, забыл, что случилось в прошлый раз? Возможно, поэтому ты на этот раз пришел в обличье женщины». Объявив, что она Иисус Христос, она ушла.

Вера создает такой тип невроза. В христианстве есть множество невротичных людей, потому что вся идея построена на вере: «Верь в Иисуса Христа, имей веру! Он избавит тебя!» — как будто он несет ответственность за твои оковы! Он может освободить тебя, лишь если ты в тюрьме, как иначе? Он спаситель, а ты спасаемый; он пастух, а ты овца. Разве ты не видишь, как это унижает твое достоинство? Ты становишься лишь овцой. И это в той или иной мере делали все религии. Если вы верите в личности, вы будете низведены до овец — вы не будете человеческими существами. Ваша человечность разрушена. Вы заключены в очень тонкие, невидимые тюрьмы. Вы не видите их, они прозрачны.

Будда говорит: Будь светом самому себе. Не верь в личности, не верь в идеологии. И если ты не веришь ни в какие идеологии, если ты не веришь ни в какие личности, происходит взрыв великого доверия, доверия к самому существованию — к деревьям, к камням, к людям, к звездам, к горам, ко всему, что есть. Конечно, будды являются частью того, что есть, но ты не веришь ни к какого Будду в особенности. Ты просто веришь в существование. Ты веришь в аромат Иисуса. Но это верование не укоренено ни в какой идее. На самом деле, это нечто субъективное, это не имеет ничего общего ни с какими объектами.

Если ты веришь в Иисуса, ты не можешь верить в Кришну. Если ты веришь в Кришну, ты не можешь верить в Махавиру. Естественно, если ты веришь в одного, ты не веришь во всех остальных. Вот как верование разделяет

людей. Вся история полна крови, убийств, жестокостей. Она полна крови и насилия во имя религии, потому что людям приходилось верить в кого-то одного вопреки всем остальным.

Истина совершенно иная. Если ты доверяешь существованию... существование вмещает в себя Иисуса точно так же, как и Кришну, Будду, Лао-цзы, Заратустру. Все они являются его частью. И ты веришь не только в будд, ты веришь и в обычных людей, которые тебя окружают; и не только в людей, но и в животных, деревья, камни. Вопрос не в том, во что ты веришь — объект становится несущественным. Просто твое сердце доверчиво, полно великого доверия к тому, что мы принадлежим этому существованию, мы являемся частями этого чудесного существования, и это существование не может быть к нам недружелюбно. Оно дало нам рождение — как может мать быть враждебной?

Это совершенно другое значение доверия. Это не верование и не вера. Помните эти два слова, потому что они переводятся неправильно снова и снова.

Сутры:

*Тот, кто ходит голый
Со спутанными волосами и покрытый грязью,
Кто постится, спит на земле,
Осыпает тело пеплом
И сидит в бесконечной медитации —
Пока он не свободен от сомнений,
Он не найдет свободы.*

Эти люди, — которые ходят голые, со спутанными волосами и покрытые грязью, люди, которые продолжают соблюдать долгие посты, которые спят на непокрытой земле, иногда даже на колючках — эти люди веками считались святыми. Они просто мазохисты, они

наслаждаются, мучая себя. Это очень насильственные люди.

Разница между ними и Адольфом Гитлером, Чингисханом и Надир-шахом только в одном: Чингисхан, Надир-шах и Адольф Гитлер наслаждались, мучая других, а так называемые святые наслаждаются, мучая самих себя — но и те и другие наслаждаются мучением. Если ты мучаешь других, естественно, это будет осуждено, потому что «другие» подразумевают и тебя, а ты боишься того, чтобы тебя мучили. Но если кто-то мучает себя, его восхваляют — это не имеет ничего общего с тобой; он мучает сам себя.

Фактически, люди, которые поклоняются этим мазохистам, являются садистами. Тебе хочется их мучить, но они такие хорошие ребята, они делают это за тебя. То, что хотел бы делать ты, они делают сами. Ты можешь идти и поклоняться им.

Мазохизм это болезнь: мучение самого себя. Садизм это такая же болезнь: наслаждение мучением других. Если ты достаточно храбр, если ты можешь рискнуть... потому что это большой риск; если ты мучаешь других, они отомстят. Адольфу Гитлеру в конце концов пришлось покончить с собой, Надир-шах прожил всю жизнь, дрожа и боясь, потому что он убил столько людей. Он создал себе столько врагов, он никому не мог доверять. Он даже не мог спокойно спать; он вскакивал от малейшего шума — именно так он и умер.

В лагерь Надир-шаха забрел отбившийся от стада верблюд. Он прошел мимо палатки Надир-шаха; тот услышал шум. Было темно... Он выпрыгнул из постели, подумав, что это враги, стал метаться по палатке, запутался в веревке и умер от разрыва сердца.

Люди, которые мучают других, не могут жить в мире — это невозможно, потому что они создали себе столько врагов. Но они наслаждаются мучением.

Лучше всего мучить себя; тогда бояться нечего. Никто не против тебя; наоборот, люди поклоняются тебе

как святому. Посмотрите на эту глупость! Если человек ходит голым, что в этом святого? Вы можете сходить на огромные религиозные собрания в Индии, в особенности кумбха мелы, и увидеть обнаженных садху, и вы будете удивлены — вы не увидите ничего святого! Напротив, в их глазах вы увидите самых страшных преступников. Вы можете пойти в тюрьму и посмотреть в глаза убийцам, и вы увидите, что они более невинны. Эти люди, которые выставляют свое обнаженное тело напоказ на дорогах, психологически больны. В терминах психологии они эксгибиционисты.

И, странное дело, индуисты веками поклонялись этим эксгибиционистам. И те же самые индуисты против моих саньясинов, потому что они думают, что мои саньясины идут против индуистской культуры, потому что неправильно одеваются. Вы идете против культуры индуизма! Ваша культура всегда поклонялась эксгибиционистам, ваша культура всегда поклонялась извращенным людям.

Человек раскладывает гальку и колючки, прежде чем лечь спать, — стелет постель, — и вы поклоняетесь ему как святому? Его нужно лечить электрошоком, а не подносить цветы и гирлянды; ему нужна психиатрическая помощь. Это извращение. Это не естественно! Ни одно животное этого не делает; животные и то более нормальны. Прежде чем лечь спать, они убирают все камни и колючки, они готовят себе мягкую постель, мягкую землю, и тогда ложатся спать. Даже животные кажутся гораздо более интеллигентными, естественными, чем ваши так называемые святые.

Человек, который осыпает себя пылью, просто дурак, или, может быть, просто эгоист, потому что поведению такого рода в этой стране поклоняются. Люди того же типа поднимают против меня вопросы: Почему я против святых? Я не против святых. Я не против Будды, я не против Нанака, я не против Кабира, я не против Раидаса, но я, конечно, против всех этих больных, эксгибиционистов, мазохистов, безумцев, неврастеников...

Я не называю их святыми, потому что они не святые! Девяносто девять из ста подпадает под эту категорию.

Только из-за того, что вы веками им поклонялись, вы не спрашиваете: Что вы делаете? И вы злитесь на меня, потому что я первый, кто это спрашивает — кто задает вопросы, которые вас беспокоят. Но и Будда делал то же самое, и вы очень злились и на него.

Он говорит: *Тот, кто ходит голым, со спутанными волосами и покрытый грязью, кто осыпает тело пеплом и сидит в бесконечной медитации — пока он не свободен от сомнений, он не найдет свободы.* Вы можете продолжать делать все эти вещи годами, всю жизнь — и ни к чему не прийти. Все это просто пустые ритуалы, и вы следуете им лишь потому, что вам сказали, что это святость. Вы так неразумны, что не можете увидеть: Что это за святость? Может ли это быть святостью?

Как может быть святым осыпание тела пылью? Это значит просто мучить себя, потому что тело дышит... Знаете ли вы, что не только нос дает вам жизнь, но и миллионы крошечных дверей в теле, в которые входит дыхание? Их даже нельзя увидеть невооруженным глазом. Просто попробуйте: закрасьте все тело человека, оставив только его нос, закрасьте его полностью, чтобы все щели и поры были закрыты. Он умрет через три часа. Он может дышать носом — но это не сможет поддерживать в нем жизнь дольше трех часов.

Если все поры закрыты... а именно это происходит, когда человек осыпает свое тело пеплом. Вы закрываете поры своего тела. Это способ мучить себя, не давать себе кислорода. И чем меньше вы получаете кислорода, тем глупее становитесь, потому что кислород это один из самых существенных компонентов питания для разума.

Без кислорода ум становится тупым. Вот почему вы чувствуете, что ночью вам легче спать, чем днем — потому что днем в воздухе больше кислорода, и вы вдыхаете больше кислорода. Этот кислород поддерживает вас в бдительном, пробужденном состоянии. Ночью

количество кислорода в воздухе снижается, становится больше углекислого газа — и от этого вам хочется спать. Натирая тело пеплом, вы тем самым пытаетесь снизить количество кислорода, который получают клетки вашего мозга, вы морите мозг голодом. И вы станете тупыми, глупыми. Поэтому вы редко видите в них какую-либо остроту, осознанность.

Они живут как роботы. Конечно, они следуют определенному закону, который записан в писаниях и преподнесен им такими же глупцами. Они следуют определенному закону, ничего не понимая, не понимая, зачем они это делают. Я спрашивал многих людей, которые натирали тело пеплом, зачем они это делают. И они отвечают:

— Потому что это делали с самого начала — это всегда делали святые.

Я спрашивал их:

— Есть ли в этом какая-нибудь наука?

— Наука?.. — говорили они.

Они не осознают, что делают. Они не осознают, что они морят кислородным голодом клетки своего мозга.

У них много таких стратегий: часами стоять на голове — из-за гравитации в мозг поступает слишком много крови, и это разрушает тонкие нервные окончания мозга. Вся ваша разумность зависит от этих тонких нервных окончаний. Или, если вы морите себя голодом — назовите это постом, и тогда это станет религиозной вещью. Когда вы заставляете голодать свое тело, вы заставляете голодать и свой мозг, потому что мозг это самая тонкая часть тела.

Сейчас наукой подтверждено, что если в теле не хватает нескольких витаминов, вы теряете разумность. Рано или поздно каждый ребенок должен получить определенные витамины, определенные вещества, и его умственные способности будут очень высокими. В Советской России это уже делают. Если вы морите тело голодом, тогда, естественно, страдает и мозг. Вы не даете своему мозгу

правильной пищи, вы не даете своему мозгу нужное количество кислорода... и вы думаете, вы сможете стать великими медитирующими, буддами? Кого вы пытаетесь обмануть? Но вы следуете определенному закону, определенному ритуалу без всякого понимания.

Сэр Реджинальд Фартингтон предстал перед Верховным Судом Австралии по обвинению в сексуальных домогательствах к страусу.

— Прежде чем вынести приговор, объявил судья, — мы хотим услышать ваше последнее слово.

— Ваша Честь, — ответил англичанин. — Если бы я знал, что вы поднимете вокруг этого такой шум, я женился бы на этой чертовой птице!

Это юридический ум. Вот как работает юридический ум: «Я женился бы на этой чертовой птице!» Он бросается из одной глупости в другую.

Если вы не даете телу правильного питания, нужного количества кислорода, будут проблемы. И вы пойдете к тем самым людям, которые создали для вас эти проблемы, и они дадут вам готовые рецепты.

Ко мне пришел один человек, молодой человек; он был без ума от Свами Шивананды из Ришикеша.

Шивананда сказал ему:

— Живи только на молоке, потому что это самая чистая пища.

Если вы когда-нибудь видели фотографии Шивананды... заметно, что этот человек питался не только молоком. Он такой толстый, что ему даже трудно поднять руки, такие они тяжелые. Он мог ходить, только если его поддерживали под руки. Должно быть, этот человек был одержим

пищей, он ел слишком много. Должно быть, он один из самых жирных людей в Индии, и он предложил этому молодому человеку питаться одним молоком.

В чем была проблема? Что ему сделал этот молодой человек? Молодой человек пришел к нему, чтобы достичь брахмачарьи — безбрачия. Он прочитал в писаниях, что пока ты не станешь абсолютно безбрачным, ты не сможешь достичь Бога. И он спросил, как стать абсолютно безбрачным; ему предложили питаться одним молоком.

Это сущая чепуха! Если вы питаетесь одним молоком, вы станете сексуальнее, чем когда-либо раньше, потому что откуда берется молоко? От коров или буйволов. Это молоко не создано для человека; коровье молоко создано для быков, а быки это самые сексуальные животные на свете. В коровьем молоке больше веществ, стимулирующих сексуальность, чем в чем-либо другом. Это самая что ни на есть грешная пища.

Но кого это волнует? Кто об этом думает?

Лишь потому, что так написано в писании, Шивананда сказал ему:

— Живи на одном молоке.

Человек, и только человек питается молоком, пока он маленький, и то лишь несколько месяцев. Как только он становится способен есть твердую пищу, он прекращает пить молоко и начинает есть твердую пищу. Молоко предназначено для детей.

Одна из самых важных вещей в растущем ребенке это его сексуальность. Он становится более зрелым и сексуальным, потому что вся его биология зависит от секса. И через некоторое время ребенок должен перейти на твердую пищу. Только человек продолжает пить молоко. Молоко хорошо с кофе или чаем — но жить на одном молоке опасно.

Молодой человек стал более сексуальным и ослаб. Его тело стало слабее, а ум стал все более и более одержим сексом. Снова он пришел к тому же самому святому. Святой сказал:

— Это потому, что ты страдаешь от *тамаса* — ты страдаешь от энергии самого низкого типа, которая называется тамас, которая тянет тебя вниз.

— Что делать? — спросил он.

Святой, так называемый святой, сказал:

— Тебе не нужно столько спать, потому что сон создает тамас, — это также написано в писаниях: сон создает тамас, — поэтому спи только пять часов.

Сперва отняли еду. Он стал голодать, потому что для взрослого человека молока недостаточно. Ему нужна твердая пища; он не ребенок. А когда молоко берется у коров, — которое предназначено для быков, а не для людей, — человек становится еще более сексуальным. Теперь был сокращен и сон. Пять часов сна недостаточно для молодого человека. Да, для старика это совершенно нормально; когда вы становитесь старше, нужно все меньше и меньше сна, потому что тело скоро умрет, ему больше не нужно восстанавливаться. Обычно тело молодого человека восстанавливается каждый день.

Для восстановления сил, для восстановления клеток, которые умерли вчера, вам нужен долгий сон — семь или восемь часов, не меньше. Пять часов недостаточно. Теперь он начал страдать сонливостью; целый день он зевал и чувствовал себя сонным.

Его отец привел его ко мне и сказал:

— Что делать? Сейчас он опять порывается ехать в Ришикеш, и каждый раз, когда он туда ездит, он возвращается с еще одной проблемой. С ним было все в полном порядке; читая всякую ерунду, он решил стать брахмачарином, и с

этого начались все трудности. Теперь он не может читать, он потерял интерес ко всему, он стал одержим сексом, едой и сном. Теперь он одержим этими тремя вещами. Он сводит с ума себя и всю семью.

Я посмотрел на молодого человека — у него действительно были трудности. Но он сказал:

— Я следую великому святому.

Я спросил его:

— Откуда ты знаешь, что это великий святой? Какой у тебя критерий? Потому что он повторяет писания? Откуда ты знаешь, что эти писания были написаны теми, кто знает?

Он сказал мне:

— Пожалуйста, не создавайте во мне сомнений! Я хочу остаться верующим, потому что без веры, без верования не будет спасения.

Я сказал ему:

— Но тебе не нужно никакого спасения. Не нужно никакого спасения. Ты уже спасен! Ты уже в Боге! Его не нужно искать. Ты являешься частью истины. Просто живи естественно, нормально, и ты сможешь понять таинства жизни. Все эти вещи сводят тебя с ума.

И тогда человек находит тот или иной способ удовлетворить свои потребности — он становится лицемером. Все ваше религиозное обучение только помогает вам стать лицемерами. Оно не делает вас святыми; оно делает вас лживыми, фальшивыми.

Вы что-то подавляете с одной стороны, и оно начинает утверждать себя с другой.

Фогарти стал часто заходить в бар Барни. Он всегда заказывал одно и то же: два мартини. Через несколько недель Барни спросил его, почему бы ему вместо этого не заказать один двойной.

— Это очень сентиментально с моей стороны, — объяснил Фогарти, — но один из моих приятелей умер, и перед смертью он попросил, чтобы каждый раз, когда я пью, я пил и за него.

Еще через неделю Фогарти пришел и заказал один мартини.

— А как же покойный приятель? Почему сегодня только один мартини?

— Это его стакан, — был ответ. — Я бросил пить.

Вы всегда можете найти путь. Ум очень хитер, вероятно хитер. Вы не можете избавиться от хитростей ума при помощи таких глупостей. Если вы делаете такие глупости, вы можете долго, бесконечно сидеть в медитации... и ничего не случится, потому что первое требование медитации это разумность: осознание того, какова ваша ситуация, что вы делаете с собой и зачем — а не просто следование глупым писаниям, следование так называемым святым, лишь потому что толпы называют их святыми.

Пока он не свободен от сомнений, он не найдет свободы. Что Будда имеет в виду? — пока он не свободен от сомнений... Как человек освобождается от сомнений? Вы будете удивлены: пока вы не освободитесь от верований, вы не сможете освободиться и от сомнений. Именно верования создают сомнения. Например, если вы верите в Бога, возникает вопрос о том, существует ли Бог. Сомнение не может возникнуть первым; сначала появляется верование.

Ваши родители, ваше общество сказали вам, что Бог есть. Поскольку вам сказали, что есть Бог, однажды ваша разумность заявит о себе, и вы спросите:

— Где доказательство этого? Как мы можем узнать точно, наверняка, что есть Бог?

Возникает сомнение...

В Советской России детей не учат тому, что есть Бог, и никто не сомневается в существовании Бога — вопроса о сомнении не возникает. Прежде всего, никто не верит — почему они должны сомневаться? Также и в Индии, если вы родились в семье джайнов, вы никогда не будете сомневаться в существовании Бога. Почему? — потому что в джайнской традиции нет Бога, нет верования. Но джайн сомневается в существовании души, потому что ему сказали, что есть невидимая душа — что тело умрет, а душа будет продолжать путешествие.

У него возникают сомнения:

— Где эта душа? Что такое эта душа? Видел ли ее кто-нибудь когда-нибудь? Приходил ли кто-нибудь обратно в мир со словами: «Я живой! Вы меня не видите, но я есть?»

Джайн сомневается в существовании души, не в существовании Бога.

Индуист сомневается в существовании Бога, мусульманин сомневается в существовании Бога, христианин, иудей, все они сомневаются в существовании Бога — потому что Бог это их верование.

Будда отнял все верования, чтобы вы не могли сомневаться: нет ни Бога, ни души, ни ада, ни небес, ни мокши. Будда отнял все верования! Смотрите, это его научный подход к тому, чтобы уничтожить сомнение — очень парадоксально.

Другие делают в точности противоположное. Другие также пытались отнять у вас сомнения, но их метод состоял в том, чтобы навязывать вам верования, чтобы сомнения ушли глубоко в бессознательное, стали подавленными — чтобы вы больше не видели их. Они скрыва-

ются верованиями, но никогда не умирают; напротив, они движутся в ваше существо глубже и становятся его частью. Все ваши верующие прекрасно знают это — в их сердцах есть сомнения. В самом ядре есть сомнения; верования это только периферия.

Будда был первым человеческим существом в мире, которое попыталось действительно уничтожить сомнение. Но его способ был очень странным: он состоял в том, чтобы отнять у людей все верования; тогда у вас больше нет самой почвы, на которой растут сомнения. Не имей верований, и у тебя не будет сомнений. Без верований и без сомнений уму не на что опереться. Уму необходимы эти два столба. Это два крыла ума: верования и сомнения. Это двойственность, которой ум кормится и живет. Если больше нет ни верования, ни сомнения, само основание ума разрушено.

Быть не-умом есть медитация. Не поможет ни спать на колючках, ни ходить голым, ни поститься, ни мучить себя; поможет лишь великое понимание вещей. Откуда берется сомнение? Иди в него, ищи, и ты найдешь, что оно всегда возникает из определенного верования.

Современный ум может достичь медитации легче, чем когда-либо раньше, по одной простой причине: современный ум больше не обременен верованиями. Поэтому нет и больших сомнений. Сейчас вы редко встретите скептических людей, людей, которые полны сомнений, атеистов — сейчас такие люди не встречаются часто. В прежние времена их было много. Причина проста: никто не верит! Если кто-то скажет: «Я не верю в Бога», ты ответишь: «Ну и что? А кто верит? Успокойся!» Никто не приводит аргументов против Бога, потому что никто не приводит аргументов и за этого беднягу!

Это очень новая ситуация. Старые традиции не могут принять вызов этой новой ситуации. Если ты скажешь: «Я атеист!», люди ответят: «Ну и пусть. О чем тут хвастаться? Зачем поднимать такой шум? Все нормально, мы довольны — будь атеистом». Кого заботят церкви и хра-

мы? Даже для тех людей, которые туда ходят, это лишь социальная формальность; даже они не верят.

Это редкая возможность для поиска; у нас никогда не было столько пространства. Конечно, поклонники старых традиций очень обеспокоены; они считают, что наступили худшие времена. Это не худшие времена — но самые лучшие, самый пик. Пришло время, правильное время, время зрелости. Мы можем исследовать реальность со всем сердцем, потому что нам не преграждают путь никакие верования, потому что нет верований, нет сомнений.

Это свобода. Будда называет это свободой. *Пока он не свободен от сомнений, он не найдет свободы.* «Свобода» означает свободу от ума. Тогда ты просто в молчании, и в этом молчании ты таешь и сплавляешься с целым. Растаять и сплавиться с целым значит быть святым. Не постясь, не истязая себя, но сплавляясь с целым, человек становится святым.

*Но тот, кто чист и уверен в себе,
Кто живет в спокойствии и добродетели,
Кто лишен вреда, обид и упреков,
Даже если он носит красивые одежды,
Пока у него есть вера,
Он — истинный искатель.*

Но тот, кто чист... Что подразумевает Будда под «чистой жизнью»? Он имеет в виду «жить невинно», без верований, без сомнений, не из ума, но из медитации. Он придает чистоте собственный смысл. Под «чистой жизнью» он не подразумевает старые, сгнившие идеи. Чистота не означает, что ты должен есть лишь пищу, приготовленную брамином; чистота не означает, что ты должен есть, лишь когда солнце в небе; чистота не означает, что ты должен носить на себе только это и не носить того.

Жить чисто значит жить из не-ума, жить спонтанно, от мгновения к мгновению, как живет ребенок,

невинно — жить из состояния не-знания. Все знания коварны, все знания развращают. Жить из состояния не-знания — это чистота.

Сократ говорит: Я знаю лишь то, что я ничего не знаю — это чистота.

Будда обычно говорил своим ученикам: «Пожалуйста, не задавайте мне метафизических вопросов, потому что я ничего не знаю. Не спрашивайте о Боге и о душе, не спрашивайте о рае и аде». Он приготовил список из одиннадцати вопросов; этот список содержал все те вопросы, которыми наполнена философия.

Каждый раз, когда он приходил в какой-нибудь город, его ученики ходили по округе и говорили:

— Пожалуйста, не задавайте эти одиннадцать вопросов, потому что Будда никогда не отвечает на эти вопросы. Спросите о жадности и о том, как от нее избавиться; спросите о гневе и о том, как выйти за его пределы. Спросите о собственничестве и о том, как его отбросить, спросите о трансформации. Спросите о том, как отбросить ум и достичь медитации. Но не задавайте метафизических вопросов, потому что они ничем не помогут вам. Они создают верования, а с верованием приходит сомнение. А разделенные на верования и сомнения, вы становитесь шизофрениками, вы становитесь нулем. Вы теряете свою целостность.

Но тот, кто чист и уверен в себе... Эти слова, «уверенность в себе», переведены неправильно. Будда имеет в виду человека, который доверяет самому себе — это не «самоуверенность». «Самоуверенность» дает чувство эго; Будда имеет в виду лишенное эго доверие. Тот, кто доверяет всему существованию, доверяет также и себе, потому что он является частью целого. Он слушает голос своего сердца и следует ему. Он следует своему сердцу без страха. Он доверяет своей интуиции. Когда вы познаете искусство прислушиваться к собственной интуиции, вы будете удивлены: интеллект может ошибаться, но

интуиция никогда не ошибается — она непогрешима. Она всегда направляет вас в нужную сторону.

В спокойствии и добродетели... «Спокойствие» означает медитацию, состояние без беспокойных мыслей, озеро сознания, не тревожимое ни волнами, ни рябью. И за таким молчанием следует добродетель. Добродетель это не то, что можно практиковать; ты не можешь практиковать добродетель. Если ты практикуешь добродетель, ты носишь поверхностную маску, но за поверхностью ты продолжаешь жить старым порочным образом. Конечно, ты можешь спрятаться от других, но как спрятаться от самого себя?

Именно это происходит с вашими священниками, с вашими так называемыми святыми; вся их жизнь становится очень коварной — они говорят одно, а живут совершенно по-другому. Они на это обречены, потому что их добродетель привита.

Социолог проводил опрос о сексуальных пристрастиях разных народов и этнических групп. Он подошел к итальянскому джентльмену в возрасте, одетому в черный костюм и после обычной прелюдии спросил его, как часто он имеет половое сношение.

— О, возможно, двенадцать раз в год, — отвечает старик.

— Но вы же итальянец, а итальянцы считаются очень сексуальными, — был ответ.

— Послушайте, по-моему это не так плохо для шестидесятилетнего священника, у которого нет машины!

Ваши священники, ваши святые, ваши так называемые добродетельные люди, уважаемые люди живут двойной жизнью: на ее поверхности одно, а в глубине — полная противоположность.

Сестра Симолина прибыла в миссию в джунглях. Она проходила инструктаж у Матери Марии, которая днем позвала ее к себе в контору.

— Я должна поехать в столицу и вернусь завтра утром, — сказала Мать Мария. — Я хочу тебя предупредить: если Отец Доминик ночью придет в твою комнату, не пускай его, что бы он ни говорил.

Вернувшись на следующий день, Мать Мария обнаружила, что Сестра Симолина уже ждет ее.

— Я пришла, чтобы исповедаться, — сказала она, плача. — Вчера вечером я послушалась твоих приказов. Отец Доминик постучался ко мне в дверь, и он был так убедителен! Он сказал мне, что я это врата рая, а у него есть ключ, и если я позволю ему открыть мои запертые ворота своим ключом, мы оба окажемся в раю.

— Ублюдок! — воскликнула Мать Мария. — Он сказал мне, что это труба Гавриила, и я дула в нее пятнадцать лет!

Но это естественно, так и должно быть. Эти шутки не просто шутки, в них есть и доля правды. Это неизбежно из-за вашей идеи о том, что добродетель это навязывание себе хороших качеств, которые восхвалялись много веков. Но, если вы что-то себе навязываете, что вы будете делать со своей природой? Вы станете двумя людьми, а природа, несомненно, гораздо сильнее, чем что-либо навязанное.

Природа должна быть трансформирована. Не нужно воспитывать характер; он должен быть побочным продуктом сознания. Это великий вклад, который сделал Будда.

В спокойствии и добродетели... Добродетель приходит следом. Сначала приходит спокойствие, медитативность, чистота, невинность, доверие.

...Кто лишен вреда, обид и упреков, даже если он носит красивые одежды, пока у него есть вера, он — истинный искатель. Снова вместо «вера» читай «доверие». Тот, кто доверяет, истинный искатель. Верующий не истинный искатель — он уже верит! Он фальшив с самого начала. Если ты уже веришь в Бога, как ты можешь искать и ис-

следовать? Ты убил поиск в самом начале, ты пресек поиск.

Человек может двигаться в исследование, лишь если у него нет ни веры, ни сомнения. Когда он просто открыт, без всяких предрассудков, без убеждений, без готовых ответов, данных другими, когда он просто идет в чистом состоянии, как зеркало, тогда он наталкивается на истину.

Истина может быть познана лишь подобным зеркалу умом. Подобный зеркалу ум это не-ум. Но если ты уже верующий, тебе никогда не узнать истины. Христианин не может узнать ее, мусульманин не может узнать ее, индуист не может узнать ее, буддист не может узнать ее. Пока ты не отбросишь все эти идеологии, пока ты не отложишь их в сторону и не отправишься в путешествие совершенно открытым, без малейшего предрассудка, прячущегося в уме...

Однажды ко мне пришел очень известный профессор, доктор Баннерджи. Он сказал, что хочет научно доказать теорию реинкарнации, перевоплощения. Он хотел доказать, что христиане, мусульмане и иудеи неправы, и доказать это научно. Он пришел ко мне за поддержкой.

Я сказал:

— То, что вы говорите, ненаучно с самого начала!

— Почему? — спросил он.

— Вы уже решили, что мусульмане, христиане и иудеи неправы. Вы еще не начали поиск, а решение о том, что индуисты, джайны и буддисты правы, уже готово. Как вы можете говорить, что хотите доказать это научно? — как это может быть научным?

Первое требование научного ума — не начинать с заключения. Отбросьте свои заключения. Во должны быть очень бдительны к тому, что вы еще не знаете, какова реальность — и тогда начинайте. Тогда исследуйте и оставайтесь беспристрастным. Даже если что-то противоречит вашей теории, ну и пусть; даже если что-то идет против индуизма, ну и пусть. Нужно открыть истину,

а не подтвердить правоту индуизма, — сказал я ему. — Вы слишком индуист, вы не можете быть ученым.

Он пришел ко мне на два часа — а ушел через двадцать минут. Он сказал:

— Я тороплюсь, мне нужно куда-то идти.

— Вы не торопитесь и никуда не идете! — сказал я. — Вы просили два часа, и я дал вам два часа; вы не можете уйти отсюда, пока они не истекнут! Сначала вам придется ответить мне: что это за научный подход?

Конечно, он не смог. Было так ясно, так очевидно, что в науке нельзя начинать с заключений — можно начинать лишь с гипотезы: возможно, это так, возможно — нет... возможно. Нужно начинать с «возможно»; «возможно» оставляет ситуацию открытой.

Будда не мог иметь в виду веру, Будда не мог иметь в виду верование. Он имеет в виду доверие — доверие тому, что, идя на поиски без всякого заключения, ты найдешь. Потому что истина уже здесь! Это не что-то, что нужно создать, она уже здесь! Истина не означает нечто в небесах; истина означает реальность здесь и сейчас. Что бы то ни было, А, Б, В, начинай с «возможно», будь исследователем.

Будда говорит: *Даже если он носит красивые одежды... Не нужно ходить голым, не нужно отречься, не нужно продолжать поститься. От чего действительно нужно отречься, так это от твоих заключений, верований, предрассудков.*

*Благородный конь редко
Чувствует прикосновение хлыста.
Кто еще в этом мире столь безупречен?*

Прежде чем стать просветленным, Будда был принцем, и когда он был принцем, он действительно любил лошадей. Он был без ума от лошадей. В то время лошади были большой помощью в войне. И многие люди любили лошадей: в английском языке имя Филипп просто означает «любящий лошадей» — Будда был Филиппом.

Когда он стал просветленным, он вспоминал лошадей множество раз. Он часто говорит о лошадях. Он говорит, что есть четыре типа лошадей. Первый, самый худший: даже если их бить, чем больше их бьют, тем более упрямыми они становятся. В них нет аристократизма, грации, достоинства. Их можно обижать, бить, стегать хлыстом — они очень толстокожие. Если они не хотят двигаться, они не двинутся с места.

Затем второй тип: если их бить, они двигаются; в них есть немного достоинства, немного самоуважения. Затем третий тип, немного выше: их не нужно бить — достаточно звука хлыста. И самый высокий, четвертый: не нужно даже звука — достаточно лишь тени.

Будда говорит, что и люди относятся к одному из четырех типов. Высочайшему и самому разумному типу, истинным искателям истины, нужна лишь тень хлыста; достаточно лишь намек мастера. Их не нужно бить, их не нужно заставлять. *Благородный конь редко чувствует прикосновение хлыста.* Благородному коню не нужно часто чувствовать прикосновение хлыста — достаточно лишь тени. Поэтому есть и четыре типа учеников. Самый высокий тип просто воспринимает намек. Иногда это даже не произнесенное слово; мастер просто смотрит тебе в глаза, и этого достаточно.

Вот что случилось несколько дней назад... Известный терапевт из Америки, Наоми, приняла саньясу — пожилая женщина. Я могу сказать, что она принадлежит к четвертому типу: лишь тени хлыста — я просто посмотрел ей в глаза — было достаточно. И она стала моей, а я стал ее. Мгновенно произошел контакт, связь. Теперь она не может быть разрушена.

Вчера она написала письмо, потому что сегодня она уезжает, и она боится. Она была здесь несколько дней и узнала новые глубины своего существа — она не была здесь долго, лишь несколько дней. Она видела меня лишь один раз, несколько минут. Она говорит, что она узнала великие глубины, испытала тонкие переживания; они были так деликатны, что она боится. «Если я снова вернусь на запад, в грубый мир запада, смогу ли я продолжать расти?» Она спросила меня: «Буду ли я так же

близко к тебе, как и здесь? Буду ли я частью коммуны даже на расстоянии тысяч миль?»

Наоми, любовь не знает никаких расстояний. Ты можешь быть за тысячи миль отсюда — если твое сердце полно любви, если твое сердце помнит меня, ты так же близко, как только может быть кто-либо другой.

Моя коммуна распространится по всей Земле. Где бы вы ни нашли саньясина, там существует моя коммуна. Где бы вы ни нашли саньясина, я там с ним. Когда саньясин вспоминает меня, я рядом с ним, и гораздо глубже, чем если бы я был рядом физически — потому что я больше не в теле, я просто брожу вокруг тела. Я это больше не тело. Если вы любите меня, вы узнаете, что нечто совершенно отличное от тела; это не физическое явление.

И, Наоми, ты можешь оставаться рядом, где бы ты ни была. В то мгновение, как ты закроешь глаза, ты почувствуешь меня у себя внутри. Мастер становится частью ученика. Постепенно мастер перестает быть снаружи, он все больше и больше внутри. И это начало происходить — процесс начался, и это процесс, который нельзя остановить; его не может остановить даже грубый материальный мир запада. И ты не пробудешь там долго; вскоре тебя потянет обратно. Теперь твой дом здесь. Где бы ты ни была, ты будешь чувствовать себя чужой.

Благородный конь редко чувствует прикосновение хлыста. Кто еще в этом мире столь безупречен? — спрашивает Будда. Кто еще в этом мире столь безупречен? — этот человек способен стать буддой. Этот человек способен сначала стать учеником, затем — мастером.

*Тогда как благородный конь,
Послушный шпоре,
Пылай и будь быстр.*

Будь как благородный конь — восприимчивым, осознающим, бдительным. *Пылай и будь быстр.* Если ты осознаешь... Осознанность это огонь; она сжигает все, что в тебе неправильно. Она сжигает твое эго. Она сжигает твою жадность, она сжигает твое чувство собственности, она сжигает твою ревность — она сжигает все, что только

есть неправильного и негативного, но улучшает все, что красиво, грациозно, божественно.

И когда грубое и уродливое сожжено, в твоём существе появляется великая острота, в твоей жизни возникает великая быстрота, интенсивность и страсть, великая тотальность и целостность.

Верь, медитируй, видь.

Позвольте мне напомнить: читать нужно не «верь», а «доверяй»: Доверяй, *медитируй, видь.*

Это три шага, простых, очень простых. Но первое это доверие: пусть в тебе будет любящее доверие ко всему, что есть, и тогда медитация станет легкой, и ты сможешь расслабиться. Человек, который доверяет, может расслабиться в существовании. Человек, который не может доверять, остается напряженным, всегда в тревоге, в страхе. Человек, который доверяет, может растаять, исчезнуть, испариться. Он знает: «Даже если я упаду в океан, я это только капля...» Но знает также: «Я исчезну как капля, но я буду существовать как океан. Я ничего не потеряю; я получу все». Медитация это капля, исчезающая в океане.

И тогда появляется видение. Вот почему я говорю, что у Будды нет философии, а есть философия — у него нет системы мысли, а есть путь, метод видения.

*Будь безвредным, будь безупречным.
Проснись для закона.*

Оставайся сонастроенным с этим законом существования. Теки с рекой; не пытайся двигаться против течения. Пусть позволение будет твоей главной сутрой, и тогда ты будешь безвредным, и тогда ты будешь безупречным.

Проснись для закона — эс дхаммо санантано — проснись для вечного закона.

И освободись от всего страдания.

Страдание возникает, когда ты против закона существования, а блаженство возникает, когда ты попадаешь с ним в ритм, когда ты танцуешь с ним рука об руку.

*Крестьянин подводит воду к своей земле.
Лучник оперяет свои стрелы.
Плотник обрабатывает дерево.
Мудрец овладевает собой.*

Это способ быть мудрым и быть хозяином самого себя. Без овладения собой жизнь пуста, тщетна, бессмысленна. В ней не может быть никакой поэзии, никакой радости, никакого экстаза. Экстаз, радость это твое право от рождения — но ты можешь их получить, лишь будучи достойным, достигнув этого достоинства.

Осознавай, доверяй, начни видеть — отбрось все верования и все сомнения, и цель недалека. Тебе не нужно никуда идти. Если ты можешь доверять, медитировать, видеть, если ты проснулся для вечного закона, ты мастер — и не владеешь никем другим, кроме самого себя. И это настоящее мастерство. Иисус называет это Царством Божьим.

Но тебе придется родиться заново, тебе придется научиться новому образу жизни — новому образу, позвольте мне напомнить, не новой философии. И Будда дает тебе намеки. Эти намеки можно использовать, лишь если ты слушаешь внимательно, разумно, медитативно.

На сегодня достаточно.

Глава 10
Эс Дхаммо Санантано

Первый вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Как я могу попасть на другой берег, если я пытаюсь
быть здесь и сейчас? Когда я думаю об этом, мой ум в
полном расстройстве, но где-то в сердце я чувствую некую
уверенность..*

Дэва Дарпан,
«Другой берег» это просто метафора. Нет никакого
другого берега; этот берег — единственный. Быть здесь и
сейчас значит попасть на другой берег.

Мы можем жить двумя способами: мы можем жить
во времени, мы можем жить в вечности. Если мы живем во
времени, это метафорически называется «этим берегом»,
если мы живем в вечности, это метафорически называется
«другим берегом». Двери, ведущие в вечность, находятся
здесь и сейчас. Жить во времени значит жить в прошлом
или в будущем.

Ум живет во времени — ум есть время. Он всегда
запутан либо в прошлом, либо в будущем — а ни того, ни
другого нет. Прошлого больше нет, будущего еще нет, а
ум всегда живет в том, чего нет. Существование ума очень
призрачно, это псевдо-существование; это просто отраже-
ние в зеркале, отражение луны в озере.

Быть здесь и сейчас значит выйти из времени. Тебе
придется вытащить себя из прошлого, тебе придется
выйти из прошлого. Тебе придется выскользнуть из
прошлого, как змея выкальзывает из своей старой кожи.
И тебе нужно быть очень бдительным, чтобы не
запутаться в будущем — в проекциях будущего, в снах.
Если ты можешь избежать прошлого и будущего, ты
бдителен, ты осознаешь.

Вот что Будда подразумевает под *саммасати* —
правильной осознанностью. Тогда ты здесь и сейчас. Где
еще ты можешь быть? Именно здесь ты на самом деле!

Хотя ты и продолжаешь двигаться в прошлое и в
будущее, все это движение подобно сну. Ты засыпаешь, оста-
ваясь в своей комнате, но твой ум продолжает бродить
по всей Земле или даже путешествовать на другие
планеты, на луну, на звезды. Но утром, когда ты
проснешься, ты не окажешься на луне. Ты мог пробыть на
луне во сне всю ночь, но ты проснешься у себя в комнате.
Поэтому, пока ты ходил по луне во сне, ты оставался у
себя в комнате — на самом деле, ты все это время был у
себя в комнате.

Мы всегда в настоящем; нам больше нигде быть.
Но мы можем видеть сны, мы можем воображать, мы мо-
жем погружаться в воспоминания, мы можем проециро-
вать в будущее великие иллюзии... но все же мы здесь и
сейчас! В тот день, в то мгновение, когда ты осознаешь,
что ты здесь и не можешь быть больше нигде, что ты сей-
час и не можешь быть больше никогда, ты погружаешься в
реальность, ты идешь в глубину самой реальности, ты пе-
рекключаешь передачу с времени на вечность.

Крест в его изначальном смысле символизировал
время и вечность. Он символизирует не просто распятие
Иисуса; крест это более древний символ, чем Иисус. Фак-
тически, это часть древнего индийского символа,
свастики, это только ее часть. На Востоке свастика всегда
символизировала время и вечность; крест также
символизирует время. Время горизонтально, линейно; оно
движется от одного мгновения к другому мгновению. А
вертикальная линия креста представляет вечность —
глубину, высоту. Во времени ты плывешь, в вечности —
ныряешь.

Здесь и сейчас просто означает промежуток между
прошлым и будущим, небольшой интервал. Из этого не-
большого интервала тыходишь в другой мир — который
называется «другим берегом».

Дарпан, тебе не нужно приходить в замешательс-
тво. Иногда, если ты воспринимаешь метафоры слишком
буквально, это сбивает тебя с толку. А мне приходится ис-

пользовать метафоры; нет другого способа выразить то, что на самом деле невыразимо, выразить то, о чем правильнее всего молчать. Единственный возможный путь это использование метафор, притч, историй, потому что они дают тебе косвенные намеки.

Реальность деликатна и хрупка; она подобна очень нежному цветку. Если ты попытаешься схватить его руками, ты его разрушишь. Ты не можешь держать его в кулаке; он летучий как ртуть. Ты можешь двигаться к нему лишь косвенно, и очень тонким должно быть твое движение — чтобы не было слышно даже шагов. Ты можешь говорить с реальностью лишь шепотом; ты не можешь кричать, ты не можешь спорить.

Вот что такое метафора: это разговор шепотом, это поэтический разговор; не прозаический, не четко очерченный, не математический — туманный, таинственный. Ты не можешь атаковать реальность; ты можешь лишь убедить, соблазнить реальность. Это любовный роман, а не изнасилование.

Вот в чем отличаются религия и наука. Наука это своего рода изнасилование реальности. Она пытается вырвать у реальности истину грубой силой; поэтому она разрушает естественное равновесие, баланс. Она разрушает экологию, она разрушает гармонию, созвучие существования. Это изнасилование, потому что наука говорит на языке завоевания.

Религия это любовный роман, не изнасилование. Религия ухаживает за реальностью, убеждает ее, постепенно, косвенно. Для этого человек должен быть изысканно грациозен — поэтому нужны метафоры.

«Другой берег» это прекрасная метафора, но позволь мне напомнить: это и есть другой берег, вот он! Ты не собираешься менять берег; ты собираешься изменить свое сознание. Эта перемена не должна происходить снаружи — дело не в том, что ты берешь лодку, паром и переправляешься на другой берег. Это было бы изменением внешних обстоятельств. Нет, ты

отбрасываешь ум и становишься сознанием, и другой берег достигнут. Ты не сдвинулся с места ни на дюйм, возможно, ты вообще ничего не сделал — возможно, ты просто сидел с закрытыми глазами...

Именно это делал Будда, когда он достиг другого берега. Он сидел в Бодхгае под деревом на берегу реки Ниранджаны. Было раннее утро, прекрасное, молчаливое утро, и он открыл глаза. Последняя звезда исчезала на небе; он увидел, как исчезает последняя звезда, и что-то в нем, у него внутри исчезло тоже... последний след эго. Небо стало пустым, он стал пустым, и эти две пустоты встретились, сплывались, слились друг с другом. Небо вошло в него, он вошел в небо.

С видимой стороны, снаружи не изменилось ничего; все осталось в точности прежним. Ниранджана по-прежнему текла, птицы, должно быть, продолжали петь; ни один лист не упал с дерева, ничего не изменилось... и изменилось все. Теперь Будда больше не был умом; он стал медитацией. Он больше не был в мыслях; он стал чистым свидетелем, *сакшином*.

Это другой берег, о котором я говорю.

Вот почему, Дарпан, когда ты думаешь, это немного сбивает тебя с толку, но когда ты не думаешь об этом, ты чувствуешь некий покой. Наблюдай! Должно быть, замешательство в голове, а покой в сердце. У сердца своя собственная логика, свой способ понимания вещей.

Когда я говорю с вами, я говорю лишь с вашими умами — и это очень поверхностная часть. То, что действительно происходит между вами и мной, это нечто в ваших сердцах. Ум используется как трамплин, чтобы достичь сердца, вот и все. Я использую слова как трамплин, как средства, сами по себе они не являются целью.

Вот почему ты чувствуешь одновременно и то и другое: замешательство в голове и глубокий покой в сердце. Сердце понимает — сердце понимает, что это самое мгновение, здесь и сейчас, и есть другой берег. Но сердце выражает себя не очень четко; голова очень четкая. Это

одна из дилемм: голова не умеет понимать, но очень четко; сердце умеет понимать, но оно нечетко. Оно понимает, но в этом понимании сохраняет молчание; на самом деле, чем больше оно понимает, тем более молчаливым становится. Голова ничего не понимает; фактически, чем меньше она понимает, тем больше производит шума. Ты должен понять суть.

Используй голову, чтобы достичь сердца, но не становись укорененным в голове. Не оставайся там! Используй ее как трамплин, как лестницу, но не строй там свой дом; иначе вся твоя жизнь будет смущением, страданием, замешательством. Используй ее и забудь о ней. Проникни в сердце и слушай молчаливый танец энергии сердца. Прислушайся к спокойной, умиротворенной песне сердца, к беззвучному звуку, к звуку хлопка одной ладонью.

Сердце очень близко к таинству существования; голова дальше, чем что-либо другое. Голова это этот берег, сердце это другой берег — но ты уже на другом берегу. Голове просто снятся сны. Когда ты выходишь из головы, ты выходишь из того, чего, прежде всего, никогда не существовало.

Второй вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Ты постоянно говоришь нам «осознавать», «быть свидетелем». Но может ли свидетельствующее сознание действительно петь, танцевать и чувствовать вкус жизни? Не является ли свидетель просто зрителем жизни, который никогда не становится участником?*

*Ананд Нур,
Ум обязательно рано или поздно поднимает этот вопрос, потому что ум очень боится того, что ты станешь свидетелем. Почему ум так боится, что ты станешь свидетелем?*

лем? — потому что свидетельство это смерть для ума.

Ум действует, он хочет делать вещи, а свидетельство это состояние не-действия. Ум боится, что «если ты станешь свидетелем, я буду больше не нужен». И по своему ум прав...

Как только в тебе возникает свидетель, уму придется исчезнуть, в точности как приходится исчезнуть тьме, когда ты вносишь в комнату свет — это неизбежно. Ум может существовать, лишь если ты остаешься крепко спящим, потому что ум это состояние сновидений, а сновидения существуют только во сне.

Став свидетелем, ты больше не спишь, ты проснулся. Ты становишься осознанностью — кристально чистым, таким молодым и свежим, таким полным силы и жизни. Ты становишься пламенем — интенсивным, горящим с обеих сторон — и в этом состоянии интенсивности, света, сознания ум умирает, ум совершает самоубийство. Поэтому ум боится.

Ум создаст для тебя множество проблем, он поднимет множество вопросов. Он заставит тебя колебаться, совершить ли прыжок в неизвестное, он попытается втащить тебя обратно. Он попытается тебя убедить: «Со мной ты в покое, в безопасности; со мной у тебя есть приют и защита. Я буду хорошо заботиться о тебе. Со мной ты эффективен, искусен. В то мгновение, как ты меня покинешь, тебе придется покинуть и все свое знание, всю свою безопасность и покой». Он постарается привести прекрасные рационализации. Это одна из рационализаций, которая всегда случается с каждым из медитирующих.

Это не ты, Ананд Нур, задаешь этот вопрос; это ум, твой враг, задает этот вопрос через тебя. Это ум говорит: «Возлюбленный Мастер, ты постоянно говоришь нам «осознавать», «быть свидетелем». Но может ли свидетельствующее сознание действительно петь, танцевать и чувствовать вкус жизни?»

Да, Ананд Нур, — фактически, только свидетельствующее сознание может действительно петь, танцевать и чувствовать вкус жизни. Это кажется парадоксом — это и есть парадокс! Но все, что истинно, всегда парадоксально, помни. Если истина не парадоксальна, это совершенно не истина, тогда это что-то другое.

Парадокс это основание, внутреннее свойство реальности — пусть это навсегда впитается в твое сердце! Истина парадоксальна как таковая. Хотя не все парадоксы истинны, все истины парадоксальны. Истина должна быть парадоксальной, потому что она включает оба полюса — положительный и отрицательный — и еще трансценденцию. Она должна быть жизнью, смертью и чем-то еще. Под «чем-то еще» я подразумеваю трансценденцию и того, и другого — и есть, и нет. Это высочайший из парадоксов.

Если ты в уме, как ты можешь петь и танцевать? Ум создает страдание; из этого страдания не может возникнуть никакой песни. Если ты в уме, как ты можешь танцевать? Да, ты можешь совершать какие-то пустые жесты, называемые танцем, но это не настоящий танец.

Лишь только Мира умеет танцевать, или Кришна, или Чайтанья. Эти люди знают настоящий танец. Другие знают лишь техники танца, но их ничего не переполняет; их энергии застыли. Люди, которые живут в уме, живут в эго, а эго не может танцевать. Оно может устраивать представления, но не может танцевать.

Настоящий танец случается, лишь когда ты становишься свидетелем. Тогда ты блажен, и само это блаженство начинает переполнять тебя — и это танец. Само блаженство начинает танцевать; песня возникает сама собой. И лишь если ты свидетель, ты можешь чувствовать вкус жизни.

Я могу понять твой вопрос, Ананд Нур. Ты беспокоишься о том, что, став свидетелем, ты превратишься просто в зрителя жизни. Нет, быть зрителем это одно, а

быть свидетелем — совершенно другое, качественно другое.

Зритель равнодушен, туп, он пребывает во сне. Он не участвует в жизни. Он боится, он — трус. Он стоит на обочине дороги и просто продолжает смотреть, как живут другие. Вот что вы делаете всю жизнь: кто-то другой играет в фильме, а вы смотрите. Ты зритель! Люди приклеиваются к своим креслам на много часов, смотря телевизор — зрители! Кто-то другой поет, а ты слушаешь. Кто-то другой танцует, а ты просто зритель. Кто-то другой любит, а ты просто смотришь. Ты не участвуешь. Профессионалы делают то, что тебе следовало бы делать самому.

Свидетель это не зритель. Тогда что такое свидетель? Свидетель это тот, кто участвует и в то же время остается бдительным. Свидетель находится в состоянии *вувэй*. Это слово Лао-цзы: оно означает действие без действия. Свидетель это не тот, кто убежал от жизни. Он живет в жизни, живет гораздо более тотально, гораздо более страстно, но все же остается наблюдателем глубоко внутри; он продолжает помнить: «Я — сознание».

Попробуй это, идя по дороге: помни, что ты сознание. Ты продолжаешь идти — но добавилось что-то новое, новое богатство, новая красота. Нечто внутреннее прибавилось ко внешнему действию. Ты стал пламенем сознания, и тогда в ходьбе появляется совершенно иная радость; ты на земле, но твои ноги совершенно не касаются земли.

Вот что сказал Будда: Пересеки реку, но не позволяй воде коснуться своих ног.

В этом значение восточного символа лотоса. Должно быть, вы видели портреты и статуи Будды, сидящего на лотосе — это метафора. Лотос это цветок, который живет в воде, и все же вода не касается его. Лотос не убегает в гималайские пещеры; он живет в воде, и все же остается далеко, очень далеко. Быть в миру, и все же не позволять миру проникать в свое существо, жить в миру, и все же

быть не от мира — вот что имеется в виду под «свидетельствующим сознанием».

Вот что я имею в виду, когда говорю вам снова и снова: Осознавайте! Я не против действия, но ваше действие должно быть просветлено осознанностью. Те, кто против действия, обречены на подавление — а все виды подавлений делают вас патологическими, не цельными, не здоровыми.

Монахи, живущие в монастырях, католики или индуисты; монахи джайнов и буддистов, которые убегают от жизни — они не истинные саньясини. Они просто подавляют свои желания и уходят от мира, от мира действия. Как ты можешь быть свидетелем, если ты уходишь из мира действия? Мир действия это лучшая возможность для осознанности. Она дает тебе вызов, она постоянно остается вызовом.

Ты можешь либо заснуть и стать делающим; тогда ты мирской человек, мечтатель, жертва иллюзий — либо ты становишься свидетелем, и все же продолжаешь жить в миру; тогда твои действия имеют совершенно иное качество. Это настоящее действие. Действия тех, кто не осознает, это не настоящие действия, а реакции; они лишь реагируют. Кто-то оскорбляет тебя, и ты реагируешь. Оскорби Будду: он не реагирует — он действует. Реакция зависит от другого — он нажимает на кнопку, и ты становишься жертвой, рабом; ты действуешь как машина. Реальный человек, который знает, что такое осознанность, никогда не реагирует; он действует из своей собственной осознанности. Его действие не исходит из действия другого; никто не может нажимать на кнопки. Если он спонтанно чувствует, что правильно сделать то-то и то-то, он делает это; если он чувствует, что ничего не нужно, он сохраняет молчание. Он не подавляет; он всегда открыт, выразителен. Его выражение многомерно. Он течет в песне, в поэзии, в танце, в любви, в молитве, в сострадании.

Если ты не станешь осознающим, тогда у тебя есть лишь одна возможность: либо подавлять, либо потакать. И в том и другом случае ты останешься в оковах.

Монахиня была изнасилована прямо за стеной монастыря. Когда ее нашли, ее внесли вовнутрь и позвали врача.

Он пришел, всплеснул руками и сказал:

— Это работа для пластического хирурга!

Прибыл пластический хирург. Когда он увидел несчастную монахиню, он воскликнул:

— Боже, какой кошмар! С чего же мне начинать?

Мать-настоятельница ответила:

— Это просто. Сначала уберите эту дурацкую улыбку с ее лица!

Третий вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Что такое да? Я поняла, что я в действительности не понимаю, что это такое. Я все время вижу, что, говоря да, я чувствую некоторое удивление, будто бы я изумлена тем, что нет никаких причин сказать нет. Мое да всегда вопреки нет. Что это за опыт, да?..*

*Прем Сатьямо,
Да содержит в себе основу всех религий. Говорить да существованию значит быть религиозным. Говорить нет значит сопротивляться, говорить нет означает конфликт, говорить нет эгоистично. Говорить нет значит сохранять свою отделенность, оставаться отстраненным. Говорить да значит значит таять, сливаться с целым. Говорить да значит раскрыться, как распускается бутон и становится*

цветком. Нет это закрытое состояние ума; да это открытый цветок.

Разница между нет и да это разница между мертвым и живым человеком. Человек, живущий в нет, остается заключенным, он остается в лишенном окон мире, в который не могут проникнуть солнце, дождь и ветер; туда может стучаться Бог, но даже звуки стука не проникнут вовнутрь; туда не может проникнуть любовь.

Закрытый человек, человек, который живет с нет, живет в эго. Чем больше эго, тем меньше мостов между человеком и существованием. Когда эго тотально, человек полностью обнесен стеной; он живет в тюрьме, созданной им самим. Он не может сказать да деревьям, он не может сказать да луне, он не может сказать да ничему! Он забыл, как говорить да, и даже если он иногда говорит да, это да не что иное, как замаскированное нет.

Я слышал историю о Иосифе Сталине:

Ему позвонил Молотов, министр иностранных дел. Когда раздался звонок, рядом с ним сидела его жена. Иосиф Сталин сказал:

— Нет, нет, нет, да, нет!

Жена удивилась. Она удивилась не нет, не стольким нет — она прекрасно знала своего мужа, он был человеком нет. Он был одним из самых эгоистичных людей в мире. Его имя значительно: «Сталин» значит «стальной». Он был не настоящим человеком, но стальным человеком, машиной, роботом. Нет было для него естественно.

Его жена была удивлена тем, что между четырьмя нет прозвучало одно да. Она сказала ему:

— Можно задать один вопрос? Я не хочу вмешиваться в политику, которую вы обсуждаете с Молотовым, и в то, что ты говоришь. Только одно... мне стало очень любо-

пытно: ты действительно сказал да между этими нет, или мне только послышалось? Ты действительно сказал да?

Сталин ответил:

— Да, я сказал да.

— Тогда еще один вопрос, — сказала жена. — Почему ты сказал да?

— Когда я четыре раза сказал нет, Молотов спросил: «Так значит, нет?», и я ответил: «Да».

Есть люди, которые говорят да, лишь когда да это не что иное, как завуалированное нет. И есть люди, очень редкие люди, которые говорят нет, лишь когда это нет является завуалированным да. Эти люди — будды. Да, иногда они говорят нет, но их нет это не негативное нет; в сердце их нет живет да. Если им иногда, в определенных обстоятельствах, приходится использовать это слово, в действительности они имеют в виду да.

Такой человек как Будда иногда может быть очень жестким, но он жесток из-за своего сострадания и любви. Георгий Гурджиев был очень тверд со своими учениками, но лишь из своего бесконечного сострадания, из своей тотальной любви.

Да это само существо религии, нет это само основание анти-религии. Атеист это не тот, кто не верит в Бога; атеист это тот, кто верит в нет. А теист это не тот, кто верит в Бога; теист это тот, кто верит в да — потому что существовали теисты, такие как Будда и Махавира, которые не верили в Бога, но все же — можно ли найти более религиозных людей? Есть миллионы людей, которые верят в Бога, но в их жизнях нет ни намека на религию — ни малейшего аромата. Они воняют нерелигиозностью, насилием, ненавистью, ревностью, собственничеством. Цветы любви не цветут в их жизнях.

Да — это основание истинно религиозной жизни.

Ты спрашиваешь меня: «Что такое да?»

Да — это отбрасывание эго.

Да — это выход из ума. Да это доверие.

Только вчера Будда говорил о доверии: *Доверяй, медитируй, видь*. Да означает доверие, а доверие это начало медитации. Медитация означает расслабление в существовании. Пока ты не доверяешь, пока ты не можешь сказать существованию да, как ты можешь расслабиться? Люди не могут расслабиться, потому что они боятся. Люди не могут расслабиться из-за своего страха, что, если они расслабятся, их обманут. Люди могут расслабиться лишь с теми, кому они доверяют.

С незнакомым человеком в комнате ты не сможешь заснуть. Кто знает, может быть, он перережет тебе горло. Кто знает, может быть, он заберет твои деньги и убежит. Но с женой или мужем ты крепко засыпаешь, ты можешь доверять. Ребенок может пойти с отцом или матерью куда угодно. Даже если его отец идет в огонь, ребенок пойдет с ним и будет петь песню, танцевать, исследовать, задавать вопросы, ничего не боясь, потому что он знает, что его держит за руку отец.

Это доверие и есть да: знание того, что существование это наша мать, что существование это наш источник — он не может быть против нас, он не может быть враждебным к нам. Когда ты видишь это, понимаешь это, возникает доверие. Тогда ты можешь сказать да. Тогда ты можешь сказать: «Аминь»; это просто значит да.

В то мгновение, когда ты можешь сказать да и расслабиться, медитация становится естественной. Без всякого усилия, без всякого напряжения, без всякой борьбы ты начинаешь проваливаться в пространства, называемые медитацией... пустой от всякого мусора, но наполненный Богом — скорее, полный божественности; пустой от мира, но наполненный чем-то, чего ты никогда не знал раньше; наполненный светом, который нематериален; наполненный ароматом, который приходит из ниоткуда, из ничего. Пустота и в то же время наполненность, пустота и полнота — не отрицательная.

И когда есть медитация, возникает видение, рождается *даршан* — ты получаешь способность к видению. Твои глаза так ясны, так чисты; ни облаков, ни смущения, ни мысли. Твои глаза так восприимчивы, так проницательны, что ты можешь достичь глубочайшего ядра тайинства существования, что ты можешь получить проблеск окружающего тебя волшебства, вечного волшебства. *Эс дхаммо санантано*: ты можешь заглянуть в вечный закон.

Сатьямо, ты спрашиваешь: «Что такое да? Я понял, что я в действительности этого не понимаю».

Никто не понимает! Как только ты действительно понимаешь да, у тебя есть все, что нужно для путешествия к другому берегу. Тогда ты готов переправиться на другой берег. Тогда да становится лодкой, которой не страшен никакой шторм. Как бы ни бурлил океан, лодка да способна достичь другого берега. Если у тебя есть лодка да, тогда никто не может помешать тебе достичь Бога.

Ты говоришь: «Я вижу, что, когда бы я ни говорил да, я чувствую некоторое удивление, как будто я изумлен, что нет причин, чтобы сказать нет».

Да. Каждый, кто начинает говорить да, учится говорить да, будет обязательно удивляться снова и снова. Ты говоришь да в тех местах, где раньше ты говорил нет. Ты обязательно будешь удивляться тому, что нет причин сказать нет. Почему ты всю жизнь говорил нет? Просто понаблюдай за людьми и за собой — почти девяносто девять процентов нет исходят из эго; в действительности для них нет причин.

Ребенок хочет выйти на улицу и поиграть. Солнце светит так ярко, поют птицы, дует ветерок, летают бабочки, жужжат пчелы... и ребенок спрашивает мать:

— Я можно я пойду и поиграю в саду?

Она говорит нет — даже не думая, даже не слушая, что он на самом деле просит, не уделяя ему ни малейшего внимания, ни мгновения осознанности. Нет просто приходит автоматически, как встроенное. Она не задумалась,

она даже не посмотрела на ребенка. Она не говорит ребенку нет в ответ на то, о чем он попросил, она скажет нет в любом случае. Это не имеет никакого отношения к ребенку; это относится к ее путешествию власти.

Поэтому многие женщины на самом деле не хотят быть матерями. Они даже не достойны того, чтобы быть матерями, но они хотят быть матерями, стремятся быть матерями по совершенно другой причине — не имеющей никакого отношения к материнству.

Материнство это великая медитация. Материнство это одно из величайших искусств: создание живого существа. Скульптор — ничто в сравнении с матерью, потому что он создает лишь мраморные статуи. Художник — ничто, поэт — ничто, певец — ничто, музыкант — ничто, потому что они играют с вещами, с объектами. Мать это величайший поэт, величайший художник, величайший музыкант и величайший скульптор, потому что она создает сознание — саму жизнь.

Но женщины не заинтересованы в материнстве, у них совершенно ошибочный интерес. Хотя они и говорят, что хотели бы быть матерями, чего они действительно хотят, так это власти. Женщина чувствует большую власть, если у нее есть дети — потому что мужчина отнял у нее все остальные путешествия власти. Ей не позволено бывать в миру, ей не позволено ходить в церковь, ей не позволено заниматься политикой. У нее нет никакой другой возможности удовлетворить свое эго; почти девяносто девять процентов возможностей у нее отнял мужчина. Женщину заставили проводить всю жизнь дома; у нее может быть только одно путешествие власти — ее дети.

Отсюда это нет. Она не слушала, она не видела ребенка; она просто сказала нет. Это абсолютно бессмысленно! Если бы она слушала, не было бы никаких причин говорить нет. Это совершенно правильно: если на улице танцует солнце, почему ребенок должен оставаться в темном и мрачном доме? А когда снаружи дует ветер, ребенку нужно позволить танцевать на ветру. Ребенку нужно поз-

волить и танцевать под дождем, но мать придумывает рационализации: «Я боюсь, как бы он ни простудился или не заболел — вот почему я говорю нет». Но это только рационализации.

На самом деле каждый ребенок от рождения имеет право танцевать под дождем, на ветру, на солнце. Это дает здоровье, это дает живость. Это приводит его ближе к природе и ближе к Богу. Мать заставляет его ходить в церковь или в храм, где он ничего не видит, никакого Бога. А там, где Бог такой живой, такой осязаемый, на природе... Ребенку хочется залезть на дерево, это такой вызов — Бог зовет его с дерева, с верхушки дерева!

Всем детям нужно разрешать лазать по деревьям, взбираться на горы. Им нужно дать все шансы принимать все вызовы. Им нужно помогать двигаться в опасность. Их нужно подготавливать, а не защищать; подготавливать двигаться в опасность — помогать, убеждать, поощрять двигаться в опасность, потому что человек, который знает, как двигаться в опасность, рано или поздно обязательно натолкнется на Бога. Но мать скажет нет, отец скажет нет.

Много лет черный ребенок молил Бога о том, чтобы он сделал его белым. Однажды утром он проснулся и обнаружил, что его кожа стала белой. Вздвигнувшись, он выпрыгнул из кровати и закричал:

— Мама, мама, я стал белым!

Мать ответила с кухни:

— Заткнись, Томми, ты мне надоел. Расскажи это своему отцу.

Том отправился в ванную.

— Папа, папа, посмотри, теперь я белый!

Отец даже не оторвал глаз от зеркала. Он сказал усталым голосом:

— Томми, ради бога, у меня нет времени. Пойди и расскажи эту ерунду своей сестре.

Томми был все больше и больше сбит с толку. Он пришел к своей сестре.

— Мэри, Мэри, ты видишь? Бог сотворил чудо — моя кожа стала белой!

— Отвяжись, чувак, — ответила сестра. — Я опаздываю, я убегаю.

Тут Томми почувствовал, что он начинает злиться. Он посмотрел на часы и сказал:

— Вот оно как, я пробыл белым только пять минут, но уже не могу выносить этих вонючих черномазых!

Нет приходит легко, оно становится нашим образом жизни.

Ты спрашиваешь меня, Сатьямо: «Я чувствую удивление, как будто я изумлен тем, что нет причин сказать нет».

Да, нет причин сказать нет. А если ты можешь избежать механического нет, если иногда действительно есть причина, чтобы сказать нет, у твоего нет будет положительная ценность; оно не будет негативным. Человеку, который живет в климате да, иногда приходится говорить нет, но оно не негативно, оно не может быть негативным. И наоборот. Человек, который живет в климате нет, даже если иногда он говорит да, оно не положительно, это на самом деле не да; это только замаскированное нет. Его значение отрицательно.

Ты говоришь: «Мое да всегда вопреки нет».

Поначалу это неизбежно. Ты так привык говорить нет, что сначала да будет вопреки нет. Но это еще не настоящее да, это только заменитель; в нем есть что-то от нет,

какая-то грязь все еще цепляется к этому да. Если ты наливаешь чай в грязную чашку, станет грязным и чай. Если твое да это лишь заменитель нет, если это да вопреки нет, значит, за него все еще цепляются некоторые качества нет. Но поначалу так бывает всегда, поэтому не беспокойся об этом. Сделай свою чашку еще немного чище!

Начни говорить да вообще без всякой причины, точно также как раньше ты без всякой причины говорил нет. Это может быть одной из самых лучших мантр, гораздо лучше, чем повторять: «Рама, Рама, Кришна, Кришна, Иисус, Иисус». Гораздо более красиво и значительно, гораздо более осмысленно сидеть молча и повторять осмысленно, сознательно: «Да, да, да». Это может быть мантрой, которая идет гораздо глубже, чем что-либо другое, потому что Рама, Кришна и Иисус так далеко, это только истории; ты не можешь с ними общаться. Мир так изменился, что они не могут быть чем-то большим, чем истории.

Я слышал, что через восемнадцать столетий Иисус вернулся, просто чтобы взглянуть на мир, посмотреть, все ли в порядке — в надежде на то, что теперь все изменилось. Восемнадцать веков христианства, многие тысячи священников по всему миру, тысячи церквей — должно быть, мир изменился!

Он приземлился на берег Галилейского Озера, где он однажды ходил по воде. Случайно рядом оказался раввин, совершающий утреннюю прогулку. Иисус захотел поговорить с раввином, посмотреть, что он за человек, и он пошел по воде. Раввин выглядел немного озадаченным. Иисус вернулся и сказал ему:

— Ты видел, что я сделал?

— Да, я видел, — сказал раввин. — Почему бы тебе не научиться плавать как все нормальные люди? Ты что, рехнулся?

Мир изменился!

Я слышал о другом равнине. Он приехал из Америки, чтобы повидать Святую Землю. Он проходил мимо Галилейского Озера — он хотел увидеть и это место — и спросил лодочника, сколько стоит поплавать по озеру.

— Можешь ли ты перевезти меня на другой берег и обратно?

— Пятьдесят долларов, — ответил лодочник.

— Но это так много! Я видел озера, которые гораздо больше этого, и никогда не платил больше пяти долларов. Пятьдесят?..

— Но вы не знаете, равнин, что это то самое место, где Наш Господь ходил по воде!

— Узнав эту цену, всякий начнет ходить по воде! Я не могу заплатить пятьдесят долларов — а я приехал из Америки. Бедный сын плотника — мог ли он заплатить пятьдесят долларов?

Мир изменился. Если эти люди, Иисус, Кришна и Рама, внезапно приземлятся здесь, их не узнают, их сочтут сумасшедшими. Они будут выглядеть чужими, они будут смотреться как сошедшие с экранов фильмов — таких фильмов, как «Десять Заповедей»! Они не будут казаться настоящими.

Но да может быть совершенно другим.

«Иисус» ты будешь повторять механически, но «да», если ты говоришь его осмысленно... кланяясь земле и говоря да... лежа на земле обнаженным и говоря да земле, как будто земля это твоя мать, что так и есть... плавая в озере и говоря да воде, и не просто говоря, но и чувствуя это полностью, каждым фибром своего существа, каждой клеткой своего тела — пульсацию да... загорая на солнце и говоря да, я имею в виду, не вербально, а экзистенциаль-

но... оставаясь в настроении да... принимая солнце, приветствуя солнце, песок и поверхность песка, прохладу ветра... приветствуя все эти дары Бога, которыми он осыпает тебя — и ты даже не чувствуешь благодарности.

Да это благодарность.

Нет уродливо, неблагоприятно.

Но поначалу, Сатьямо, будет так: твое да будет лишь вопреки нет. Но это хорошее начало. Постепенно ты придешь к да, которое не борется с нет, но имеет собственные корни в твоём существе. Когда с тобой случается такое да, которое не имеет никакого отношения к нет — не только не вопреки нет, но и не имеющее ни малейшего отношения к нет, не противоположность нет, не отзвук нет; ты забыл о нет, существует лишь да, как будто у него нет противоположного слова — это высочайший пик да.

В это мгновение да становится молитвой, в это мгновение да становится мостом. Эго исчезает, отделенности больше нет. Человек чувствует единство с целым.

Ты спрашиваешь меня: «Где вместилище этого опыта, да?..»

Это сердце. Основание его не в голове; основание у тебя в сердце. Они родом из разных мест, они происходят из разных миров. Они совершенно различны. В словаре они близки друг к другу, но в самом существовании безмерно далеки — разные планеты, разные измерения.

Последний вопрос:

*Возлюбленный Мастер,
Почему все люди думают так по-разному?*

Говинд,
Мышление никогда не бывает одинаковым. Здесь у нас три тысячи саньясинов, сидящих вокруг меня — три тысячи саньясинов значит три миллиона умов. У каждого сань-

яси́на не один ум — много, тысячи, толпа. Каждый человек является толпой, и каждый — разной толпой, потому что каждый был воспитан по-своему.

Кого-то воспитали как христианина, кого-то воспитали как коммуниста — как они могут думать одинаково? Как они могут не быть разными? И не только разными, но и противостоящими друг другу? Кто-то был воспитан как индеец, а кто-то был воспитан как китаец — как они могут думать в одном и том же ритме? Невозможно.

Мышление приходит снаружи — воспитание, образование, обусловленность, культура. И нет способа поставить двух людей в одно и то же положение — даже близнецы не думают одинаково. Нет совершенно никакой возможности поставить двух людей в совершенно одинаковое положение. Даже у близнецов, рожденных в одной семье, разная обусловленность, потому что мать может любить одного ребенка больше чем другого; у отца могут быть противоположные предпочтения. Один ребенок может быть физически слабым, а другой — нет; один может быть более или менее больным, а другой — здоровым. Одному ребенку могут нравиться игры, потому что он здоров, а другой может избегать игр, потому что он все время болеет. У того ребенка, который все время ходит играть, могут быть совершенно другие друзья, чем у того, который никогда не играет, — у них *будут* разные друзья, — и так далее, и тому подобное. Небольшие различия имеют такое значение, что ты просто представить себе не можешь.

Говорят, что великий Наполеон всю свою жизнь боялся кошек. Он не боялся львов, но боялся кошек. Странно! Он ничего не боялся, — даже смерти, — но, увидев кошку, он просто терял голову. Когда ему было всего шесть месяцев, дикая кошка прыгнула ему на грудь, и он так испугался, что этот страх глубоко проник к нему с сердце, в бессознательное, и он не мог с ним совладать.

Говорят, что он потерпел поражение лишь раз в жизни, в последней войне с Нельсоном. Нельсон привел семьдесят кошек, чтобы испугать его. Он выпустил их перед своей армией... первый батальон состоял из кошек! И в то мгновение, когда Наполеон увидел семьдесят кошек, — хватило бы и одной! — он лишился рассудка. Он задрожал и покрылся испариной.

Он сказал своему заместителю:

— Я больше не могу думать об армии! — и потерпел поражение. Заслуга в этом принадлежит кошкам, не Нельсону. Но статуи стали изображать Нельсона, и люди совершенно забыли о кошках. Нужно было создавать статуи кошек; на самом деле, победил не Нельсон.

Мелочи... но как вам избежать этих мелочей? Невозможно. Даже у близнецов есть различия.

Поэтому двух людей нельзя воспитать одинаковым образом; отсюда — разница в мышлении. Различия исчезают, лишь когда вы медитируете. Если здесь три тысячи саньясинов в состоянии медитации, — просто в молчании, без мыслей, — тогда это совсем не три тысячи саньясинов, потому что три тысячи нулей, соединенные вместе, становятся одним нулем. Три тысячи нулей это не три тысячи нулей — они становятся одним нулем.

И именно это происходит мало-помалу. Чем более вы медитативны, тем более отпадают ваши различия. Возможно, это единственное на земле место, в котором исчезают все различия. Мусульмане, христиане, индуисты, джайны, буддисты, парсы — все они вместе, и никто не думает о том, кто принадлежит к какой религии. Шведы, немцы, французы, итальянцы, китайцы, японцы, англичане, американцы — все национальности вместе, и никто даже не обращает на это внимания, никто даже об этом не думает. Возможно, это единственное единение, которое только происходит на земле, настоящее братство.

И причина не в том, что я учу вас быть братьями, учиться терпимости... Помните, те, кто учится терпимости, остаются нетерпимыми. Уродливо само слово «терпимость». В то мгновение, когда ты говоришь: «Я могу терпеть других», проявляется твоя нетерпимость. Возможно, ты подавил свою нетерпимость, но это нетерпимость. Если ты терпишь других, это говорит о нетерпимости — что еще это может быть?

Здесь никто никого не терпит. Люди просто забыли обо всех различиях, потому что они движутся из ума. Все мои усилия направлены на то, чтобы вывести вас из ума. Если вы остаетесь в уме, вы разные. Если вы выходите из ума, вы — одно. Медитация приносит единство такого рода, что это не синтез. Я не заинтересован в синтезе индуизма и христианства, или христианства и ислама, или ислама и буддизма. Все это чепуха.

Мои усилия направлены совершенно на другое: я пытаюсь вывести вас из ума. Когда христианин выходит из ума, он больше не христианин, когда индуист выходит из ума, он больше не индуист. Это не синтез, это отбрасывание ума. Ум создает все различия.

Ты спрашиваешь меня, Говинд: «Почему все люди думают так по-разному?»

Они были по-разному воспитаны, они были по-разному обусловлены. Они не могут думать так же, как и другие — это невозможно! Они не могут интерпретировать вещи так же, как и другие. Иудей может читать Новый Завет, и он не будет той же самой книгой — хотя по видимости это одна и та же книга, это не будет той же книгой, которую читает христианин, потому что для иудея Иисус — предатель, Иисус предал иудаизм. Теперь это укоренилось очень глубоко. Христианин, читающий Новый Завет, читает не обычную книгу — это святая святых. Иисус — единородный сын Божий.

Если индуист читает ту же самую книгу, он читает ее равнодушно; она не имеет большого значения. И он

продолжает сравнивать ее с Упанишадами и Гитой и находит, что она беднее. Дело не в том, что она беднее — он читает Гиту по-другому. Это песня Господа, а это всего лишь сын плотника, Иисус — как можно сравнить его с Кришной?

Кришна это воплощение Бога, а этот парень, Иисус, кажется всего лишь умным ребенком. Кришна происходит непосредственно из седьмого рая. Кришна — несравненный, совершенный мастер. Иисус — хороший человек; самое большее, что о нем можно сказать: «хороший человек». Сравнение становится невозможным с самого начала.

Джайн читает Гиту и не может читать ее таким же образом, как индуист. У них разные глаза, у них разные углы зрения. Джайнские писания говорят, что Кришна провалился в ад за то, что начал великую войну. Арджуна милее сердцу джайна, потому что он говорит Кришне:

— Я не хочу сражаться. Я не хочу убивать. Какой смысл убивать этих людей? Только ради королевства? Однажды придет моя смерть, и это королевство будет утрачено, так какой смысл? Я отрекусь, я стану монахом.

И, если бы он сбежал, очень возможно, что он стал бы джайнским монахом. Если ты действительно хочешь стать монахом, то лучше всего стать джайнским монахом, потому что это самые гадкие из всех монахов. Другие монахи так себе; джайнский монах это настоящий монах! К нему уже ничего не добавить.

Но Кришна убедил Арджуну никуда не убегать. Должно быть, он был совсем как я, когда я говорю:

— Это бегство. Ты трус. Живи в мире! Сражайся! — Потому что ты воин, и это твой тип. Ты не можешь быть монахом, это не твоя природа. Следуй своей природе.

Кришна говорит Арджуне:

— Сваддхарме нидханам шрейах пардхармо бхайавах — никогда не следуй чужим идеям.

Это очень опасно, потому что тогда ты становишься подражателем. Всегда следуй своей природе, собственной природе; лишь тогда ты достигнешь свободы. Лучше умереть, следуя собственной природе, чем жить, следуя природе кого-то другого, потому что это будет ложной жизнью. Умереть, следуя собственной природе, красиво, потому что эта смерть будет подлинной.

Кришна убедил Арджуну — именно так родилась вся Гита. Это диалог между Кришной и Арджуной. Арджуна пытался сбежать, а Кришна тащил его обратно в мир — и в конце концов в этом преуспел.

Джайны разозлились — они упустили хорошего монаха. Они бросили Кришну в седьмой ад на очень долгий срок, потому что он явился причиной миллионов человеческих смертей. С тех пор Индия никогда не знала большей войны. Как может джайн читать Гиту и истолковывать ее так же, как и индуист? Невозможно. С самого начала ум предубежден.

Люди неизбежно думают по-разному, потому что они воспитаны по-разному, в разных религиях, разными священниками, разными школами, разными колледжами, разными университетами. Их растили на разных идеях, идеологиях — они обязательно будут думать по-разному. И нет способа заставить их одинаково думать — невозможно.

Единственный возможный путь — вывести их из ума. Тогда они могут выскользнуть из всего своего воспитания. Тогда вдруг — единство; тогда вы видите чистыми глазами, незагрязненными культурой и традицией; тогда вы видите вещи, как они есть, а не так, как вы должны их видеть. Вы становитесь чистыми зеркалами.

Мышлению никогда не создать единого мира: лишь медитация может создать единый мир.

Класки пришел на исповедь в первый раз за последние двадцать пять лет.

— Скажи мне, — начала священник, — спал ли ты когда-нибудь с женщиной?

— Ээ, нет, Отец, — ответил Гласки.

— Сын мой, — сказал священник, — я спрашиваю тебя снова. Спал ли ты когда-нибудь с женщиной?

— Мнн, ээ, нет, Отец!

— Здесь тебя слушает лишь Бог и я. Я спрошу тебя еще один раз. За все эти двадцать пять лет спал ли ты когда-нибудь с женщиной?

— Ну, Отец, вы заставляете меня задуматься, — сказал Гласки. — Может быть, я и задремал пару раз!

Видите разницу? Люди слушают согласно своим идеям. И это естественно...

Клод сидел в кафе под открытым небом, смакуя бокал вина. В этот момент к нему подбежал его друг Рене.

— Клод! — сказал он, задыхаясь. — Я только что видел, что к тебе домой вошел мужчина!

— Кто этот мужчина, Рене? Как он выглядел?

— В нем два метра росту, черные волосы, черные усы... — доложил Рене.

— Была ли на нем темная шляпа и полосатая рубашка?

— Да, — согласился Рене, — именно так он и был одет.

— А, ну это всего лишь Пьер, — сказал Клод. — Он занимается любовью с кем попало!

Два человека думают по-разному. У них разный подход, разное отношение; различны и их заключения.

Фунг, владелец прачечной, прожив в Америке десять лет, продолжал посылать деньги своей жене в Китае, каждый раз гордо говоря банковскому служащему, что его жена родила нового ребенка.

— Но мистер Фунг, — сказал клерк, — вы живете в Америке уже десять лет!

— Да, да, — ответил радостно китаец. — У меня есть очень хорошие друзья в Китае!

У людей разные концепции, разные способы смотреть на вещи; поэтому они обязательно думают по-разному. Мышление заставляет тебя отличаться от всех остальных, отделяет тебя от других; мышление это функция эго. Не-мышление... внезапно все различия испаряются.

И именно этому я учу, именно в этом все послание Будды: Стань не-умом. Стань чистым сознанием, пустым небом без облаков мысли. Кто ты тогда — индуист, мусульманин, христианин? Индеец, японец, немец? Черный, белый? Мужчина, женщина? Кто ты? Молодой, старый? Богатый, бедный? Знаменитый, пресловутый? Кто ты? Все различия исчезают. Ты — чистое молчание.

Это молчание является твоим высшим существом. Достичь его значит достичь нирваны. Достичь его значит раскрыться для блаженства, для всех благословений Бога.

Медитируй больше и больше, чтобы тебя не стало, чтобы ты мог позволить быть Богу. В то мгновение, когда тебя нет, есть Бог — и Бог един, а вас много. Вас много не только снаружи, но и внутри. Когда ты исчезаешь, — когда множество исчезает и внутри и снаружи, — тогда все это лишь волны одного океана.

А познать океан, скрывающийся за волнами разных форм, цветов, очертаний значит познать истину.

Истина освобождает.

Эс дхаммо санантано — это вечный, неисчерпаемый закон: истина освобождает.

На сегодня достаточно.

Содержание:

Глава 1.	<i>Лучше ста лет...</i>	7
Глава 2.	<i>Путем трансценденции</i>	39
Глава 3.	<i>Спешит делать добро</i>	69
Глава 4.	<i>Истина очень проста</i>	105
Глава 5.	<i>Пыль, брошенная против ветра</i>	135
Глава 6.	<i>Так ли это?</i>	167
Глава 7.	<i>Видь себя в других</i>	195
Глава 8.	<i>Немного медитации</i>	227
Глава 9.	<i>Испросись для закона</i>	259
Глава 10.	<i>Эс дхаммо санантано</i>	291

Ошо

Дхаммапада

том 4

Книга выпущена по заказу
Московского медитационного
центра НИРВАНА

Главный редактор
Свами Випс Пуджа

Перевод
Ма Прем Пуджа

Оригинал-макет и графика
Ма Прем Пуджа

Формат 60х90/16. Бумага офсет № 1.
Гарнитура «Times New Roman Сут». Печать офсетная.
Усл. пес. л. 20. Уч. — изд. л. 20,0.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3756
Цена договорная.
Лицензия № 062411 от 11.03.94.

Отпечатано с оригинал — макета
в Московской типографии "Наука"
Москва, 121099, Шубинский пер., д.6.

В 1998 году выйдут книги Ошо-33-55

1-33 Дхаммапада 2	11-43 Сутра сердца
2-34 Йога-6	12-44 Скрытая гармония
3-35 Я говорю вам 1	13-45 Окультиные тайны
4-36 Дхаммапада 3	14-46 Тайна
5-37 Психология Эзотерического	15-47 10 веков дзен
6-38 Бог умер	16-48 Путь без пути
7-39 Высшая доктрина	17-49 Прямая передача
8-40 Я говорю вам 2	18-50 Вигьян Бхайрав Тантра
9-41 Унио мистика	19-51 Божественная мелодия
10-42 Искусство умирать	20-52 Проблемы... автобиография

